

ПЕРЕПИСКА С ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ 1903—1923

Предисловие и публикация

С. С. Г р е ч и ш к и н а, Н. В. К о т р е л е в а и А. В. Л а в р о в а

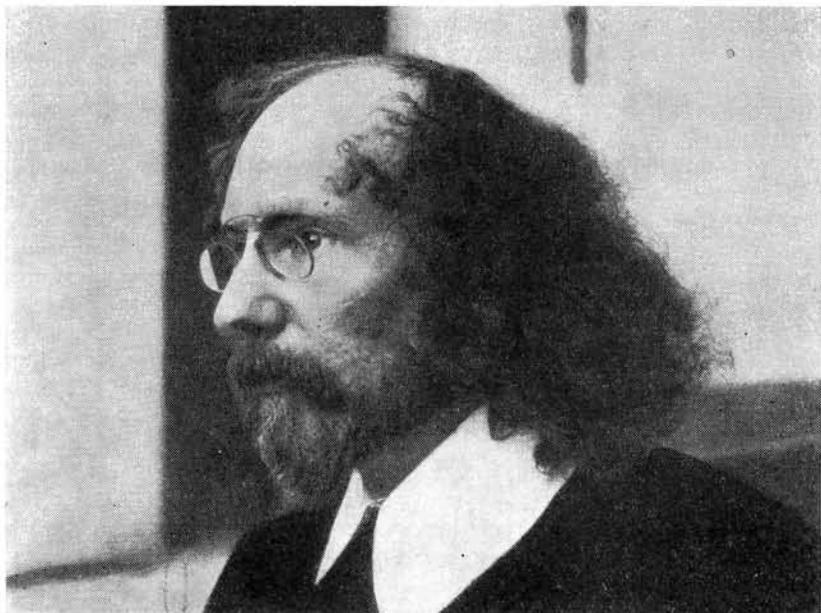
Переписка Брюсова с Вяч. Ивановым (1866—1949) — не только содержательный материал для историка русской литературы начала XX в., но и интереснейший человеческий документ. Выдающиеся поэты, лидеры символистской школы, Брюсов и Иванов вместе с тем — люди, разительно несхожие по своим жизненным устремлениям, мировоззренческим устоям, мироощущению и темпераменту, но вопреки этому в течение двух десятилетий тесно связанные сложными отношениями, дружественными и конфликтными одновременно.

Пути Брюсова и Иванова впервые пересеклись еще в 1900 г.: именно к Брюсову, фактически возглавившему только что созданное символистское издательство «Скорпион», попало письмо Иванова, предлагавшего издать антологию французских символистов, составленную группой сторонников «нового искусства»¹. Проект остался нереализованным, но примечательно, что эта попытка завязать отношения с издательствами на родине привела Иванова (постоянно жившего тогда за границей и далекого от русских писательских кругов) именно в «Скорпион».

В 1903 г. Брюсов напечатал рецензию на первую книгу Иванова «Кормчие звезды». Он без колебаний признал в авторе своеобычность и зрелость поэтического дара: «Вячеслав Иванов — настоящий художник, понимающий современные задачи стиха, работающий над ними. Его стих — живое, органическое целое, самостоятельная личность»². В своей рецензии Брюсов подчеркнул значение «Кормчих звезд» — явления высокой поэзии — на фоне эпигонства и провинциализма поэтической продукции конца XIX в. И хотя Брюсов, касавшийся в основном собственно литературных достоинств книги, воспринял как недостатки некоторые особенности поэтической системы Иванова (тяжеловесность, громоздкость, неблагозвучность иных строк), для него было ясно: новый поэт — безусловно одного лагеря с символистами.

Личное знакомство поэтов состоялось в Париже 29 апреля 1903 г. на лекции Иванова, читавшего курс о религии Диониса в Русской высшей школе общественных наук. «Лекция моя была ему интересной»³, — писал Иванов о Брюсове жене, рассказывая и о других встречах с ним в Париже. И Брюсов из всех парижских впечатлений и знакомств выделил его: «Но самое интересное было, конечно, Вяч. Иванов <...> Это настоящий человек, немного слишком увлечен своим Дионисом. Мы говорили с ним, увлекаясь, о технике стиха...» (*Дневники*, стр. 132). Характерно, что, осмысляя первые встречи с Ивановым, Брюсов выделяет общность поэтических интересов и настороженно говорит о религиозно-философских устремлениях Иванова, как бы предвидя причины позднейшей близости и мотивы расхождения с ним.

Летом того же года между Брюсовым, вернувшимся в Москву, и Ивановым, жившим близ Жевелева, устанавливается регулярная переписка — свидетельство все более тесного сближения поэтов, рождается ощущение того, что в их взглядах и переживаниях есть много общего. Это отразили и первые поэтические послания друг к другу. 16-м ноября 1903 г. помечены и стихотворение Иванова, воспевавшее стих — «правый» и «победный» — брюсовского «Urbi et Orbi», и стихотворение Брюсова, приветствовавшее ивановский «напев <...> победных хоров к неумиравшей красоте», которое впоследствии открыло книгу Брюсова «Stephanos», посвященную Иванову — «поэту, мыслителю, другу»⁴. Весной 1904 г., уже в «Скорпионе», вышла в свет вторая книга стихов Иванова «Прозрачность», на которую Брюсов тотчас откликнулся рецензией. Если в «Кормчих звездах» он еще находил «неудачи ищущего», то в «Прозрачности» высокие духовные порывы, по его убеждению, воплощены адекватным художественным

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Фотография, 1903—1906 годы

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

образом. Теперь поэзия Иванова для Брюсова — законченная и совершенная по мастерству исполнения художественная система⁵.

Дружеские отношения поэтов укрепились весной 1904 г., когда Иванов приехал на несколько недель в Москву. Через Брюсова он познакомился с московскими символистами и быстро занял в их среде почетное место. По воспоминаниям А. Белого, Иванов, «импонировавший эрудицией, красноречием и годами», был воспринят в кругу «Скорпиона» как естественный заместитель «мэтра» Брюсова⁶.

В первые годы Брюсов оказывал Иванову интенсивную издательскую поддержку. При его содействии Иванов выпустил книгу «Прозрачность», печатался в альманахах «Северные цветы» и, главное, стал ближайшим сотрудником «Весов». В «Весках» Иванов выступил с несколькими программными философско-эстетическими статьями («Поэт и чернь», «Ницше и Дионис», «Копье Афины» и др.), многие идеи которых перекликались с теоретическими воззрениями Брюсова того времени. Насколько высоко ценил Брюсов деятельность Иванова и дружбу с ним, говорит хотя бы тот факт, что он предлагал Иванову летом 1904 г. стать соредактором «Весов» (п. 20).

Но Брюсов и Иванов представляли, в конечном счете, глубоко различные тенденции внутри русской символистской школы. В годы издания «Весов» Брюсов был еще неколебимо верен выработанным в 90-е годы эстетическим заветам «старших» символистов; Иванов же по духовным и творческим устремлениям тяготел скорее к «младшим» символистам — Андрею Белому и Александру Блоку. В то же время и с Брюсовым у него была общая основа, на почве которой он был незаменимым соратником в борьбе за утверждение «нового» искусства. Это прежде всего — филологическая культура, воспитавшая обоих поэтов. Брюсова и Иванова сближал постоянный творческий интерес к культурному наследию прошлого, в первую очередь — античного мира. Обусловленность символизма всем ходом развития мировой культуры неустанно подчеркивали и Брюсов и Иванов; это объединяло как их теоретические манифесты, так и поэтическое творчество. Для обоих поэтов характерны торжественность стиха, виртуозность поэтической техники, черты высокой книжности, а в идейном отношении — оптимистическая устремленность, пафос творческого дерзания. Намеченное

сходство не снимало, однако, кардинального различия поэтических кредо Брюсова и Иванова. Это сказывалось прежде всего в «заклятии» Ивановым проникающей творчество Брюсова «декадентской» стихии (см. стихотворение Иванова «Mi fur le sergi amiche», ему посвященное⁷); и Брюсову в конечном счете не были созвучны те «жизнетворческие», «теургические» задачи, которые Иванов выдвигал перед символистским искусством. Различие литературных позиций поэтов зримо проявилось вскоре после революции 1905 г.

Ранний этап русской революции взволновал и увлек Брюсова и Иванова, что нашло свое отражение в их творчестве⁸. Иванов тогда уже не был сторонним наблюдателем: в 1905 г. он поселился в Петербурге, в его квартира (знаменитая «башня») вскоре стала одним из заметных очагов культурной жизни столицы. Известно, что Брюсов в дальнейшем, особенно под влиянием поражения московского восстания, разуверился в революции, и поэтому для него был неприемлем радикализм (хотя и довольно расплывчатый), который культивировался в кругу Иванова. В конце 1905 г. в Петербурге у Брюсова произошло столкновение на этой почве с Ивановым, едва не приведшее к серьезной размолвке⁹.

Революционный катаклизм, потрясший Россию, потребовал и от писателей-символистов отклика на поставленные действительностью проблемы. Вызванная революцией волна общественных настроений послужила одной из глубинных причин, приведших некоторых из них к попыткам преодоления индивидуалистического мирозерцания во имя сверхиндивидуальных ценностей. Свообразным ответом на вопросы времени отчасти явилась платформа «мистического анархизма», которую выдвинул Г. Чулков и поддержал В. Иванов, что привело к известной в истории символизма полемике 1906—1908 гг. Стремление к переосмыслению системы ценностей символизма нашло отражение в первом выпуске альманаха «Факелы», изданном Чулковым и Ивановым. Брюсов откликнулся на него отрицательной рецензией: задачи символизма он видел исключительно в художественном творчестве, а радикальная декларативность и мистическое визионерство, провозглашаемые как новообретенные пути, вызвали с его стороны решительное осуждение. «Новую школу» он расценил как «не истинную, искусственно созданную»¹⁰. В полемическом ответе Брюсову Иванов, отрицая понимание группы «Факелов» как литературной «школы», сформулировал лозунг — «устремление из уединения к соборности»¹¹.

Летом 1906 г. увидела свет книга Чулкова «О мистическом анархизме» — главное теоретическое обоснование выдвинутой доктрины — со вступительной статьей Иванова «Идея неприятия мира и мистический анархизм». Основную мысль своей статьи, развивающей идею его более ранних философско-эстетических работ, Иванов резюмировал в письме к Брюсову: «мистический анархизм — символизм, пронизанный лучом соборности» (п. 51). Однако ход его рассуждений только подводил к раскрытию нового понятия. Четырем же статьям Чулкова, составившим книгу, присущи были эклектичность и сумбуризм в изложении, шаткость аргументации, теоретическая беспомощность. Соединение мистического опыта и анархизма должно привести к гармоническому утверждению личности в обществе. Дальше этой декларации и не пошел Чулков, пытавшийся развить ивановскую идею неприятия реального разобщенного мира во имя грядущего соборного. В своем отклике на книгу Брюсов лишь мимоходом коснулся статьи Иванова (выразив недовольство чисто внешними ее сторонами — излишней приподнятостью тона и тяжеловесностью языка), но язвительно и беспощадно высмеял Чулкова¹². Очевидно, Брюсов не хотел заострять в печати свои разногласия с Ивановым, ценя дружбу с ним и уважая убеждения друга. Однако тактичность Брюсова по отношению к Иванову не могла приостановить усилившееся размежевание двух лидеров символизма. Брюсов прямо заявил Иванову о своем категорическом неприятии мистического анархизма (п. 53).

В 1907 г. декларации Чулкова и Иванова снизили определенную популярность, особенно после издания специального теоретического выпуска «Факелов». Претенциозные заявления мистических анархистов (а затем и манифестированный Чулковым «мистический реализм» — синтез символического и реалистического методов в искусстве) привлекли внимание прежде всего не искусственных в философии и эсте-

тике молодых петербургских литераторов (С. Городецкий, М. Гофман, К. Эрберг и др.). В противовес мистико-анархическому «поветрию» Брюсов слотил вокруг «Весов» «ортодоксально» настроенных символистов (Андрей Белый, Эллис, З. Н. Гиппиус и др.), которые под его эгидой развернули полемическую кампанию с позиций своеобразного модернистского «академизма». Брюсов при этом отнюдь не был адептом изживавшегося им «декадентства», сам он упорно искал новые идеалы. «Так, как сейчас, я не могу жить: без бога, без алтаря, — признавался он в 1906 г. — И не могу поставить себе «какого-нибудь» бога, наскоро смастеренного, чтобы только было перед кем возжигать фимиамы»¹³. Но таким именно «наскоро смастеренным богом» и представлялась ему мистико-анархическая теория, поддерживаемая Ивановым. Признавая в принципе перспективным отход от «крайнего индивидуализма», Брюсов настойчиво отвергал и эстетические лозунги новоявленных теоретиков.

Таким образом, Брюсов и Иванов в 1907 г. оказались вдохновителями двух враждовавших фракций внутри символизма — «Москвы» и «Петербурга». Однако их дружба все же выдержала испытание ожесточенной борьбой, что было убедительно подтверждено изданием совместного перевода трагедии Г. Д'Аннунцио «Фрэнческа да Римини» (1908). И переписка поэтов этого времени свидетельствует о том, что былые дружественно-доверительные отношения сохранились; Иванов и Брюсов чувствовали ответственность друг перед другом и за собственную позицию, и за поведение своих соратников, когда обсуждали животрепещущую для обоих тему — тактическую линию «Весов» в ходе полемической кампании.

К 1909 г. полемика вокруг мистического анархизма исчерпала себя, но в 1910 г. между Брюсовым и Ивановым назрело новое столкновение, на этот раз обнаружившее, наконец, со всей определенностью, кардинальное различие в понимании писателями задач искусства, природы символизма и судеб символистской школы. К началу 1910 г. относится дневниковая запись Брюсова: «В Москве был Вяч. Иванов. Сначала мы очень дружили. Потом Вяч. Иванов читал в «Эстетике» доклад о символизме. Его основная мысль — искусство должно служить религии. Я резко возражал. Отсюда разговор <...> Расстались с Вяч. Ив. холодно» (*Дневники*, стр. 142). Упоминаемый доклад был положен Ивановым в основу статьи «Заветы символизма». В ней прослежена эволюция «нового» искусства и высказана надежда на осуществление теургических задач, которые сделают достижимым путь от «символизации» к цельной символике, грядущему житнетворчеству; в преображенном символизме «художество» превратится в «священное тайнодействие любви»¹⁴. Подчинение искусства любым находящимся вне его задачам было для Брюсова совершенно неприемлемым. В статье «О «речи рабочей», в защиту поэзии» Брюсов безапелляционно заявил в ответ на проригания Иванова о пророческой миссии символизма: «...своим методом искусство отличается от рационалистического познания мира в науке и от попыток внерассудочного проникновения в его тайны в мистике <...> Неужели после того как искусство заставляли служить науке и общественности, теперь его будут заставлять служить религии! Дайте же ему, наконец, свободу!»¹⁵ Брюсов полемизировал с Ивановым и по частным вопросам. Для Иванова символизм — синкретический религиозно-философско-эстетический метод, «воспоминание о священном языке жрецов и волхвов»; для Брюсова — только «литературная школа», «определенное историческое явление, связанное с определенными датами и именами».

Отрицание Брюсовым религиозно-мистического истолкования задач поэтического творчества шло вразрез с его оценкой поэзии Иванова. Она была ценна и дорога Брюсову прежде всего мастерством воплощения, высокой культурой стиха, просветленностью взглядов на мир и судьбу человека. С такой меркой подошел Брюсов к книге Иванова «Сог Арденс», выпущенной «Скорпионом» в двух томах в 1911—1912 гг. О каждом томе Брюсов писал отдельно и оценил книгу как «самое значительное явление нашей поэзии»¹⁶.

Осенью 1913 г. Иванов переехал в Москву, однако встречи поэтов не стали более частыми. Постепенно изменялся вообще характер их дружбы: некогда напряженная, взыскательная, она становилась ровной и спокойной. Пути писателей неуклонно расходились: Иванов склонялся к «неославянофильству», Брюсов же шел к переоценке сим-

волистских идеалов, во многом под знаком грядущих революционных изменений. К этому периоду относятся их итоговые, обобщающие высказывания друг о друге. Для «Нового энциклопедического словаря» Брюсов написал статью об Иванове, в которой свел воедино свои суждения о его творчестве: «Лирика Иванова принадлежит к числу замечательных явлений нашей новой литературы. Огромная эрудиция автора и глубина его постоянно развивающегося мирозерпания соединяются в ней с даром певучего стиха, с умением все изображать в ярких образах, с поразительной техникой». Отмечая, что Иванов в известном отношении пока «поэт для немногих», Брюсов прослеживает эволюцию его стиха: «С годами Иванов явно уклоняется в сторону большей ясности языка; некоторые из его последних стихотворений являются образцами высокой простоты речи». Теоретические статьи Иванова Брюсов называет «самым глубоким толкованием символизма», но указывает при этом, что «Иванов начало эстетическое почти подчиняет началу религиозному»¹⁷. В свою очередь Иванов выступил 5 марта 1916 г. с приветственной речью на вечере поэзии Брюсова. Он уверенно указал на выдающуюся роль Брюсова в развитии русской литературы: «...два десятилетия писательства Валерия Брюсова могут и должны быть ныне изучаемы в большой исторической связи; его место в судьбах нашего художественного слова уже наметилось крупными и неизгладимыми линиями; дело, им совершенное, чрезвычайно по своей огромности, разносторонности и тесной связи со всей нашей современной жизнью и со всем нашим литературным преданием и владением...»¹⁸.

После Октябрьской революции жизненные пути Брюсова и Иванова окончательно разошлись. Общеизвестно плодотворное участие Брюсова в строительстве новой культуры. Иванов в послеоктябрьские годы также сотрудничал в советских учреждениях (преподавал, в частности, в 1920—1924 гг. в Бакинском университете)¹⁹, но в отличие от Брюсова был далек от понимания и признания революционных преобразований. Реальная жизнь отвергла его историсофские схемы, что обусловило глубокий и затяжной духовный кризис, приведший Иванова — в бакинский период — к творческому молчанию, а затем и к отъезду за границу в 1924 г.

Знаменательны брюсовские оценки, высказанные с новых позиций, тех произведений Иванова, которые увидели свет в первые послереволюционные годы. Суров его отзыв о трагедии «Прометей» (написанной в том же поэтическом ключе, что и ранняя трагедия Иванова «Тантал», некогда высоко оцененная Брюсовым). Брюсов упрекает Иванова в произвольности интерпретации мифа, в чрезмерной условности, безжизненности трагедии: «Все происходящее только символически намечается, а не совершается реально»; трагедия остается любопытным образцом «творчества в пустоте»²⁰. В обзорной статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» Брюсов, бегло охарактеризовав последние поэтические опыты Иванова («Младенчество», «Зимние сонеты»), отнес их к «вчерашнему дню» русской поэзии, «завтра» которой — «поэзия пролетарская»²¹.

В последний раз Брюсов и Иванов встретились в Москве летом 1924 г., незадолго до смерти Брюсова. Встреча была мучительной и тяжелой. Свидетель ее, запомнивший отдельные подробности разговора, сохранил в памяти и последнюю фразу Иванова: «Прощай, Валерий, я тебя так любил...»²², — в которой смешались и любовь, и горечь непонимания и расхождения, и предчувствие того, что эта встреча — последняя.

В том же году Иванов выехал в заграничную командировку и на родину уже не вернулся. Последние 25 лет жизни он провел в Италии, где в 1926 г. принял католичество. Итогом литературной деятельности Иванова за рубежом явились посмертный сборник стихов «Свет вечерний» (Оксфорд, 1962) и неоконченная «Повесть о Светомире царевиче. Сказание старпа-инока» (Собр. соч., т. 1. Брюссель, 1971).

Обширная переписка Брюсова с Ивановым сохранилась далеко не полностью. В настоящее время нам известно 60 писем Брюсова (1903—1916) и 121 письмо Иванова (1903—1923). Утрачено более половины писем Брюсова, причем большая часть утраченного относится к 1903—1905 гг., т. е. ко времени самой близкой дружбы и интенсивной переписки его с Ивановым. Утеряны также все письма, написанные Брюсовым

ПЕРВОЕ ПИСЬМО БРЮСОВА ВЯЧ. ИВАНОВУ

Открытка. Париж, 13/26 апреля 1903 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

в 1917—1924 гг., когда он (как это видно из ответов его корреспондента) стремился привлечь Иванова к активной деятельности в области строительства советской культуры.

Письма Брюсова хранятся в ГБЛ: ф. 109, без шифра (53 п.)²³ и ф. 386.71.18 (7 п.— черновые автографы и неотсланные письма). В личном архиве Иванова в Риме писем Брюсова нет.

Письма Иванова (за исключением одного) хранятся также в ГБЛ: ф. 386.87.1—5 (118 п.); ф. 386.7.12 (1 п.); ф. 386.148.88 (1 п.). Одно незаконченное и неотправленное письмо (№ 60) находится в ИРЛИ (ф. 607, ед. хр. 345). Кроме того, в архиве Брюсова сохранился ряд творческих рукописей Иванова, в свое время приложенных к его письмам (ГБЛ, ф. 386.57.9); на некоторых из них есть приписки эпистолярного характера.

Ниже публикуется 35 писем Брюсова и 63 письма Иванова. В публикацию не включены чисто деловые и бытовые письма; письма, целиком посвященные подготовке к печати произведений Иванова; письма, касающиеся технических подробностей совместной работы Брюсова и Иванова над переводом трагедии Д'Аннунцио «Франческа да Римини»; письма, относящиеся к участию Иванова в сборнике «Поэзия Армении», поскольку они неоднократно цитировались в исследованиях, посвященных истории создания этого сборника (см.: И. Р. Сафразбекян. И. Бунин, К. Бальмонт, В. Иванов, Ф. Сологуб — переводчики антологии «Поэзия Армении». — *Чтения* 1966, стр. 210—228).

В «Приложениях» публикуется рецензия Иванова на сб. «Urbi et Orbi» (ГБЛ, ф. 386.57.10), а также два письма Иванова И. М. Брюсовой, написанные после получения известия о смерти Брюсова (ГБЛ, ф. 386.87.6).

В процессе подготовки настоящей публикации авторы обращались за консультациями к С. С. Аверинцеву, которому приносят свою благодарность. Весьма признательны они О. А. Шор (Дешарт), хранительнице архива Иванова в Риме, всегда любезно наводившей необходимые справки в бумагах поэта. Авторы выражают также искреннюю признательность старшему научному сотруднику Отдела рукописей ГБЛ Ю. П. Благоволиной за постоянную помощь в архивных изысканиях и ценные советы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письмо Иванова М. А. Мамонтову от 9 октября 1900 г. — ГБЛ, ф. 386.87.8.
- ² «Новый путь», 1903, № 3, стр. 213—214.
- ³ Письмо Иванова к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 29/16 апреля 1903 г. — ГБЛ, ф. 109, без шифра.
- ⁴ См.: Вячеслав Иванов. Прозрачность. М., «Скорпион», 1904, стр. 87—88; *St.*, стр. 3—4.
- ⁵ См.: «Весы», 1904, № 4, стр. 60—62.
- ⁶ Андрей Б е л ы й. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», 1922, № 3, стр. 153.
- ⁷ Вячеслав И в а н о в. *Cor Ardens*, ч. I. М., «Скорпион», 1911; см. также п. 32.
- ⁸ Ср. разделы «Година гнева» в книге Иванова «*Cor Ardens*» и «Современность» в *St.*
- ⁹ См.: *Чтения 1971*, стр. 130.
- ¹⁰ А в р е л и й. Вехи. IV. «Факелы». — «Весы», 1906, № 5, стр. 54—56.
- ¹¹ Вячеслав И в а н о в. О «факельщиках» и других именах собирательных. — «Весы», 1906, № 6, стр. 54—55.
- ¹² А в р е л и й. Вехи. V. Мистические анархисты. — «Весы», 1906, № 8, стр. 44.
- ¹³ Письмо к Н. И. Петровской от 13—14 июня 1906 г. — См. наст. том, стр. 792.
- ¹⁴ «Аполлон», 1910, № 7, апрель, отд. I, стр. 18.
- ¹⁵ Там же, № 9, июль—август, отд. I, стр. 33.
- ¹⁶ Валерий Б р ю с о в. Новые сборники стихов. — *PM*, 1911, № 7, отд. III, стр. 20—21; Валерий Б р ю с о в. Сегодняшний день русской поэзии. — *PM*, 1912, № 7, отд. III, стр. 17—18.
- ¹⁷ Новый энциклопедический словарь, т. 18. СПб., изд. Брокгауз — Ефрон, б. г., стлб. 942—943.
- ¹⁸ «Утро России», 1916, № 77, 17 марта.
- ¹⁹ В 1918—1920 гг. Иванов был сотрудником Наркомпроса — заведовал исторической секцией театрального отдела и академической секцией литературного отдела; в 1920—1924 гг. — профессор, а затем зав. кафедрой классической филологии Бакинского гос. университета.
- ²⁰ «Художественное слово». Временник ЛИТО Н.К.П., кн. II. М., 1920, стр. 59—60.
- ²¹ «Печать и революция», 1922, № 7, стр. 50, 68.
- ²² Свидетелем беседы был В. А. Мануйлов (в то время студент Бакинского университета), любезно сообщивший авторам этот факт.
- ²³ Фонд Иванова (ГБЛ, ф. 109) ко времени работы над подготовкой настоящей публикации не был обработан, поэтому все ссылки на материалы этого фонда в дальнейшем даются без шифров.

1. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Paris. Hôtel Port Mahon
(13/26 апреля 1903 г.)

Многоуважаемый Вячеслав Иванович!

Вероятно, вы уже получили «Северные цветы» этого года. Напечатать ваши стихи позволила нам Мария Михайловна Замятнина ¹. Не гневайтесь, что они помещены в общем отделе и в соседстве с дьяволом ². Это случайность. Предыдущие листы уже были отпечатаны. Мы позволили себе поместить и *объявление* о вашей книге ³.

Верьте сочувствию и уважению.

Валерий Б р ю с о в

Открытка. Почт. шт.: Paris. 26.4.03. Адресована в Женеву, где не застала Иванова; была переадресована в Париж и получена им, по-видимому, 29 апреля (почт. шт.: Genève. 28.IV.03; Paris. 29.4.03).

¹ Мария Михайловна *Замятнина* (1865—1919) — близкий друг Ивановых, после брака которых (1901) оставила должность библиотекаря Высших женских курсов в Петербурге с тем, чтобы полностью посвятить себя заботам об их семье. См. о ней: *Дешарт*, стр. 41—42.

² В *СЦ—1903* (книга вышла в апреле 1903 г.) опубликовано стих. Иванова «Хор духов благословляющих» («Хвалите бога, силы сфер!..»); оно вошло в отдел «Разногласье», составленный из произведений разных поэтов. Непосредственно за этими стихами, которые заканчивались прославлением Христа, следовало стих. Ф. Сологуба («Когда я в бурном море плывал...»), герой которого славит дьявола.

³ В *СЦ—1903* напечатано объявление о сборнике стихов Иванова «Кормчие звезды» (СПб., 1903).

2. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

(Москва. 16/29 мая 1903 г.)

Уважаемый и дорогой мне Вячеслав Иванович!

Пишу вам несколько внешностей.

«Пламенники» будет очень трудно печатать в Москве. Нельзя будет *начать* раньше конца этого года. Всего удобнее было бы продолжать печатание в Петербурге. «Скорпион» при этом принимает издание на себя. Сообщите, согласны ли вы¹.

Мережковские только что уехали из Москвы. «Новый путь» *будет* существовать². Он очень хочет ваших статей (о Дионисе). Будет печатать целиком, даже со всей библиографией. Но *пока* не может наверное обещать гонорара. Если одна комбинация осуществится — да, если нет — нет. Напишите о вашем решении мне или им. *Как читатель*, хочу очень, чтобы вы были согласны³.

Сердечно ваш Валерий Брюсов

1903

Ответ на неизвестное письмо Иванова.

На конверте почт. шт.: Москва. 16.V.1903; Paris. 1.6.03.

¹ В начале 1900-х годов Лидия Дмитриевна *Зиновьева-Аннибал* (Иванова, 1866—1907) работала над романом «Пламенники». Первоначально предполагалось печатать его (как и сб. Иванова «Кормчие звезды») в Петербурге, в типографии А. С. Суворина; в 1903 г. здесь были изготовлены гранки некоторых законченных автором глав. Однако Ивановы, стремившиеся стать в равное положение с московскими символистами, по-видимому, придавали особое значение выпуску своих книг под маркой «Скорпиона», разделяя и те представления об эстетике книги, проводником которых было это издательство. Роман не был закончен; главы его, подготовленные к печати, не публиковались.

² В апреле 1903 г. в результате нападков ортодоксально-церковной печати были запрещены «Религиозно-философские собрания» в Петербурге. Угроза запрещения нависла и над «Новым путем», постоянно печатавшим «Записки» этих «собраний». Существованию журнала угрожала также его финансовая необеспеченность. Однако Мережковский и Гиппиус, фактические руководители «Нового пути», были полны решимости продолжать его издание: «Кончатъ журнал в этом году — нельзя (если не запретят)», — писала 24 апреля 1903 г. Гиппиус официальному редактору «Нового пути» Перцову (ИРЛИ, Р. III, оп. 2, ед. хр. 1253).

³ В 1903 г. Иванов прочел в парижской Русской высшей школе общественных наук курс лекций о религии Диониса, отмеченный Брюсовым как одно из значительных явлений русской культурной жизни: «Автор, обладая замечательной эрудицией, истолковывает с новой точки зрения культ Диониса в древней Греции. Он сближает его с христианством и усматривает между этими двумя религиями ряд замечательных точек совпадения» («The Athenaeum», 1903, № 3949, July 4, p. 23; цит. по автографу — ГБЛ, ф. 386, 36. 37, л. 2 об.). 20 марта 1903 г. Мережковский предложил Иванову печатать его курс в «Новом пути»: «Об одном только очень просим: как можно понятнее, проще, наивнее! Наша главная задача — чтобы нас *нельзя было не понять*, так как наше главное препятствие — то, что нас всеми силами стараются не понимать. Ну, словом, мы не уходим от людей, а идем к людям, тут у нас глубочайший инстинкт, противоположный нашему же собственному недавнему индивидуализму и уединению (...). Говоря грубо и банально, — мы опять «идем в народ», но, разумеется, не с тем, с чем шли наши предки» (ГБЛ, ф. 109, без шифра). Вероятно, эти пожелания смутили автора, предполагавшего придать своему труду академическую основательность. Только в конце 1903 г. (см. п. 9) Иванов решился отдать его в «Новый путь» («Эллиническая религия страдающего бога» — *НП*, 1904, № 1—4, 8, 9). «Согласно желанию редакции», он остановился на форме лекций, «далекой от научной и литературной законченности, ему мечтавшейся» (*НП*, 1904, № 1, стр. 110). В декабре 1904 г. журнал прекратился и заключительная глава курса была напечатана в «Вопросах жизни» (1905, № 6, 7) под заглавием «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния».

3. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

89 rue de la Tour. Париж. XVIe
23/10 июня 1903

Дорогой Валерий Яковлевич,

Простите мою вину долгого молчания. Я был поглощен филологией, своим курсом в частности. Благодарю вас сердечно за письма. Нам *очень* хотелось бы, чтобы «Пламенники» печатались в Москве. Что раньше конца этого года нельзя начать печатание, — не пугает нас, — раз (под условием что *мы* не будем задерживать корректур) книга может выйти в свет к осени 1904 г. Жена занята в настоящее время трехактной драмой, уже готовой в первой редакции¹. Формат романа, установленный в типографии «Нового времени», оказывается неудобным, стеснительным. И вот, наконец, еще важное соображение: Одилон Редон согласен сделать литографию для обложки² — думаем, голову Агавы³, или, быть может, что другое, — но это делает именно желательным издание романа по образцу «*Homo sapiens*»⁴, — не правда ли? Нам думается, книгоиздательство будет довольно участливым Редона: но как быть с издержками по напечатанию обложки? Редон говорит, что издержки (с камнем, который именно дорог, и tirage'em) не превысят 500 франков. Он бы желал напечатать обложку в Париже под своим наблюдением. Согласился ли бы «Скорпион» осуществить или помочь нам осуществить этот соблазняющий нас проект?

Мой курс я не хотел бы представить не убранным опрятно к печати. И потому еще хочу дополнить и обработать его. Но едва ли смогу сделать из него резюмирующую статью. И так, «Новый путь» должен располагать листами пятнадцатую, по крайней мере, для напечатания моей «Греческой религии страдающего бога». Притом, я принужден настаивать на скорейшем напечатании курса — следовательно, в нескольких последовательных книжках журнала, без перерыва. Далее, мне необходимо иметь оттиски работы, в виде самостоятельного издания (т. е. отдельных книжек, с самостоятельной пагинацией) в *значительном* числе. Иначе мне легче и выгоднее издать курс отдельной книжкой. (Я имею намерение обработать текст и для заграничного, быть может, английского издания)⁵. Возможно ли условиться точнее с «Новым путем» на этой базе? И притом можно ли сохранить *форму* лекций?

Я еще должен письмо дорогому и уважаемому Дмитрию Сергеевичу; но пока прошу переговорить вас с членами редакции в ходе ваших обычных деловых сношений. Мне пишите уже в Женеву, villa Java, Châtelaine. Жена и я сердечно приветствуем вас и Иоанну Матвеевну.

С глубоким уважением и сочувствием ваш Вяч. И в а н о в

Ответ на п. 2.

¹ Драмой «Кольца» (М., «Скорпион», 1904) Л. Д. Зиновьева-Аннибал дебютировала как писательница.

² О французском художнике Одилоне Редоне и его роли в «Весах» см. наст. том, стр. 318, прим. 53.

³ Основной мотив «Пламенников» был связан с древнегреческим мифом об Агаве (пораженная безумием в наказание за неверие в божественность Диониса, она в исступлении разорвала своего сына).

⁴ «*Homo sapiens*» — роман Станислава Пшибышевского; его перевод был выпущен изд-вом «Скорпион» в 1902 г.

⁵ Предполагавшееся английское издание исследования не осуществилось. В течение 15 лет Иванов не раз принимался за переработку курса, даже начинал печатать его в разных издательствах. В 1917 г. почти готовый набор книги сгорел при пожаре в типографии. Известно два экземпляра верстки этого издания — в римском архиве Иванова и в собр. М. В. Толмачева (Москва) — наст. том, стр. 475.

4. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Villa Java, Châtelaine près Genève
29/16 сент. <ября 19>03

Сердечно уважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Благодарю вас за любезное письмо и за ваши добрые строки обо мне в «The Athenaeum»¹. На письмо пока не отвечаю: в Париже вместе с Редоном надеюсь выяснить и устроить все сомнительное; вашими обстоятельными указаниями буду руководиться. В настоящую минуту на очереди вопрос о нашей вчерашней посылке в ваше книгоиздательство. Согласится ли оно на издание двух наших вещей: только что законченной женой трехактной драмы «Кольца» и нового маленького сборника моих стихов, под заглавием «Прозрачность»? Рукопись жены вполне готова, я же еще пошла вдогонку последние страницы. Как об особенном личном одолжении прошу вас о следующем: устроить так, чтобы моя книжка появилась как можно скорее и непременно в этом году. Издайте, если хотите, очень просто — только очень быстро. Мне нужна одна корректура (которую уж, конечно, не задержу) — лучше в гранках, чтобы иметь возможность перемещений или вставок. В остальном совершенно полагаюсь на вас. Мне хотелось бы надеяться, что эта быстрота возможна, несмотря на несомненно горячее время как для моей, так и для книжки моей жены; они же маленькие (думаю, 100 и 200 страниц приблизительно). Для жены также необходимо, чтобы драма вышла в свет *не позже* января². Мы оба будем вам чрезвычайно обязаны и за ваше личное мнение о шансах на принятие драмы для постановки на сцене, например, в Художественном театре; если есть данные, чтобы надеяться на успех, можно было бы показать ее, хоть в корректурах, дирекции³. — Не придется, к сожалению, увидаться скоро в Москве. С. А. Полякову пишу одновременно⁴. Жена шлет сердечный привет. Простите деловой лаконизм и невольно причиняемое беспокойство и верьте глубокой преданности благодарного вам

Вяч. И в а н о в а

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ В обзоре русской литературы за 1902—1903 гг. («The Athenaeum», 1903, № 3949, July 4, p. 22—25) Брюсов сочувственно отозвался о парижских лекциях Иванова (см. п. 2, примеч. 3) и о «Кормчих звездах». Оценивая эту книгу, он повторил в несколько иной редакции те положения своей рецензии (*ИП*, 1903, № 3), которые позже были приведены в объявлении о сборнике «Прозрачность» («Каталог книгоизд-ва «Скорпион»...», стр. 14. — «Весы», 1904, № 1).

² Обе книги были выпущены только в 1904 г.: «Кольца» — в сентябре, как это указано на титульном листе; «Прозрачность» — в апреле (см. дарственную надпись Иванова Брюсову. — *ЛН*, т. 27-28, стр. 99).

³ Вероятно, постановка «Кольца» в Московском Художественном театре показалась Брюсову невозможной: в дальнейшей переписке эта тема исчезает, не встречается она и в переписке Брюсова и Иванова с основателями Художественного театра.

⁴ Это письмо неизвестно.

5. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Villa Java, Châtelaine près Genève
12.X/29.IX <19>03

Дорогой Валерий Яковлевич, пишу вам под первым впечатлением сегодня полученного вашего письма, глубоко меня тронувшего, мой дальний — и друг, мой «чужой» — и близкий! Впрочем, близость нашу я вижу, а слово «чужой» пишу с ваших слов и на веру, вместо «неведомый», потому что вы принадлежите, по моему мнению, к типу непроницаемых лириков — тех, которые, будучи гордыми, многоликими и художниками

прежде всего, умеют петь даже о самом личном из своих многих Я, не вынося его «на диво черни простодушной»¹. Что же до разделений «на» партии и секты, — существуют ли они в общине эсotericической? Одно разделяет — или соединяет мертвенно: окаменение; но уже не поэт, кто окаменел. А кто поэт, тот откликается — всегда, думаю, — весь на все... Благодарю вас за оттиск вашей прекрасной статьи, именно близкой мне — до встреч мысли в отдельных частностях². Не во всем, впрочем, я с вами согласен. Так, например, я ставлю Бальмонта выше Фета, невозможным считаю сравнение его с Тютчевым (как величиной другого порядка и не лермонтовской филиации), а стих Бальмонта: «предо мною другие поэты — предтечи»³, звучит для меня как богохуление. Неправы вы, на мой взгляд, и в оценке бальмонтовских *rythmes brisés*⁴: сошлюсь на чудесную ритмику «Старого дома» — этой гениальной вещи. Кажется мне, что стих и *стиль* Бальмонта в последних произведениях сгущается и консолидируется, приобретает более насыщенный колорит — и что наш поэт далеко не исполнил еще своих граней. Но его четыре стиха хорошо определены, — хотя и не родственны ему им любимые Кальдерон, По и Бодлер⁵.

Обращаясь к «делам», прежде всего уверю вас, что поистине желал бы избежать предварительной цензуры (и спасти, между прочим, «Крест Зла» — где, быть может, полезно пожертвовать словом: «соблазна») ⁶. Итак, доставлю материала на десять листов и потому прошу вас приступить к набору. Быть может, в самом деле хорошо издать книжку по образцу первого моего сборника, но думаю, что бумагу лучше было бы взять несколько плотнее и толще, а так же печатать *шире*, с большими промежутками между строк, что и красивее. На предварительный гонорар никаких притязаний не предъявляю. «Кольца» же нам необходимо издать *теперь* и раньше «Пламенников», которых появление не заставит себя ждать. В отношении распространения, обе вещи будут взаимно друг друга рекомендовать и поддерживать. Если книгоиздательство все же боится убытка, не пожелает ли оно печатать драму в типографии «Нового времени», где на нашем счету лежит около 150 руб., которые могут войти в покрытие расходов по изданию? Свою книгу я бы думал издать только экземплярах в 500 (?); для драмы также, думаем, достаточно это число⁷.

Ваш сердечно Вяч. И в а н о в

Р. S. Жду корректуры и вышлю продолжение в скорейшем времени.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ Строка из стих. Лермонтова «Не верь себе».

² Брюсов послал Иванову свою рецензию на сборник стихов Бальмонта «Будем как Солнце» (М., «Скорпион», 1903). — «Мир искусства», 1903, № 7—8.

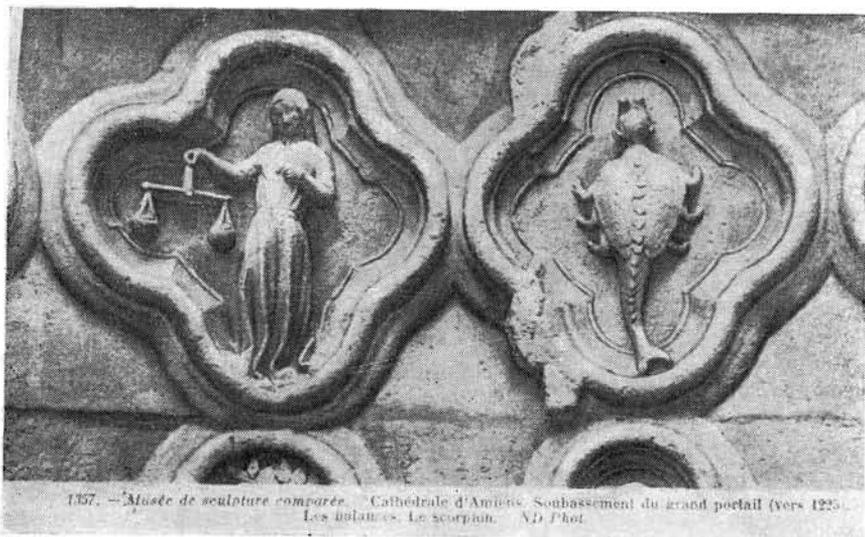
³ Строка из стих. Бальмонта «Я — изысканность русской медлительной речи...» (сб. «Будем как Солнце»).

⁴ *Rythmes brisés* (*франц.*) — рваные ритмы, или, как называл их Бальмонт, «прерывистые строки» — такой подзаголовок имело его стихотворение «Старый дом» (СЦ — 1903)

⁵ В своей статье Брюсов отводил Бальмонту место «в ряду наших лириков, тотчас после Тютчева и Фета» (стр. 36); определяя основные «стихии» его поэзии, он указал (стр. 34) четырех писателей, чье творчество явилось наиболее полным выражением этих «стихий»: Кальдерона («полнота жизни...» цельность характера); По («чувство Тайны»); Бодлера (отношение к любви и женщине); Шелли (проникновение в жизнь стихий).

⁶ Предварительной цензуре подвергались только книги объемом меньше 10 печатных листов. Сборник «Прозрачность» превысил этот объем и таким образом избежал цензуры. Стихотворение «Крест Зла» вошло в него без предложенных Ивановым изменений.

⁷ «Прозрачность» была издана тиражом 1200 экз., «Кольца» — 600 экз.

1357. — Musée de sculpture comparée. Cathédrale d'Amiens. Soubassement du grand portail (vers 1225). Les balances. Le scorpion. — AD Phot.

ЗОДИАКАЛЬНЫЕ ЗНАКИ: ВЕСЫ И СКОРПИОН

Фрагмент барельефа на портале Амьенского собора (около 1225 г.)

Открытка Э. Н. Гиппиус, посланная Брюсову в январе 1912 г. из Парижа

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

6. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Châtelaine près Genève
1/14.XI.<19>03

Дорогой Валерий Яковлевич,

Привет вам и целование в Дионисе! Благодарю за книгу вашу — дорогую мне память наших общений¹. Вы заставили меня испытать праздничную радость, истинный восторг. Вы совершили художественный подвиг... Впрочем, это письмо должно быть посвящено «делу» и мелочам. Свои первые впечатления я набросал для печати: род импрессионистской рецензии (если выражение возможно и понятно)² — и направляю ее на днях, вместе с одним новым (в «Прозрачность», конечно, не введшим) стихотворением, — в «Гриф»! Ибо «приглашение», которое вы предвидите, получено, подкрепленное ссылкой, в числе сотрудников, на вас и Бальмонта, — и книжка, уже ими выпущенная, ведь несомненно была симпатична³. Больше же одного стихотворения мне дать им и нечего. Я не знаю, возьмет ли «Гриф» рецензию и прошу редакцию, — если она им нежеланна, — передать листок одному из сотрудников «Скорпиона». Лучше я не сумел устроить дела. Отсюда — просьба к вам пристроить где-нибудь (в «Новом пути» или «Курьере»⁴ или еще где) мой набросок в случае отказа «Грифа»; «Северных же цветов» дожидаться долго, как как дело идет о свежем впечатлении от вашей книги. Очень обрадовали вы меня своим одобрением; сердечное вам спасибо за сочувствие и поддержку. Что до «Северных цветов», — желанна ли вам первая часть моей задуманной трилогии — «Тантал»? Трагедия займет не менее трех листов. Я хочу за нее приняться и, если Музы будут благосклонны, написать ее до Рождества. В отдельном же издании, как вы замечали, трилогии лучше не дробить⁵. Правда, я очень занят. В январе ожидают от меня в Париже курса о римской магистратуре. Но этот курс я прочту уже не для того, чтобы сообщить новые результаты своего исследования, как в курсе о Дионисе⁶. Этот последний все ждет своей окончательной обработки для печати. Тем не менее, я едва ли буду думать в ближайшее время об ином, чем «Тантал». Итак, желанен ли он

вам? Первые корректуры сегодня мной отосланы в типографию. Я рассчитываю на тщательность окончательной выправки в редакции. Позволю себе обратить ваше внимание на отмеченный мною в корректуре пропуск двух стихов в стихотворении «Прозрачность»:

И вечностью веешь случайной

и

Вечерние скорбные светлы.

Также важны исправления, *сткло* (вместо *стекло* в стихотворении «Душа Сумерек»), *восходят* (вместо *выходят* в «Дриадах»), *сказания* и *изъясят* (в 1-ой и 3-ей строфах стихотворения «Крест Зла») ⁷. Кстати, о словах: *incohasti* = *incohavisti*, употребляемо и Цицероном ⁸; стихотворение следует форме первого Катуллова ⁹. Примечание о дифирамбе все же пришло ¹⁰, тем более, что не уверен, что стихов достаточно для десяти листов, при сжатости набора и формате, по-видимому, более крупном, чем формат «Кормчих звезд» — не так ли? Обложку заказывать у Редона было бы уже поздно. При корректурах «Колец» просим прилагать текст рукописи.

Из ваших стихов, между столькими мне особенно милыми, люблю очень «У Земли» и «Мир».

Ваш сердечно Вяч. И в а н о в

Р. С. Охотно направил бы я в «Курьер» две-три пьесы из «Прозрачности», в ожидании ее появления, но не знаю, насколько это желательно для «Скорпиона». Если бы было не нежелательно и дело могло бы быть устроено непосредственно (выбор стихотворений для меня безразличен), я был бы только рад. Пишу это на случай, что у вас есть с «Курьером» сношения.

Б. И.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ Брюсов послал Иванову сб. *УО*.

² См. Приложение I к наст. публикации.

³ Приглашение в альманах изд-ва «Гриф» на 1904 г. было получено раньше: 2/15 октября 1903 г. владелец «Грифа» — С. А. Соколов (Кречетов) — обратился к Иванову с предложением принять участие в этом сборнике (ГБЛ, ф. 109). В «Альманахе Гриф» (М., 1904) напечатаны четыре стихотворения Иванова, позднее вошедшие в «Прозрачность» (см. п. 13). «Уже ими выпущенная книжка» — «Альманах книгоиздательства «Гриф» (М., 1903).

⁴ «Курьер» — ежедневная политическая и литературная газета демократического направления (М., 1897—1904); основной круг сотрудников ее литературного отдела — писатели-зنانьевцы.

⁵ Из задуманной Ивановым трилогии трагедий окончены и увидели свет: «Тантал» (СЦ — 1905) и «Прометей» (Пб., «Алконост», 1919). Трагедия «Ниобея» осталась незавершенной (наброски ее см.: ИРЛИ, ф. 607, ед. хр. 78; ГБЛ, ф. 386.129.29). Последующие письма освещают работу над «Танталом» и «Ниобеей». Судя по желанию Иванова «не дробить» трилогию, можно заключить, что он предполагал осуществить этот замысел целиком в ближайшее время.

⁶ Позднее Иванов отказался от чтения этого курса в парижской Русской высшей школе общественных наук (см. п. 11).

⁷ Указанные поправки внесены в текст сб. «Прозрачность».

⁸ Стяженная форма *incohasti* (при полной — *incohavisti*) 2 л. ед. ч. прош. вр. (активный перфект) глагола *incoho* (или *incho* — начинать, приступать); употреблена Ивановым в посвященном Бальмонту латинском стихотворении «*Sole sato*» (сб. «Прозрачность»). Форма встречается у Цицерона (см., напр., «*De fin.*», IV, 15).

⁹ Первое в корпусе лирики Катулла стихотворение написано одиннадцатисложником (Фалекиев стих: хорей с дактилем во второй стопе).

¹⁰ Четвертый отдел «Прозрачности» составили стихи, написанные «в духе античных дифирамбов». В «Примечании о дифирамбе» Иванов охарактеризовал эту, «параллельную трагедии», форму древнегреческой культовой поэзии и дал, в своем переводе, ее «образец» — дифирамб Бакхилида «Тезей» (V в. до н. э.).

7. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Châtelaine.> 29/16.XI.<19>03

Дорогой Валерий Яковлевич,

Как ваше здоровье, успешна ли была операция, — и что с вами случилось, что сделало необходимым такое героическое решение — ей подвергнуться? Удивляюсь вашей энергии — вести текущую переписку накануне операции! ¹

Вкратце отвечаю о делах.

Перевод книги, которую вы справедливо называете моей любимой, охотно предприму — конечно, не тотчас, но к концу лета, я надеюсь, он будет окончен ². Нужны ли примечания переводчика? — Условием ставлю, однако, свою независимость переводчика и не хочу дать своего имени, если перевод — все равно, этой ли книги Ницше, или всех произведений вообще — будет означен в заглавии сделанным *под редакцией* другого лица.

Что рукопись для «Северных цветов» должен представить уже в самом начале декабря, было для меня неприятной неожиданностью, так как я рассчитывал как раз написать для альманаха «Тантала», — думая, что есть для того время: альманах ведь выходит к Пасхе, и я предполагал, что рукопись можно представить и в январе. Но если это не так, мне придется подумать о чем-нибудь другом — думаю, о небольшой статье; быть может, присоединятся к ней и одно-два стихотворения ³.

В «Весах» сотрудничать рад и надеюсь ⁴; но конкуренция «Северных цветов» пока связывает мои руки.

Пожалуйста, не задержите набор «Прозрачности» и «Колец».

Ваш сердечно Вяч. И в.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ См.: *Дневники*, стр. 134—135.

² В 1903 г. «Скорпион» объявил об издании полного собрания сочинений Ф Ницше (не было осуществлено). Среди предполагаемых переводчиков назван Иванов, что было сделано без его ведома: «Свое имя неожиданно нахожу в числе переводчиков Ницше. Принципиально — очень рад участвовать», — писал он Брюсову 6/19 ноября 1903 г. после получения УО (в конце сборника было напечатано объявление об издании). По-видимому, в ответ на это Брюсов предложил Иванову перевести книгу Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (см. п. 10), проблематика которой ближайшим образом была связана с научными интересами Иванова.

³ Четвертый альманах книгоизд-ва «Скорпион» был издан только в 1905 г. (СЦ—1905). Эта задержка позволила Брюсову согласиться на ожидание «Тантала».

⁴ По-видимому, Иванов отвечает на приглашение Брюсова принять участие в «Весах». В первом объявлении о подписке на журнал он был назван в числе сотрудников («Русские ведомости», 1903, № 321, 22 ноября); в дальнейшем его имя в объявлениях отсутствует (там же, № 326, 27 ноября; «Курьер», 1903, № 286, 14 декабря).

8. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Châtelaine. 21 ноября/> 4 дек<абря 19>03

Дорогой друг мой Валерий Яковлевич,

Unus mihi instar omnium Plato ¹.

Благодарю вас за ваши дорогие стихи ². Да будет так! — вот что приличествует стремящимся отвечать на похвалы, прозревающие их лучшие *возможности*. И если вам почудилась во мне такая возможность, — я этим горд и счастлив.

По стихам не вижу, что вы писали их «на другой день после хлороформа». Но что это было так и что вы «на другой день после хлороформа» ³ обо мне думали, меня трогает и делает привет еще милее...

Как вы теперь себя чувствуете?

О «Северных цветах» и «Весах» думаю добросовестно. Для «Северных цветов» уже шесть стихотворений. Вместо статьи пришло для них, вероятно, небольшую поэму, связанную по мысли и со статьей (с посвящением Ницше), — которой придаю значение, несмотря на ее небольшой объем, и которую поэтому желал бы видеть напечатанною в *первой* книжке «Весов». Заглавие этой статьи, над которой работаю: «Ницше и Дионис»⁴. Я придаю мыслям этой статьи значение, потому что в них кристаллизованы все мои Да и Нет ницшеанству. — Если бы только вы могли поставить мне более определенные и несколько снисходительные сроки!

Ваш сердечно Вяч. Ив.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ «Платон мне заменяет всех» (неточная цитата из Цицерона).

² Стихотворение «Вячеславу Иванову», впоследствии опубликованное как посвящение к сб. *St.*

³ Т. е. 14 ноября 1903 г. (см. наст. том, стр. 371, примеч. 1).

⁴ Ст. «Ницше и Дионис» см.: «Весы», 1904, № 5. Замысел поэмы, посвященной Ницше, по-видимому, не был осуществлен.

9. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

(Châtelaine.) 28/15.XII.<19>03

Дорогой Валерий Яковлевич,

Простите, что так долго не отвечал, не видя возможности сказать что-нибудь определенное; пишу, наконец, но все же буду говорить о своих предположениях только условно.

Прежде всего, однако, позвольте высказать вам несколько запоздалую благодарность. Ваша «летопись»¹ не только живо заинтересовала меня, — чему вы не удивитесь, зная и мою любовь к Тютчеву, и ее научную содержательность, — но и доставила живое эстетическое удовольствие, так как она — «nuda» и «tenuis»* — написана с какой-то латинской «elegantia»**. Спасибо за сообщение критики из «Русских ведомостей» — недалекой, но любопытной². Статью Розанова читал и нашел в ней обычно талантливые аргументы*** — только обижен за гениального старика, о котором он все-таки мало осведомлен; но исторические справки — как о «плебисците» по поводу бомбардировки Парижа — сомнительны³.

Рад, что вы одобряете помещение «Эллинской религии страдающего бога» в «Новом пути». Меня просили известить о согласии телеграммой, и нужно было решиться тотчас⁴. Я подумал и решил — отказаться от мысли о дополнении статьи недостаточно использованным научным материалом и более тщательной (в филологическом отношении) ее обработке; отлагаю все это до будущей систематической работы.

Вы интересно и согласно моим собственным впечатлениям говорите мне о разнице в фракциях нашего идеалистического движения в литературе и критике. Конечно, я лично ближе всего к вашей. Против вашего реферата в Париже я мог бы возражать: искусство — не «ancilla»**** Познания⁵. Как я понимаю его действительную (теургическую) задачу, я сказал в стихотворении «Творчество» в «Жормчих звездах». Мы еще символисты; мы будем мифотворцами. Дорогой символа мы идем к мифу. Кстати: и здесь у Андрея Белого проблема лазури. Он создал *Авушку*⁶.

* «проста» и «непритязательна» (лат.).

** «изящностью» (лат.).

*** замечания (франц.).

**** «служанка» (лат.).

Ваше восклицание о всех безумствах и опьянениях, которым вы отныне предаетесь, и решение не написать более ни одного трезвого стиха — очень мне любо. Да и нет у вас никакой трезвости. Реализм и трезвость вовсе не одно и то же. Пьяный Пушкин делается реалистом. Доказательство: «Пир во время чумы» или «Не дай мне бог сойти с ума». Перехожу к «делам».

«Тантала» очень хотел бы написать теперь и имею на то большую надежду; но излишне объяснять вам, что исполнение такого замысла зависит не от твердого желания или трудолюбия. Займет он едва ли значительно больше трех листов; считаю приблизительно, что число стихов не дойдет и до 1.500. Имею в виду объем эхилловых трагедий («Прометей» — меньше 1.000). Вероятно мне, что трагедия не займет и 3 листов. Заботы о «Новом пути», о начатой поэме для «Северных цветов» (т. к. вы не хотели «Тантала»), о набросанной наполовину статейке для «Весов» опять было отвлекли меня от трагедии. Займусь ею, если располагаю, как вы пишете, январем. Повторяю, что *очень* надеюсь успеть.

В организации перевода всего Ницше принять активное участие — было бы моим большим желанием, и мое настоящее пребывание за границей не должно отвлечь меня от этой задачи. Я прошу вас известить меня, *поскольку* вам было бы желательно мое сотрудничество в предприятии; напишите ваши требования и условия. Я собираюсь побывать в Москве в скорейшем времени — хотя, правда, не говорю об этом намерении как о непременном решении: напишите, пожалуйста, насколько мой приезд желателен теперь же в деловом отношении. С осени же намереваюсь пробыть в Москве несколько месяцев, быть может — чуть не всю зиму. Вообще, мы только и думаем, что о переселении в Россию; это вопрос близкого времени, но покамест, правда, семейные обстоятельства тому препятствуют.

Нужна ли для «Весов» статья (популярная и сочувственная) о Гюставе Моро? Такой этюд, преимущественно описательный (очень изобразительный обзор его произведений по эпохам творчества) и на мой взгляд весьма живой и интересный, желала бы дать в «Весь» моя хорошая знакомая — парижская приятельница — Александра Николаевна Чеботаревская. Она писала в «Русской мысли» (весной этого года) о Бёклине, а раньше, между прочим, перевела книжку П. Гиро о Фюстель де Куланже. (Перевод «Монны Ванны» сделан ее сестрой, с ее сотрудничеством.) Кажется, она готовит заметку также о работах Якунчиковой, набросанную здесь, в то время как она гостила у нас, — на основании виденного в здешней вилле покойной Марии Васильевны Якунчиковой-Вебер. Напишите мне словечко, послать ли ей эти работы в «Весь»⁷.

Издание наших книг, как с горестию вижу, очень запаздывает. Корректуры «Колец» еще не получены. Будьте добры, дорогой Валерий Яковлевич, сделайте от вас зависящее.

В последних моих корректурах довольно много поправок и изменений (между прочим, из уважения к педантическому, правда, «закону» Германа⁸ — об избегании трохея в 4-й стопе гекзаметра): рассчитываю на ваше дружественное и филологическое внимание. Ибо, не правя последних корректур, нельзя быть уверенным, что стихи не выйдут искалеченными и притом перепутанными (в отношении порядка), — не имея une âme soeur* в Москве с глазами Линкея⁹.

Я был бы чрезвычайно утешен, если бы листы «Прозрачности» по отпечатании были присылаемы мне хоть в одном экземпляре.

А пока — до возможного и мне сердечно желанного свидания... но повторяю, что осуществление плана остается проблематичным.

Ваш душевно Вячеслав И в а н о в

* родственной души (франц.).

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ Валерий Брюсов. Ф. И. Тютчев. Летопись его жизни. — РА. 1903, № 11 (продолжение — № 12).

² Речь идет, вероятно, о статье И. (И. Н. Игнатова) «Литературные отголоски. Современная поэзия. — Издания «Скорпиона» <...>» («Русские ведомости», 1903, № 317 и 324, 18 и 25 ноября).

³ В статье «Моммзен и Ренан» В. В. Розанов утверждал, будто немецкий филолог и историк Теодор Моммзен (1817—1903) во время франко-прусской войны высказался на референдуме за бомбардировку Парижа («Хроника журнала «Мир искусства», 1903, № 13, стр. 133). Иванов в 1886—1891 гг. учился у Моммзена в Берлинском университете, завоевал его расположение и позже поддерживал с ним связь. См.: Дешарт, стр. 12—14; М. С. Альтман. Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым (Баку, 1921 г.). — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 209 (Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение). Тарту, 1968, стр. 306—307.

⁴ 20 ноября/3 декабря 1903 г. Мережковский просил Иванова срочно выслать текст его курса для набора в январском номере «Нового пути» (ГБЛ, ф. 109, без шифра).

⁵ 21 апреля/4 мая 1903 г. Брюсов выступил в парижском «Обществе русских студентов» с рефератом «Задачи искусства» (опубликован под заглавием «Ключи тайн». — «Весы», 1904, № 1). На этом чтении присутствовал Иванов (*Дневники*, стр. 132). После опубликования реферата он полемизировал с Брюсовым в статье «Поэт и Чернь» («Весы», 1904, № 3). В спорах выявились два различных понимания символизма, ретроспективно описанные в статье Иванова «Simbolismo» («Enciclopedia Italiana», т. 31, р. 793—795).

⁶ «Добрый Авушка», «святый простачок Ава» — образ из четвертой части «Северной симфонии» Андрея Белого (М., «Скорпион», 1904, стр. 111). Книга вышла в октябре 1903 г.

⁷ Александра Николаевна Чеботаревская (1869—1925) — критик и переводчица, близкий друг Иванова. Упомянуты ее работы: «Бёклин и его искусство» (*РМ*, 1903, № 5), перевод книги П. Гиро об известном медиевисте — «Фюстель-де-Куланж» (М., 1898) и перевод драмы Метерлинка «Монна Ванна» (СПб., 1903), выполненный при ее участии Анастасией Николаевной Чеботаревской. Работа ее о французском художнике Г. Моро в «Весах» не появилась; статья о художнице Якунчиковой была напечатана в *РМ*, 1905, № 4. Несколько раньше «Весы» поместили статью М. Волошина «Творчество М. В. Якунчиковой» (1905, № 1).

⁸ Иоганн-Готфрид Герман (1772—1848) — немецкий филолог-классик, известный исследованиями античной метрики.

⁹ Линкей — один из персонажей древнегреческого мифа об аргонавтах — обладал всепроницающим зрением; во второй части «Фауста» Гете — дозорный на службе у Фауста. Ср. то же уподобление в указ. рецензии Иванова на *УО* (Приложение I) и соответствующем ей стихотворении: «Твой зорок стих, как око рыси, // И сам ты — духа страж, Линкей...» Образ рысекого Линкея прочно связывается у Иванова с образом Брюсова. Ср.: М. С. Альтман. Указ. соч., стр. 305—306 (запись от 17 января 1921 г.).

10. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Châtelaine.>

25 дек<абря 1903/7 января 1904 г.>

Счастливого и славного нового года желаю вам, дорогой мой Валерий Яковлевич! Сердечно благодарю вас, тронутый вашим дружеским чувством, за посвящение мне вашей ослепляющей, — как яркое красное пламя, — и близкой мне по духу «Медеи». Итак, волшебница, разлюбив «тщету объятий, сопрягающих тела», мчится в огневой эфир духа¹.

«Поэзия духа» — написано на нашем знамени; оглянувшись на землю и улыбаясь ей, она ниспослет ей Миф. Ваше намерение дать посвященные мне стихи в «Мир искусства» приводит мне на память, что я только что был провозглашен в его хронике трудолюбивою бездарностью...² Благодарю вас еще и еще за эти дорогие посвящения, запечатлевающие наше общение и большую общность наших исканий. С нетерпением буду ждать вашей драмы. Напишите при случае определеннее, что такое «Земля» по роду. Мистерия в стихах? Философская драма? — «Тантал» пишется; далек от окончания, но перспективы прозрачны. Так что моя надежда приготовить его для «Северных цветов» стала твердой. Я дорожу видеть его напечатанным вместе с вашей драмой...³ Но что возвещаете вы мне о «Северных све-

тах»?! В них не будет Бальмонта? ни Белого? ⁴ Они не будут походить на прежние томы? Не будь «Весов», всех объединяющего издания, все это имело бы вид «великого раскола».

Кажется, что моя поездка в Москву, теперь же и на короткое время, не нужна. Можно приехать весной, если будет необходимо. Во всяком случае, я не только берусь перевести летом «Рождение трагедии» или еще что-нибудь, но и весьма рад взять на себя ведение всего издания. С осени буду в Москве надолго. Пишите мне, впрочем, о ходе ваших приготовлений к изданию и, если хотите, вызовите меня в Москву для организации работы.

Замедление в напечатании наших книг нас истинно огорчает и делает нам в разных отношениях *einen Strich durch die Rechnung* *. Конечно, мы далеки от мысли винить в том книгоиздательство. О, если бы можно было ускорить набор и печатание после праздников, чтобы хоть в январе книжки увидели свет.

Ваша приписка очень испугала меня, и потому я телеграфировал, как вы сказали. Такое размещение стихотворений совершенно калечит книгу. Прилагаю список стихотворений первых двух отделов. Едва ли какое-нибудь. Во всяком случае, *порядок* должен быть таков ⁵. Удивляюсь, как при подробнейших указаниях моих относительно размещения вышла путаница.

Простите, дорогой Валерий Яковлевич. Крепко жму вашу руку и передаю новогодний привет и пожелания Лидии Дмитриевны, а также прошу поздравить от нас вашу супругу.

Ваш сердечно Вяч. И в а н о в

P. S. Жена просит известить вас, что своим литературным *nom de guerre* ** избирает: «Л. Д. Зиновьева-Аннибал». Ганнибалы — ее предки с материнской стороны.

Сердечная благодарность за присылку продолжения «летописи» ⁶.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ При публикации стихотворения «Медя» («Ежемесячный журнал для всех», 1904, № 9; *St*) Брюсов опустил это посвящение. В автографах, сохранившихся в его архиве, посвящение также отсутствует (ГБЛ, ф. 386, б. 2, л. 47—49).

² См. рецензию на сб. «Кормчие звезды» за подписью «П. Н.» — «Хроника журнала «Мир искусства», 1903, № 14 (ценз. разрешение 4 декабря 1903 г.). Автор ее — Павел Николаев, художественный и литературный критик журнала (атрибуция делается на основании соседства статей, подписанных его полным именем и инициалами). Слов «трудолюбивая бездарность» в рецензии нет, но содержание ее резюмируется ими достаточно точно. По-видимому, замечание Иванова было причиной того, что Брюсов не отдал «Медю» в «Мир искусства».

³ Драма «Земля» была опубликована в *СЦ—1905*. Там же см. трагедию Иванова «Тавтал».

⁴ Об отказе А. Белого участвовать в изданиях «Скорпиона» см. наст. том, стр. 371—372. Бальмонт принял участие в альманахе.

⁵ Список стихов, составляющих два первых отдела сб. «Прозрачность», сохранился в архиве Брюсова среди писем Иванова (ГБЛ, ф. 386, 87, 2, л. 55—56). Порядок стихотворений в нем почти не отличается от окончательного расположения их в книге.

⁶ См. п. 9, примеч. 1.

11. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Châtelaine.> 23/10.II(19)04

Дорогой Валерий Яковлевич,

Завтра или послезавтра думаем выехать в Москву (где были бы уже недели полторы тому назад, если бы я не хворал все это время). Война изменила мои планы на ближайшее будущее: ехать в парижскую колонию

* расстройство планов (*нем.*).

** псевдонимом (*франц.*).

было слишком не по сердцу), увидеть же теперь Россию стало почти потребностью. Считаю войну за force majeure *, извиняющую отсрочку исполнения обещаний, данных Школе¹, и естественным представляется мне — временное понижение нашей преподавательской деятельности за границей в данных обстоятельствах.

Корректуры привезу сам, пока же прошу вас покорнейше:

1) напомнить в типографии, что так и не набраны «La Luna sonnambula» и «Кочевники Красоты» (чтобы 2-ой отдел не напечатали без этих стихотворений); 2) распорядиться набором четырех моих стихотворений, только что появившихся в «Грифе» и долженствующих войти в «Прозрачность» (о месте дам указания лично)²; 3) ускорить набор «Колец».

К печатанию можно приступить по моем приезде (дабы избежать возможной все-таки путаницы); набора же полезно запастись поболее, чтобы наши обе книжки вышли великим постом по возможности одновременно.

Поздравляю вас от души с прекрасной статьей и прекрасным началом «Весов», журнала истинно изящного — внешне и внутренне. Получена ли статья «Поэт и Чернь»?

В надежде на скорое, мне очень желанное свидание. — Ваш сердечно

Вяч. И в а н о в

¹ Т. е. обещания прочесть курс о римской магистратуре в парижской Русской высшей школе общественных наук (см. п. 6).

² Обе просьбы, касающиеся состава «Прозрачности», были выполнены; см. также п. 13.

12. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

904. Москва. <Середина февраля>

Дорогой Вячеслав Иванович!

Статьи ваши получены. Вы хорошо знаете, что они интересны очень. Первой мы думаем поместить о Поэте и Черни — во главе 3 №¹. Я лично очень разделяю ваше мнение, что поэт должен стать мифотворцем, что символизм — путь к мифотворчеству², — буду его проповедовать. Но не думаю, что оно противоречит моим мыслям о Ключах тайн; только углубляет их, если хотите, даже преобразует, вскрывая то, что мне только грезилось, что я не сказал словом. Пишите нам больше. Ждем от вас и мелочей.

Как только ваши корректуры будут здесь получены — «Прозрачность» станет законченной книгой. Уже напечатано 7 листов. Что «Тантал»? Хотя время сейчас неподходящее для альманахов. — Посылаю вам статью о Коневском, где поминают вас³. Кстати, получили ли вы Коневского и каково ваше впечатление? Он пытался сделать (в языке) кое-что из того, что вы свершили⁴.

Ваш Валерий Б р ю с о в

Ответ на п. 11. Датируется по связи с п. 11 и ответным п. 13.

¹ Вторая статья — «Ницше и Дионис» (см. о ней п. 8).

² Брюсов ссылается на заключительные положения статьи Иванова «Поэт и Чернь»: «Мы идем тропой символа к мифу. Большое искусство — искусство мифотворческое. Из символа вырастет искони существовавший в возможности миф, это образное раскрытие имманентной истины духовного самоутверждения народного и вселенского» («Весы», 1904, № 3, стр. 8).

³ Эту статью обнаружить не удалось.

⁴ Иван К о н е в с к о й. Стихи и проза. Посмертное собр. соч. (1894—1901). Со статьей Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1904. В 1910 г. Брюсов дополнил свою

* чрезвычайное обстоятельство (франц.).

статью замечаниями о своеобразии языка и метрики Кожевникова: он отметил «точность и остроту выражений», которым «решительно приносились в жертву легкость и плавность речи»; «хитрый синтаксис»; склонность к нарушению «законов метрики» при «крайней заботливости к звуковой стороне речи» (*Далекие и близкие*, стр. 71—72). Эти же черты Брюсов отмечал в поэзии Иванова (ср. его рецензию на сб. «Кормчие звезды» — *НП*, 1903, № 3).

13. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

〈Châtelaine. 3 марта/〉 19 февр〈аля〉 1904

Дорогой Валерий Яковлевич,

Вот, «me magna minantem» * — вы видите все не двигающимся с места...¹ Сердечное спасибо за дружеский прием, оказанный статьям, за журнальную вырезку с добрым и обо мне словом и за дорогой томик Кожевникова. Меня влечет — но и пугает трудностью тонкой задачи — написать в свою очередь что-нибудь о нем². Его искания и постижения представляются мне полными глубокого значения, а его душевный облик стихийно-загадочным и прекрасным. C'est une révélation **, этот томик: честь и слава «Скорпиону».

Я очень обрадован нашим единодушием в вопросе о мифотворчестве. На мое отношение к «ключам тайн» я указываю словами, что они «прежде всего» ключи к тайникам народной — мифородной — души. Быть может, объем понятия «ключи тайн» шире, чем «мифотворчество». Разница в наших взглядах все же есть, внутренняя и существенная. «Ключи тайн» предполагают как тайну некоторую истину — объект познания. Мифотворчество само налагает свою истину; соответствия же ее объективной сущности вещей вовсе не испытует. Оно воплощает постулаты сознания и, утверждая, творит. Поэтому искусство для меня преимущественно творчество, если хотите — миротворчество — акт самоутверждения и воли, — действие, а не познание (какова и вера); не «reine willenlose Anschauung»***, а «творца безвольный произвол»³, дело лично-безвольного, вселенского воления.

Вы и радуете и немножко пугаете меня вестью, что уже 7 листов «Прозрачности» отпечатаны. Если случилось, что стихотворения «La Luna sonnambula» и «Кочевники красоты» (корректуры которых я не получал) не вошли во II отдел, то — ввиду опущения первоначального V отдела (хоров из трагедий) и небольшого объема книги — думаю, что не излишне образовать другой, V-ый отдел (предпоследний в книге) из стихотворений: 1) «Фуга», 2) «Кочевники красоты», 3) «La Luna», 4) «Темница», 5) «На чужбине», 6) «Кармил».

Предполагая, что альманах «Грифа» у вас под рукой, я просил бы в этом случае перепечатать из него мои названные стихотворения⁴.

Если же есть время, то вставить во II отдел «Фугу», после «Кочевников красоты», перед «Beethoveniana», а «Темницу» — по соседству с «Luna sonnambula», а «Кармил» — в сонеты перед «Товарищами», а «На чужбине» — за «Трамонтаной».

Последние корректуры (примечание о Бакхилиде) отослал уже вчера. Просьба — не оставлять набора «Колец».

Ваш сердечно Вяч. Ив.

P. S. Мне кажется также, что не время теперь для альманахов. Не будут ли «Северные цветы» отложены? Не будет ли заявлено, что теперь Муза молчит?

* меня, многое сулящего (*лат.*).

** Это откровение (*франц.*).

*** чистое безвольное созерцание (*нем.*).

Посылаю заказным это письмо, боясь, что вы не будете предупреждены заблаговременно о желательном устройстве книги.

Ответ на п. 12.

¹ Из-за болезни Иванова и его жены возвращение их в Россию задержалось на год.

² На сборник стихов Ив. Коневского Иванов в печати не откликнулся.

³ Строка из программного стихотворения Иванова «Творчество» (сб. «Кормчие звезды»).

⁴ В «Альманахе «Гриф» (М., 1904) были напечатаны стихи: «Фуга», «Темница», «На чужбине», «Кармил»; все они вошли в сб. «Прозрачность», но несколько в ином порядке, чем указал Иванов в этом письме.

14. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<St.-Cergue.> 10.III/26.II(1)904

Дорогой Валерий Яковлевич,

Пишу из Юры, куда, проболев всю зиму, мы с женой равно оба принуждены были спастись, чтобы подышать укрепляющим горным воздухом. Давно были бы в Москве, если бы непрерывающаяся хворость не заставляла всякий раз снова отлагать назначенный отъезд.

Считаю безотлагательным известить вас о ходе работы над «Танталом». Он мог бы быть скоро закончен, если бы мне не представилось внутренне необходимым раздвинуть первоначальную схему плана, ввести новые сцены, одним словом, сделать перемены, увеличивающие объем произведения. Отсюда две трудности осуществить план напечатания трагедии в «Северных цветах»: вопрос времени и вопрос объема.

Если «Северные цветы» будут изданы этою весной (несмотря на ваше сомнение о том, подходящее ли теперь для того время), — мне остается предложить вам (так как с марта альманах должен уже набираться) то, что готово в настоящую минуту, следовательно — отрывки. Именно, предлагаю: «Ниобея. Отрывок из трагедии» (начало трагедии «Ниобея») ¹. Несмотря на неудобство сообщения фрагмента из произведения, должествующего, по своему роду, действовать преимущественно как целое, — в данном случае считаю такое сообщение эстетически возможным и для меня приемлемым. Отрывок обнимает приблизительно один печатный лист и есть нечто законченное. Если же редакция альманаха имеет сомнения относительно допустимости *отрывка* из *трагедии*, я вполне понимаю и такую точку зрения, но «Тантала» как целое произведение также, к сожалению, не могу представить немедленно.

Представьте себе, что духовная цензура не пропустила стихотворения «Пришлец» в «Новом пути» ²! Трепещу за эту вещь, которой придаю значение, как и за несколько других, важных, в «Прозрачности». Похлопочите, если представится нужда, дорогой Валерий Яковлевич, и верьте сердечной преданности вашего

Вяч. И в а н о в а

Адрес: Villa Java. Châtelaine.

На бланке гостиницы: Hôtel de la Poste. St-Cergue sur Nyon.

¹ О трагедии «Ниобея» см. п. 6, примеч. 5. На следующий день (11 марта/27 февраля) Иванов писал: «...прошу вас, Валерий Яковлевич, в случае нужды иметь рукопись «Ниобея», немедленно телеграфировать мне <...> Рукопись будет выслана тотчас же».

² Стихотворение «Пришлец» впервые опубликовано в сб. «Прозрачность».

15. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

〈Москва. 16 июня 1904 г.〉

ОТВЕТ

Валерию Брюсову

«В ее глаза зеленые
Взглянул я в первый раз,
В ее глаза зеленые —
Когда в них свет погас».

Над омутами темными —
Плавучие луга,
Над омутами темными —
Зыбучие снега...

И мы, в Луне таинственной,
Душ зыбкий хоровод, —
И мы, в Луне таинственной,
Над бледной ризой вод —

Летаем и влюбляемся
В печальные цветы,
Летаем и влюбляемся —
И ты, и я, и ты...

И клонимся, влюбленные,
Над зыбию стеблей, —
И клонимся, влюбленные,
И рвем стебли лилей.

Зеницам, окнам сумрака,
В тот сладкий миг видна
Вся глубь — чрез окна сумрака —
В тот краткий миг — до дна...

Лишь миг — и зыбью сонною
Смыкаются цветы...
Скользя над зыбью сонною,
Мы спим — и я, и ты...

Вяч. И в.

16 июня 04.

Ответ на стих. Брюсова «В вагоне», написанное 12—13 июня 1904 г. («Беседа», 1904, № 9, под заглавием «Той, чье имя мне осталось неизвестно»; St). Эпиграф — строфа из этого стихотворения.

Брюсов и Иванов неоднократно обменивались письмами-стихами (см. п. 76 и 77, а также примеч. 1 к п. 19 и примеч. 1 к п. 31).

16. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Ока, 1904, июль.

〈Антоновка. 30 июня/13 июля 1904 г.〉

Дорогой Вячеслав!

Да будет это моим первым приветом тебе в твоей villa Java. Неужели воистину, приехав вновь в Москву, мне нельзя будет взбежать по лестнице у Никитских ворот и постучать в дверь, где № 20¹. Меня всегда отчаивало, что то, что так близко в воображении, может быть далеко в «реальности». Когда я вернулся из Венеции, дома, у своего письменного стола,

я не мог поверить, что нельзя будет, бросив работу, сейчас выйти вздохнуть на Piazz'у и дальше, к морю². Живо ли в тебе это чувство общности с нами? Если живо, ты вернешься. А мне сейчас кажется, что если вынуть тебя из нашего круга, — все распадется. Ты должен был прийти к нам, это было так необходимо или, как я говорю, «неизбежно», что всем показалось естественным и ожидаемым. Ты именно тот недостававший луч, который сделал гармонию из того ряда случайных красок, какими мы были до тебя. И никто не стал спорить, потому что то была очевидность. Вынь себя опять и все опять вернется в хаос, но горший, потому что слишком будет уличать сравнение с недавним прошлым. Ты — *должен* быть с нами, и я верю, что ты себя чувствуешь лишь во временной отлучке.

Не знаю, отчего это письмо написалось на ты. Я попробовал изменить, ничего не вышло. Если это тебя смущает, забудем об нем. А стал я писать с целью. Хочу поручить тебе и очень просить тебя — написать две рецензии (кроме двух — о Сологубе и Жиде, которые надеюсь найти в Москве): именно, о новой книге Метерлинка «Double Jardin» и о книге его жены Leblanc «Choix de la Vie». Темы интересные³. Но умоляю, не позже как *к концу июля*, к числу 25.

Твой Валерий

Привет Лидии Дмитриевне. Ее стилограф работает превосходно.

На конверте почт. шт.: Тарусская. 30 июня 1904; Genève. 17.VII.04.

¹ Весной 1904 г. Иванов приезжал в Москву, где останавливался в меблированных комнатах Троицкой у Никитских ворот. В это время он познакомился и сблизился с символистами брюсовского круга — Бальмонтом, Балтрушайтисом, Андреем Белым и др.

² Брюсов посетил Венецию в мае — июне 1902 г. (*Дневники*, стр. 120—121). Piazzа di San Marco — площадь св. Марка в Венеции.

³ Статья Иванова («Рассказы тайновидца») о сб. рассказов Ф. Сологуба «Жало смерти» (М., «Скорпион», 1904) и его же рецензия на книгу Метерлинка «Двойной сад» (см. о ней п. 18) напечатаны в «Весах» (1904, № 8). Статья об Андре Жиде («В раю отчаяния») написана Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (№ 10). Ей же принадлежит рецензия на книгу Жоржетты Леблан «Выбор жизни» («Le Choix de la Vie». P., 1904), охарактеризованную ею «как знамение времени, как момент феминистического движения» (№ 8, стр. 60).

17. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Châtelaïne.> Villa Java, июль <4/17.19>04

Дорогой Валерий,

Благодарю тебя. Благодарю за прошлое и живое, и за первины живого нового. И мне глубоко недостает твоей близости. Но отдаление заставило еще живее почувствовать, что мы уже не «далекие». Ego te ita desidero, ut certo nuntio mei in te amoris me consoler, ipso desiderio tui*.

Рецензии напишу. Прости, что прислал только о Сологубе: зато это статья. Посылаю на твой *неизбежный* суд новые стихи, и «Весь» в пристойной, наконец, надеюсь, редакции и «Вид на Москву» кстати, чтобы ты имел и этот текст, а также чтобы все эти стихи были у тебя под рукой для «Северных цветов» (куда охотно присоединил бы и «Ответ» тебе)¹.

Сиюж над рукописью «Ниобеи», от которой неохота отрываться ни для чего другого. У нас, под стародавним, широко раскинувшимся кедром, — прямо рай. Солнце еще не угасло. Полдень прекрасен. А «Белая гора» — не «разоблачается»².

Твой Вячеслав

Привет сердечный наш Сергею Александровичу.

* Я по тебе так томлюсь, что утешаюсь верным любви моей к тебе вестником, самым томлением по тебе (*лат.*).

БРЮСОВ

Рисунок Б. К. Рериха. Карандаш. 29 июля 1903 г.
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

Ответ на п. 16. На конверте почт. шт.: Genève. 17.VII.04.

Первое письмо, написанное Ивановым по возвращении в Женеву из Москвы. После отдыха в Инсбруке Ивановы приехали в Женеву 29 июня/12 июля 1904 г. (см. письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал И. М. Брюсовой от 1/14 июля 1904 г. — ГБЛ, ф. 386, 86. 59).

¹ В архиве Брюсова сохранились автографы двух редакций стихотворения Иванова «Весы» (ГБЛ, ф. 386, 57.9, л. 9—10 об.). Первая имеет разночтения с печатным текстом (СЦ—1905), вторая полностью с ним совпадает; оба автографа имеют посвящение Брюсову, опущенное при публикации. «Вид на Москву» — по-видимому, стих. «Москва» («*Cor ardens*», ч. I); в СЦ—1905 не вошло. «Ответ» — см. п. 15.

² «Белая гора» — Монблан.

18. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Châtelaine.> 2-е письмо из Женевы. Июль 1904.

Дорогой Валерий,

Как можешь ты думать, что мне неприятно столь желанное? Мало же ты меня знаешь. Так желанна мне близкая с тобою связь, что когда является естественная мысль, что наше окончательное самоутверждение в пред-

начертанной каждому из нас сфере исканий может разъединить нас, — я противопоставляю этой мнительности сердца, как лукавому искушению, все апотропеи¹ моего глубочайшего воления. Если неизбежно разногласие, будем как «разногласье волн, что меж собой согласны!» Недаром же нас обоих с младенчества заворожила Муза напевами

О жизни, тонущей в пурпуровом огне,
О крыльях, реющих за грезою надзвездной,
О славе золотой, пылающей над бездной,
О цели творческой священных берегов...²

И недаром обоим

Нам, как маяк, давно поставила
Афина строгаая — копьё³.

Благодарю за «Тезея»; люблю его, но меньше, чем «Орфея»⁴. Прочитал вчера почти весь «Double Jardin», и подписал «d'ordures»*. Неизбежен крик протеста; не нравится вам — не печатайте. Заметку вышлю, быть может, завтра. Ужасное зрелище: Метерлинк «der Getröstete»** — Метерлинк-филистер?!⁵

Твой Вячеслав

Если еще можешь, поправь в рецензии на Сологуба, в начале: «в своей *строгой* простоте», а не «художественной». В конце — «радужному растворению», вместо «претворению»; зато «*претворить* жизнь» вместо «пресуществить». Но это все не слишком важно⁶.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ Апотропеи — от греч. *ἀποτροπή* (предотвращение гнева богов, умилоствление, разубеждение). Ср. стихотворение Иванова «Апотропей» («Сог Арденс», ч. I).

² Из стихотворения Иванова «На высоте» (сб. «Кормчие звезды»).

³ Из стихотворения Брюсова «Тезей Ариадне», написанного 1—2 июня 1904 г. («Беседа», 1905, № 1; *St*). Эти строки Иванов использовал в качестве эпиграфов к статье «Копье Афины» («Весы», 1904, № 10).

⁴ Стихотворение «Орфей и Эвридика» закончено 10—11 июня 1904 г. (*НП*, 1904, № 8; *St*).

⁵ В своей рецензии Иванов охарактеризовал философское произведение Метерлинка «Двойной сад» («Le Double Jardin». Р., 1904) как итог деградации взглядов автора — «пеструю риторику самоудовлетворенности, являющую «Метерлинка, каким он стал, Метерлинка, успокаивающего умы и совести и, увы, успокоенного, Метерлинка — утешителя душ <...> и Метерлинка «утешенного» («den Getrösteten»), по слову Ницше» («Весы», 1904, № 8, стр. 58—59). Точка зрения Иванова полностью совпала с оценкой эволюции Метерлинка, высказанной Брюсовым в его неопубликованной статье «Метерлинк-утешитель» (ГПБ, ф. 105, оп. 1, ед. хр. 17).

⁶ В журнальный текст статьи эти изменения не внесены.

19. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

5-е письмо¹

<Châtelaine.> Villa Java.
4 авг<уста 19>04/22 июля, в саду.

Дорогой Валерий,

За это время были у меня последовательно в гостях: Макс Волошин, М. Н. Семенов² и Сергей Котляревский. Макс Волошин много рассказывал и много читал стихов; вокруг него широко развертывался, играя на солнце, павлиний хвост³. Семенов приехал в Женеву лечиться от невращения, он собирается проехать по Германии с целью привлечения сотрудников для «Весов». Зиму думает провести в Париже. Котлярев-

* нечистот, грязи (т. е. «Двойной сад грязи». — франц.).

** «утешенный» (нем.).

ский был мил и блестящ, как прежде; он желает, к моей радости, сотрудничать у нас серьезно — писать много рецензий и присылать статьи, рад числиться в списке сотрудников, куда и советую тебе внести его имя; писать будет ближайшим образом об импрессионизме как форме и методе (или в этом роде), но в *самом* скором времени пришлет статью о недавно открытом (как ты, несомненно, знаешь) памятнике вавилонского законодательства, причем, если статья будет соответствовать беседе, с поразительной живостью осветит общее значение этого открытия, удаляющего наши культурные дали на 3.000 лет до Р. Х., — он ведь весь теперь в ориенталистских изучениях, вырабатывая курс по истории Востока ⁴. Он нашел виллу Java Тускулумом и влюбился в пювис-шавановский силуэт Юры, близко ограничивающий нашу долину ⁵. Мне кажется, «Весам» важно привлечь свежие силы, расширяющие мир кружка во внутренней гармонии с представляемой им идеей. Поэтому, когда я говорил с Котляревским о желательности новых сотрудников, удовлетворяющих этому требованию, то рад был услышать имя Булгакова, на которого он надеется ⁶. Так как говорю о сотрудниках, то сообщу кстати, что Л. Аннибал кончает *une étude approfondie et subtile* * об Андре Жиде (литературный портрет), а наша М. М. Замятнина посылает в «Весы» сегодня же заметку «по поводу парижской выставки миниатюр» и о значении их для изучения фламандских и французских примитивов ⁷; есть там речь о «livre d'heures» герцога de Berry, который, к счастью, вовсе не погиб ⁸.

Дорогой Валерий, продолжаю все о «Весакх». Меня пугает уныние, которое сквозит в твоём письме. Не будем подражать жидовскому Desperatus, найденному в двух шагах от полюса ⁹. Nous devons réussir **. Мною ты можешь располагать, и я был бы по твоему зову на месте, если бы мне не приходилось считаться с фактом явно высказанного Сергеем Александровичем убеждения в ненужности моего ближайшего и, так сказать, органического участия в вашем деле. Но и помимо этого, есть обширное поле деятельности, и я — все, что ты хочешь, и villa Java, если ты хочешь, — филиал «Весов» в Женеве. Например, можно делать нужные для журнала поездки. Можно повидаться с Метерлинком (ему Бальмонт с Максом сделали бесполезный визит, вина в нелепости которого ложится очевидно на них, потому что Бальмонту Метерлинк не понравился, и наш друг стал молчать и злиться ¹⁰) — или с Андре Жидом etc., и предложить им обычные (?) 160 франков за лист размышлений, или вот еще что: Лидия Дмитриевна готова, если это *серьезно* желательно, съездить в Англию для ближайшего ознакомления с современными течениями в английской поэзии и искусстве — будет «Письмо» — и привлечения известных литераторов ¹¹. Необходимо изыскивать и *расширяться*, иначе все упадет. Ceterum censeo *** привлечь Л. Андреева, во что бы то ни стало ¹².

Если отложим «Северные цветы» до января, это будет, мне кажется, и естественно, и выгодно. Но уж спимите интердикт. Белый выражал мне в письме склонность последовать моему совету и предложить самому свои вещи в «Северные цветы», чтобы уладить дело во имя Дела, но, естественно, выражает и страх, будут ли его намерения правильно поняты. Вообще, он *чрезвычайно* дорожит связью с «Скорпионом», но чем-то напуган, неуверен в ваших симпатиях, как-то мнительно недоверчив; его нужно ласкать ¹³.

Близость с тобой, о которой я почти и не мечтал, зная твой замкнутый, суровый, слишком, быть может, осторожный нрав, делает меня счастливым. То, что я знал, раскрывается явно: в замкнутости какое-то пленительное целомудрие мужественной и юношеской души; в суровости —

* глубокий и тонкий этюд (франц.).

** Мы должны добиться успеха (франц.).

*** Кроме того, полагаю (лат.).

пугливая нежность глубоко страстного сердца, знающего любовь и ненависть, как этот «палящий цветы» Сириус¹⁴, что каждую ночь сияет над моим старым кедром.

Я пишу тебе иначе, чем говорил прежде, во имя этой близости. Знаю, что ты не выдашь меня. Не выдашь и Сергею Александровичу, что я говорю по поводу его. Не думай, что его упрекаю. Я не знаю его мотивов, но предполагаю возможным, что ему и нельзя поступать иначе, чтобы не изменить союзу вас двоих; я считал бы естественным и правильным его образ действий, если бы он предоставлял, в этом вопросе о моем ближайшем сотрудничестве, всю инициативу — тебе, — но кажется, что зовешь меня ты один.

Я написал «Carmen Saeculare (I. Subtile virus caelitum. — II. Morituri fata salutant. — III. Adamantina proles. — IV. Aevum aetherium)», вышлю с другим письмом¹⁵. Понравится ли тебе, не знаю. В нем формулировано много внутренне пережитого; но оно может казаться только формулой передуманного. Этим стихотворением обязан опять тебе: это ты показал мне у Агриппы, что с 1900 г. судьбами Земли правит новый звездный демон. Текст, пожалуйста, припиши как эпитафия. Вот почему — *carmen saeculare*¹⁶.

Твой глубоко В я ч.

Р. С. Статейка Замятниной по поводу только что закрывшейся выставки примитивов так актуальна, что отсылку ее нельзя задержать. Потому извини грязный *brouillon** и сгладь, где нужно, слог.

Вяч. И в.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ Третьим и четвертым письмами были стихи — «Дрожат леса дыханьем ливней...» и «В лепоту облечеса...» (опубликованы в «Cor Ardens»). На первом из них помета: «23/10.VII.904 (письмо 3-ье)»; на втором — «24/11.VII.904» и «Письмо из Villa Java 4-ое».

² О М. Н. Семенове см. наст. том, стр. 258.

³ Видимо, к этой встрече следует приурочить беседу, которую Волошин приводит в статье «Пророки и Мстители. Предвестия Великой Революции» («Перевал», 1906, № 2, стр. 15).

⁴ Сергей Андреевич *Котляревский* (1873—1940) — историк, юрист, политический деятель. В «Весах» статей не помещал, хотя в объявлении на 1905 г. назван среди «обещавших свое сотрудничество». Предполагаемая статья — о судеbnике вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.), текст которого был открыт в Иране в 1901—1902 гг. Этому памятнику С. А. Котляревский посвятил специальное исследование («Новый Восток», 1923, № 3).

⁵ Тускулум (Тускул) — в древности город невдалеке от Рима, где располагались виллы римской знати. В «Тускуланских беседах» Цицерон излагает свои морально-этические взгляды в форме разговоров на философские темы между гостями его виллы в Тускулуме. Пьер *Пювис де Шаванн* (1824—1898) — французский художник, один из основателей символизма в живописи.

⁶ С. Н. Булгаков в «Весах» не участвовал.

⁷ Статья М. М. Замятниной в «Весах» не появилась, несмотря на повторную настоятельную рекомендацию Иванова в письме, написанном в конце августа — начале сентября 1904 г. О парижской «выставке примитивов» в «Весах» писал М. Волошин (1904, № 5). Позже Замятнина поместила в «Весах» разбор книги Гюисманса «Три примитива», близкий по теме к предполагавшейся статье (1904, № 12).

⁸ Одна из иллюстраций часовника (*livre d'heures*) де Берри, шедевра средневекового книжного искусства, печаталась на титульном листе «Весов».

⁹ Образ из романа Андре Жиде «Путешествие Уриана» (1893): путники, стремящиеся к Северному полюсу, обнаруживают своего предшественника, отчаявшегося достичь цели, вмерзшим в ледяную стену, которая только и отделяла его от полюса; на ледяной гробнице надпись: «*Nic desperatus...*» — «Се отчаявшийся...» Эта сцена изложена в указ. ст. Л. Д. Зиновьевой-Аннибал об А. Жиде (см. п. 16, примеч. 3).

¹⁰ Ср. мнение Бальмонта о философском эссе Метерлинка «Сокровище смиренных» («Le Trésor des humbles», 1896): «Я прочел «Le Trésor des humbles» с чувством скуки и

* черновик (франц.).

неприязни. Эта книга написана человеком бессильным, который никогда не знал, что такое крик страсти, и потому его отречение от страстей флегматично и плоско, как страна, в которой он вырос. Те немногие страницы и строки, которые действительно хороши в книге Метерлинка, представляют из себя выписки, частью заключенные в кавычки, частью не заключенные. Литературные заимствования вполне позволительны, когда они окрашены индивидуальной печатью блестящего языка, как, например, у Д'Аннунцио. Но язык Метерлинка безвкусен, как невинная фруктовая вода. А между тем те книги, откуда он почерпал свою, полны самой яркой, самой душистой пьяности! Какой же смысл имеет его книга? Он дурно говорит о том, что у других сказано хорошо. Он слишком о многом лепечет понаслышке» (письмо к Л. Н. Вилькиной от 8 января 1901 г. — ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, ед. хр. 823). См. также статью Бальмонта «Тайна одиночества и смерти. О творчестве Метерлинка» («Весь», 1905, № 2).

¹¹ Предложения Иванова не осуществились с той систематичностью, которая ему рисовалась: зарубежные писатели участвовали в «Весех» преимущественно как «постоянные корреспонденты» (см. наст. том, стр. 269—271).

¹² Л. Н. Андреев в «Весех» не участвовал. Об отношении Брюсова к его творчеству см.: Б. М. С и в о в о л о в. В. Брюсов и Л. Андреев (*Чтения 1971*, стр. 376—401).

¹³ См. наст. том, стр. 371—372 (п. Брюсова 5 декабря 1903 г.) и п. 28, примеч. 4.

¹⁴ Образ из стихотворения Брюсова «И снова ты, и снова ты...» (СЦ—1901, в УО под заглавием «Свидание», позднее снятым).

¹⁵ Цикл «Carmina Saecularia» («Песнь веку» — лат.) напечатан в СЦ—1905, затем в «Cor Ardens», ч. I. Второе стихотворение получило в печати название «Vitali melle cicuta».

¹⁶ *Агриппа Немтесгеймский* (1486—1535) — немецкий мыслитель, медик и оккультист. Фигура Агриппы в высшей степени интересовала Брюсова (см. об этом: Б. П у р и ш е в. Брюсов и немецкая культура XVI века. — В кн.: *Собр. соч.*, т. 4, стр. 328—330). Согласно оккультному учению Агриппы, изложенному в его «Сокровенной философии» (1531—1533), «механизмом мироздания» управляют попеременно семь планетных духов, каждый из них владычествует 400 лет; шестой дух — Офиель («правитель вещей, принадлежащих Меркурию») и покровитель искусств) правит с 1900 по 2300 г. (подробнее см.: А г р и п п а. Магия Арбателя. СПб., 1912, стр. 13, 17). В обеих публикациях Иванов предваряет цикл стихотворным посвящением Брюсову («О, Тайн ключарь, проникший руны...»). В «Cor Ardens» заглавие посвящения развернуто: «Строки Валерию Брюсову, открывшему мне эру Офиеля, по учению Агриппы». Эпиграф — выдержка из «Магии Арбателя» о преемственности семи духов в управлении Вселенной и наступлении эры Офиеля.

20. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Антоновка (Таруса, Калужской губ.),
<28 июля> 1904

Дорогой Вячеслав!

Сегодня я прошу позволения говорить исключительно «о делах», о судьбе «Весов». На это вызывает меня твое последнее письмо, которое нашел, вернувшись сюда (за него спасибо, очень и очень). Итак прости, что буду длинным, подробным и скучным.

Продолжать «Весь» так, как они идут сейчас, я не хочу и не стоит. Да, hic desperatus...

Во-первых, я не в силах работать один. Когда «Весь» основывались, полагалось, что в редакционной работе будут участвовать, кроме меня, — сам Сергей Александрович, Юргис и, может быть, Бальмонт. Но вся работа оказалась на мне. «Весь» отнимают у меня всю жизнь; изо дня <в день> у меня остается свободного времени только, чтобы отдохнуть, не более. И через это самое дело идет хуже, чем могло бы. У меня не достаёт ни времени, ни внимания, ни даже знаний — для многого. Я не успеваю писать нужнейшие редакционные письма. Я упускаю многое в хронике, еще больше в библиографии. Я не могу выправлять всех статей (а многие в этом нуждаются) и читать все корректуры. Не говорю уже о том, что, будучи один, я не могу отлучиться из Москвы и в случае моей болезни «Весь» просто остановятся.

Во-вторых, я не могу примириться с той беспорядочностью, какая царит в конторе. У меня опять-таки нет времени присматривать за конторскими и издательскими делами, а Сергей Александрович по свойствен-

ной ему беспечности ведет все слишком по-семейному. Прежде всего для распространения «Весов», для рекламы не делается ничего. Объявлений почти не печатается и совсем не рассылается. Суммы, получаемые Василием¹, не контролирует никто. Правильность рассылки журнала тоже. Типография подает *двойные* счета. Они оплачиваются. Зато иные сотрудники не получают гонорара по два — по три месяца. Гилю не заплачено за 2 месяца, Розанову за май, Рафаловичу ничего не заплачено, Шику не доплачено, Лакосту не заплачено за рисунки, присланные в апреле², и т. д. Знаю, что у Сергея Александровича до 30 000 рублей годового расхода (дохода больше) и что ему не жалко ничтожных сотен, должных этим лицам, но таков факт. А всю его тяжесть выношу я, который приглашал этих лиц и которые пишут жалобы не кому другому, как мне. В то же время я с января прошу выписать для «Весов» «La Revue», «Neue Rundschau», некоторые английские журналы, и тщечно³. Прошу покупать книги для рецензий, тщечно. Неловко настаивать по поводу 2—3 рублей, но иной раз сам все-таки не купишь, а ущерб журналу.

Я мог бы привести гораздо больше примеров и доказательств. Но поверь мне, что и редакцию и контору «Весов» надо перестроить в основании или бросить все дело. Быть редактором нечитаемого журнала, журнала, обреченного вечно иметь 500 подписчиков, я не хочу. Ведь не ради 100 рублей, получаемых мною за редактирование, хлопочу я о «Весках». Необходимо, чтобы кто-нибудь другой поделил со мной редакционную работу, и необходимо, чтобы Сергей Александрович предоставил нам деятельное участие в издательских делах. Если эти два требования не будут исполнены, лучше бросить мертвое дело, которое, несмотря на все местные средства (приглашение новых сотрудников, например), может только разлагаться.

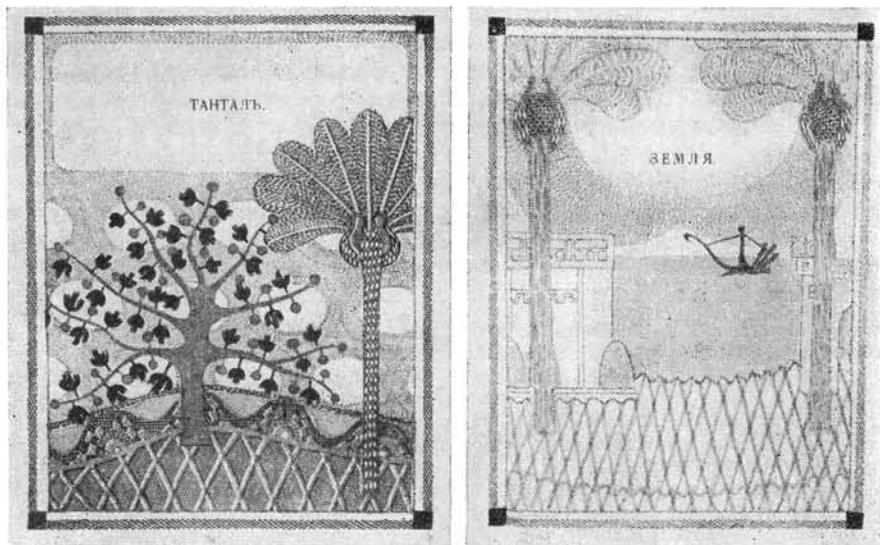
Ты понимаешь, что говоря о «ком-нибудь другом», я думаю только о тебе. Мне представляется сейчас просто сказкой, если б мы стали работать вместе. В ближайшем я не желаю ничего лучшего. Какое-то достижение пристани, долгий отдых на «узловой» станции. И я еще раз прошу тебя ответить мне принципиально: можно ли тебе приехать в Москву и возьмешь ли ты на себя соредактирование «Весов»? От твоего принципиального ответа будет зависеть мое дальнейшее поведение.

Если ты ответишь утвердительно, я предложу Сергею Александровичу, как ультиматум:

- 1) «Весь» редактируют на равных правах: он, ты и я.
  - 2) «Весам» гарантирован определенный месячный бюджет.
  - 3) Этими деньгами, опять на равных правах, распоряжаемся мы трое.
- Если он не согласится, я слагаю с себя полномочия редактора. Остается решить размер этого бюджета.

Я дописал до этого места, когда мне принесли (точнее привезли «эстафетой») телеграмму. Именно от Сергея Александровича. Пишет, что приехал в Москву и послезавтра выезжает в Женеву. Это значительно меняет дело. Я сегодня же еду в Москву, увижу его, переговорю. В общих чертах я передам ему все, что здесь написал. Но не так категорически, не как ультиматум, потому что еще не знаю твоего ответа. Ты с ним, конечно, увидишься. Письма этого, полагаю, показывать ему *не должно*. Все это писал я *только для тебя*. Но, может быть, вы все-таки поговорите обо всем этом. Если же я не успею (т. е. не будет мне возможности) серьезно говорить с ним, я извещу тебя. — О частностях твоего письма (о Метерлинке, Жиде, Котляревском, Булгакове, Андрееве) напишу из Москвы.

Твой сердечно и просто твой В а л е р и й

ШМУЦТИТУЛЫ К ТРАГЕДИИ ВЯЧ. ИВАНОВА «ТАНТАЛЬ» И ДРАМЕ БРЮСОВА «ЗЕМЛЯ»
По рисункам Н. П. Феофилактова
«Северные цветы ассирийские». М., «Скорпион», 1905

Датируется по сообщению о возвращении С. А. Полякова и об отъезде Брюсова «сегодня же» в Москву. О том же Брюсов одновременно писал А. А. Шестеркиной (письмо без даты, написано из Антоновки, но опущено в Москве — почт. шт.: Москва. 28.VII.04) — ГБЛ, ф. 218. 128.13.

В архиве Брюсова сохранились автографы четырех редакций этого письма. Публикуется вторая, наиболее законченная из них (первую редакцию см. наст. том, стр. 272). Возможно, что письмо не было отправлено.

¹ Служащий редакции «Весов».

² Об участии в «Весках» Р. Гиля, В. В. Розанова, М. Я. Шика и Ш. Лакоста см. наст. том, стр. 269—270, 318. Сергей Львович Рафалович (1875—1943) — поэт-символист, театральный критик, сотрудник «Весов».

³ «La Revue» (Париж, 1890—1918) — общественно-политический и литературный журнал. «Neue Rundschau» (Франкфурт-на-Майне; основан в 1889) — журнал литературы, искусства и науки.

21. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

⟨Москва.⟩ 1904, ⟨29 августа/11⟩ сентябрь

Давно от тебя, Вячеслав, нет никаких вестей. Ничего не знаю и о Сергее Александровиче. По-прежнему изнемогаю за «Весами». Получил ли ты август и что об нем думаешь? ¹ Нужны рецензии, рецензии и рецензии. Умоляю писать. Не напишешь ли, например, о новой драме Пеладана — «Sémiramis» (изд. «Mercure de France», 1 fr.) ²? Просил ли я тебя также дать хоть маленький отчет (хотя бы по газетам) о философском конгрессе у вас, в Женеве? Сделай ³. Вероятно, к осени появятся разные новинки на «книжном рынке» — поймай их, напиши о них. Ты знаешь, что твои рецензии будут предпочтены всем, в том числе и моим; написав их несколько десятков, я теперь чувствую более чем неспособность к этому делу. Все не могу ничего придумать, как будущее «Весов». Полагаю, декабрем они прекратятся. Феофилактов нарисовал поистине прекрасные рисунки для «Северных цветов» ⁴, но где текст для них? «Кольца» поступили в цензуру только в субботу — срок через два дня. Тотчас извещу о решении их судьбы. Бальмонт уехал в Крым, где по его словам вервена. Гриф проявляет усиленную деятельность, печатает сразу 5 книг.

Белый только что приехал из Сарова, судя по письму, очень расстроен⁵. Начинаю думать, что *всю войну* с Японией мы проиграем. Мои бодрящие стихи, которых я написал несколько, производят теперь чуть не комическое впечатление⁶. Пиши, очень прошу.

Твой Валерий

На конверте почт. шт.: Москва. 29.08.04; Genève. 19.IX.04.

¹ Т. е. августовский номер «Весов» за 1904 г.

² Жозефен Пеладан (Сар Пеладан, 1859—1918) — французский писатель-символист. Рецензию Иванова на его трагедию «Семирамида» см.: «Весы», 1904, № 9.

³ 4 сентября 1904 г. в Женеве открылся II Международный философский конгресс. Отчет Иванова о нем см.: «Весы», 1904, № 10 (подпись: Ζαχλῆς; об этом псевдониме см. письмо Иванова к С. А. Венгеру от 4/17 декабря 1904 г. — ИРЛИ, ф. 377, 1-е собр. автобиографий Венгерова, № 1319). Посылая отчет, Иванов писал Брюсову (без даты): «Вот заметка о конгрессе, длиннее, чем думал, зато основательнее, чем думал».

⁴ О Н. П. Феофилактове и его роли в «Весах» см. наст. том, стр. 322. Рисунки для *СЦ—1905* были выполнены им «по образцам древнеассирийского искусства»; отсюда название этого выпуска альманаха — «Северные цветы ассирийские».

⁵ См. наст. том, стр. 363, 380.

⁶ Из стихотворений о русско-японской войне, написанных к этому времени, Брюсов включил в сб. «Stephanos» только одно — «К Тихому океану» (впервые: «Русский листок», 1904, № 28, 29 января) и сопроводил его примечанием: «Будущее, уже пережитое нами, жестоко опровергло последние слова стихотворения. Я (<...>), подобно многим, ошибался, ожидая конечного торжества России в начинавшейся войне» (стр. 173). См. также наст. том, стр. 45—46.

22. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Châtelaïne.> 6/19 сен<тября 19>04.

Longioris morae veniam peto, mi Valeri*. Я чувствую себя вполне эгоистом: с нетерпением жду твоих писем и радуюсь каждой строчке; а сам давно тебе не писал: быть может, признаю, что переписка между нами, теперь, тяготеет к большей углубленности, — тогда-то ведь и является бес, которому имя Taedium scribendi**. Но записка от тебя — все же суррогат твоего личного явления, и потому утром прежде всего справляешься, нет ли чего от тебя; и, если есть, переживаешь иллюзию твоего появления на пороге моей комнаты, как ты обыкновенно входил, без улыбки, с широким взглядом строгих глаз. «То — там; а здесь...»¹ Сергей Александрович уезжал в Париж и опять приехал, и вот завтра совсем, кажется, уезжает. Видаемся чаще всего «у Ландольта», где подозрительно косятся на нас из всех углов российские Бруты². Был конгресс (о нем все ленился писать, но завтра вышлю заметку, которую ты можешь назвать, как угодно, и поместить, куда угодно). Это была маленькая ярмарка, со всякого рода встречами и знакомствами; у нас гостей Ивановский³. Теперь все это, волновавшееся как море-океан, — преодолено. Во мне же возилась целая кучка трагических бесов, из которых каждый хотел узурпировать маску и котурн моей Музы, но я их заклил. Месяца через полтора крепко надеюсь выслать тебе текст трагедии для «Северных цветов». Ita me Vascchus amet!..*** Поздравляю тебя с августом: ведь эта книжка уже прямо твое единоличное дело. И ты справишься с ним так, что нельзя догадаться о твоём пессимизме и о твоей усталости. Август, по-моему, хорош. И Суворовский⁴ ne fait pas précisément mauvaise figure****. «Вехи. I» безусловно хорошо написаны; конечно, произведут смуту⁵. Не могу отрицать, что важная и верная мысль могла бы быть

* Снисхождения к долгому молчанию прошу, мой Валерий (лат.).

** Неприязнь к писанию (лат.).

*** Здесь! Пусть Вакх меня разлюбит! (лат.).

**** совсем не хуже других (франц.).

трактована углубленнее. Жаль, по-моему, что ты не написал об этом более законченного *essai*, и притом в обособленной форме. Я думал, что «Вехи» ты посвятишь размышлениям по поводу текущих и частных явлений искусства, мысли и жизни, — что именно нужно для «Весов»*. Кстати, что ты скажешь о моей идее — о желательности передовых статей на общие темы, анонимных, подписанных именем или знаком «Весов»? (*In necessariis unitas*)** . Это учреждение было бы органом самоопределения нашей секты; и публика стала бы, может быть, прислушиваться к общему голосу. Желавшие могли бы узнать о нас кое-что новое, кроме того, что мы — «декаденты». Знаю, что это предложение опасно: оно может внести рознь. Но покамест опасность не обострена. Во всяком случае, для каждой такой «передовой статьи» необходимо согласие всех лиц, близко стоящих к делу. Кто они — определите вы. В таком настроении писал я «Копье Афины». Вот почему дерзко поставил я в подзаголовке: «Поскольку *мы* — индивидуалисты». Эту статью я лично считал бы возможным сделать «передовой» в вышеуказанном смысле и при соблюдении вышеуказанного условия солидарности. В таком случае заглавие «Копье Афины» должно отпасть***. Если же (что вероятно) мое предложение покажется вам неприемлемым, — я сохраняю заглавие «Копье Афины» и перед подзаголовком желал бы поставить «I», так как думаю прислать ряд рассуждений на столь же общие темы, которые уместно объединить в одну группу у подножия воинствующей Паллады⁶. Быть может, успею выслать и продолжение, если ты отлагаешь статью до октября; во всяком случае, не думай о продолжении, потому что оно будет касаться иных вопросов. На днях Лидия Дмитриевна высылает «В раю отчаяния. Андре Жид: литературный портрет». Это большая статья для первого отдела. Нельзя ли напечатать в октябре? Присылай мне, пожалуйста, стихов. Твой «Голос» мне очень нравится и музыкальностью, и лиризмом⁷. Ты знаешь сам, что теперь каждая твоя строка — строка большого мастера. На зиму мне опять представляется искушение ехать в Париж, куда меня зовут. Если бы я решился, то уж оставил бы намерение воскрешать в своей памяти Рим, а занялся бы древнейшим периодом эллинской мысли — теургами и первыми философами⁸. Мысль нравится де Роберти⁹, но, вероятно, не парижской «черни». Влечет же меня, конечно, в Москву. *Ceterum censeo de Libra non esse desperandum*****.

Твой сердцем Вячеслав

Напишу о «*Sémiramis*», о томе стихов Т. de Visan (*Paysages Introspectifs*)¹⁰, может быть, о Моммзене...¹¹

Поздравляю с именинами «Скорпиона»¹². Напиши, когда твое рождение: мне кажется — в октябре.

¹ Из стихотворения Иванова «Эпод» (сб. «Прозрачность»).

² С. А. Поляков писал Брюсову из Женевы 6/19 сентября 1904 г.: «Вечером собираемся в кафе Ландольта, куда часто приходят Ивановы и другие женевские обитатели, бывал там постоянно и Волошин. Много рассуждали о ведении и распространении «Весов»; результатом одного из таких заседаний явилась статья Иванова о индивидуализме, которую вы, вероятно, уже получили; быть может, явятся и еще какие-то результаты со стороны Волошина и Михаила Николаевича, который начинает оживать и собирается работать для «Весов» (ГБЛ, ф. 386, 99.17); «русские Бруты» — русские политические эмигранты-эсеры.

* М. Н. Семенов убеждал меня написать обзор русской журналистики за год с нашей точки зрения: неисполнимо в Женеве (*примеч. Иванова*).

** «В необходимом — единство» (*лат.*).

*** Подзаголовок, напротив, именно желателен как заглавие; и эпиграф из тебя необходим (*примеч. Иванова*).

**** Кроме того, полагаю, что по поводу Книги (т. е. «Весов») не следует отчаиваться (*лат.*).

³ Владимир Николаевич *Ивановский* (1867—1931) — философ, проф. Казанского университета; был в дружеских отношениях с Ивановым, который посвятил ему два стихотворения в сб. «Прозрачность». Ивановский официально представлял Россию на философском конгрессе (см.: Вячеслав И в а н о в. Собр. соч., т. I, Брюссель, 1974, стр. 863—864).

⁴ Подразумевается статья случайного сотрудника «Весов» Н. Суворовского «Чайковский и музыка будущего» (1904, № 8).

⁵ В первой статье из цикла «Вехи» («Страсть». — «Весы», 1904, № 8) Брюсов выступил в защиту права художника на изображение и исследование «страсти»; отсюда вытекало оправдание «безнравственности» искусства, возмущавшей «добропорядочную» публику.

⁶ Мысль Иванова о желательности для «Весов» как органа единой литературной школы передовых редакционных статей не нашла поддержки у руководителей журнала; вскоре и сам Иванов от нее отказался (см. п. 30). Статья его, напечатанная за подписью автора («Весы», 1904, № 10), сохранила первоначальное заглавие («Копье Афины»), подзаголовок («Поскольку мы — индивидуалисты?») и эпиграф из стихотворения Брюсова «Тезей Ариадне»; цифра «I» проставлена не была, и продолжения задуманного цикла не последовало.

⁷ Стихотворение Брюсова «Голос прошлого» (впервые: «Беседа», 1905, № 12; затем — *St*).

⁸ Этот замысел не осуществился.

⁹ Евгений Валентинович *де Роберти* (1843—1915) — социолог и философ; один из организаторов Русской высшей школы общественных наук в Париже. Присутствовал на философском конгрессе в Женеве.

¹⁰ Танкред *де Визан* (Tancredè de Visan; 1878—1945) — французский поэт-символист. В статье «Опыт о символизме», послужившей предисловием к упомянутому сборнику (Р., 1904), высказал созвучные Иванову мысли о роли мифа в рождении «всенародного искусства». В своей рецензии Иванов остановился главным образом на этой статье («Весы», 1904, № 10).

¹¹ Статью «О Моммзене» (написана по поводу кн.: Ю. К у л а к о в с к и й. Памяти Моммзена. Киев. 1904) см.: «Весы», 1904, № 11.

¹² 10/23 сентября Солнце вступает в зодиакальный дом Весов, а через месяц — в дом Скорпиона; видимо, на это намекает Иванов. В конце 1904 г. истекла пятая годовщина деятельности «Скорпиона».

23. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

⟨Москва. 15/28 сентября⟩ 1904

Дорогой Вячеслав! Получил твою корреспонденцию из Женевы о конгрессе. Спасибо. Идет, конечно, уже в октябрь, ибо сентябрь почти готов. Ничего, что две твои статьи, ибо под двумя разными подписями ¹. — Из наших новостей самая важная, что соединение «Нового пути» с ново-идеалистами таки состоялось ². Можно считать «Новый путь» покойным. Тем больше причин продолжать «Весы», хотя я все еще не изыскал для того средств. Жду со дня на день Сергея Александровича, от которого получил и письмо и телеграмму. — Почему ты интересуешься моим днем рождения? Не скоро еще. 1 декабря.

Всегда твой В а л е р и й

Видел ли мою «Медею» в «Журнале для всех»?

Ответ на п. 22. Открытка. Почт. шт.: Москва. 15.9.04; швейцарский шт. отсутствует.

¹ См. п. 21, примеч. 3 и п. 22, примеч. 6.

² «Ново-идеалисты» — группа философов (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и др.), организаторов и участников сборника «Проблемы идеализма» (М., 1903). Союз «Нового пути» с этой группой, далекой от выдвигавшихся журналом задач религиозного строительства, расценивался в среде символистов как отказ редакции от своей программы (см.: Андрей Б е л ы й. «Идеалисты» и «Новый путь». — «Весы», 1904, № 11).

24. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

⟨Москва.⟩ Пятница.
17 сент⟨ября⟩ 1904. (30 сентября)

Дорогой Вячеслав. Сейчас получил твою рецензию о «Семирамиде». Хотя сентябрь уже почти готов и весь сверстан, решил вставить эту рецензию еще в 9 №, дабы и там было что-либо твое. Твое суждение о Пеладане я предвидел¹. — Завтра, в субботу, приезжает Сергей Александрович. — Я получил письмо от Д. С. Мережковского², несколько смущенное, где он рассказывает о своем соединении с идеалистами и уверяет, что «они» (т. е. Мережковские) сохранили за собой «бразды правления» в литературном отделе (увы!). Предлагает купить «Петра»³ для отдельного издания за 4 000 р. (скромно!). — Макс Волошин пишет мне о тебе (точно): «Он обогатил меня мыслями, горизонтами и безднами на несколько лет»⁴. Сестра моя, Надя, едет на зиму в Черногорию, в Цетинье, учительницей музыки в какой-то тамошний православный институт. Соблазнительное было предложение. Как отказаться? Едет через Афины.

Твой В а л е р и й. Пиши.

Открытка. Не была отправлена и сохранилась в архиве Брюсова. Описка в дате («30 окт.») исправлена.

¹ См. п. 24, примеч. 2.

² Это письмо (от 14/27 сентября 1904 г.): см. ГБЛ, ф. 386, 94.43.

³ Роман «Петр и Алексей» («Антихрист») в «Скорпионе» напечатан не был.

⁴ М. А. Волошин писал Брюсову: «Для меня Женева была наполнена, конечно, разговорами с Вячеславом Ивановым. Ведь я только теперь лично с ним познакомился. Он обогатил меня мыслями, горизонтами и безднами на несколько лет» (письмо без даты; ГБЛ, ф. 386.80.33).

25. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

⟨Москва.⟩ 20 сент⟨ября⟩ 3 окт⟨ября⟩ 1904

Дорогой Вячеслав!

Благодарю тебя, что не забыл меня в часы, когда тебе, вероятно, приходилось думать и хлопотать слишком о многом. Ты веришь, что я очень близко принимаю к сердцу все, что тебя касается. Не откажись передать Лидии Дмитриевне, что по ее рассказам и по беглым описаниям Сергея Александровича я успел сродниться с образом ее отца, и мне грустно, что уже не придется увидеть его, что Java — если мне тоже суждено попасть в нее — будет уже не такой, какой я ее знаю заочно.

Теперь не время, конечно, говорить о «делах». Но позволь мне все-таки несколько кратких эгоистичных слов, — только потому, что «время не терпит». Мы с Сергеем Александровичем успели уже выработать некоторый *modus vivendi** для «Весов» на 905 г. Я решил поручить одному лицу всю Германию (т. е. все касающееся Германии: отзывы о книгах, цитаты из журналов, заметки, хроники), другому Францию, третьему Англию, четвертому Италию, пятому Скандинавию¹. Этим способом, кажется мне, я сокращу свою работу на 1/4. Затем я решил найти для редакции лицо, которое могло бы делать всю неотвечественную работу: читать не-последние корректуры, переводить не столь важные отрывки и письма корреспондентов, ездить в типографию, вести корреспонденцию и т. д. (Таким лицом намечена сестра Иоанны Матвеевны — Бронислава Матвеевна.)² Это, вероятно, сократит мне работу еще на 1/4. Затем оставшуюся половину (ты признаешь: еще достаточно значительную) я соглашался нести еще год. Но теперь твое печальное письмо вернуло мне кое-что из моих весенних

* принцип существования (лат.).

надежд. Может быть, твой отказ войти более органически в состав редакции «Весов» обусловлен был не только подмеченным тобою (я этого никогда не замечал) нежеланием Сергея Александровича, а и чисто житейскими причинами, делавшими для тебя неудобной жизнь в Москве? Может быть, теперь трагически разрубленный узел изменил твоё положение?

Ответ на п. от 15/28 сентября 1904 г., в котором Иванов сообщал о смерти Д. В. Зиновьева: «... большое событие совершилось в нашей семье: вчера вечером скончался отец Лидии Дмитриевны».

Полный текст, отправленный Иванову, неизвестен. Публикуется незаконченный черновой автограф, сохранившийся в архиве Брюсова.

¹ О корреспонденциях из Германии, Италии, Франции, а также об их авторах см. наст. том, стр. 270—271. Постоянным английским корреспондентом «Весов» был Уильям Морфилл (см. о нем наст. том, стр. 271). Корреспонденции из Скандинавии в 1904—1905 гг. в «Весках» не появлялись.

² См. наст. том, стр. 318, прим. 67, а также п. 44.

26. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

«Châtelaine.» Villa Java.
28 сент. / 11 октября 1904

Дорогой Валерий,

Конечно, смерть Дмитрия Васильевича существенно изменяет наши планы: теперь переселение в Россию — вопрос решенный. До такой степени, что Михаил Николаевич¹ едва не опустошил нашей villa Java захватом почти всего скарба на свое парижское новоселье. Впрочем, мы вовремя опомнились и, наведя справки о стоимости перевоза, решили взять все почти здешнее достояние с собой. Тем не менее, семье спешить не следует, и, быть может, пройдет много времени, прежде чем l'exode * состоится². Михаил Николаевич и нравственно содействовал тому подъему, который обычно сопровождает мобилизацию: энергично усылил меня в Москву. Авангардом будем я и Лидия Дмитриевна. Я намереваюсь быть в Москве сравнительно скоро: в конце ноября или даже ранее. А когда ты рассчитываешь вернуться сюда? В Париж не поеду, не по душе мне там; если еще спросят, напишу, что еду в Россию и не на временную побывку, а совсем. Если буду в Москве, ты не скажешь, что я не откликнулся вполне на твой призыв, поставив вопрос на формальную почву. Кажется мне, что время у вас горячее. Вырабатываются и принимают плоть некоторые течения мысли, к которым нужно стать в определенное отношение. Разумею молодежь московскую, с Андреем Белым. И нам нужно решительно самоопределиться как движению, потому что новая эра началась. Так или иначе, «Весы» — не просто журнал для чтения, а орган какого-то коллективного самоутверждения, какого-то жизненного процесса в русском — европейском, если хочешь, — самосознании. Мы в «Весках» ведь не только коммивояжеры западных frissons pousseaux **, мы хотим творить. Есть и коллективный момент в духовном творчестве. Вот отчего «Весы» мне дороги. И если «Новый путь» умер, — они должны жить. Думаю, что и мне найдется часть в общей работе. Все дело в солидарности взглядов и в доверии. Радуюсь успехам романа³. Верю в яркость твоей поэтической палитры — и сочувствую преуспеянию палитры живописца. «Орфей» и «Медею» видел⁴.

В я ч.

Завтра высылаем эту об André Gide.

* исход, переселение (франц.).

** новомодных порываний (франц.).

ЛАТИНСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ К РОМАНУ «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»: «Не кому-либо из знаменитых людей, прославленных в искусствах или науках, но тебе, женщина светлая, безумная, несчастная, которая возлюбила много и от любви погибла, правдивое это повествование, как покорный служитель и верный любовник, в знак вечной памяти посвящает автор»

Одна из редакций, предложенных Брюсову Ивановым
Библиотека СССР им. В. И. Ленина
Москва

*Non illustrium cuiquam vitotum
artium laude doctrinaeve fama clatorem
at. tibi
domina lucida demens infelix
quae multum amaveros
amandque petites
narrationem haud mendacem
servus devotus amator fidelis
sempiternae memoriae causa
dedicari
scriptor.*

*[Dedication to the author of the novel
"The Fire Angel"]*

*[Served to you
in the library
of the USSR Library
dedicari]*

Ответ на п. 23 и 25.

¹ Михаил Николаевич — М. Н. Семенов.

² Ивановы выехали в Москву только весной 1905 г.

³ По-видимому, Брюсов писал Иванову о ходе предварительной работы над романом «Огненный ангел».

⁴ «Медея» — см. п. 10, примеч. 1. Стихотворение Брюсова «Орфей и Эвридика» см.: *НП*, 1904, № 8; *St.*

27. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Châtelaine.> 1 ноября/19 окт<ября 19>04

Дорогой Валерий, скучно мне без твоих строк, рифмованных дружбой или музой. О многом хотелось бы поговорить, но время течет, унося несказанные слова. Сентябрь превосходен (разумею № «Весов»). Балтрушайтис писал мне из Флоренции о своем маразме; я старался расшевелить его лирикой в прозе и стихах ¹. Мережковскому я ответил на его статью о нас стихотворением *ad hoc* *, не знаю, поместит ли его в следующей книжке ². Чулков извещает меня о происшедшем там печатным объявлением о «расширенном составе сотрудников» ³. Tu y es, donc, figurons-y! ** Кто Max Hochschüler? Очевидно, впрочем, что Maximilian Schick, studiosus ***. Это — очень хорошая статья ⁴. Мне он приписывает больше, чем я говорил: так что полемизирует против того, с чем я согласен. Конечно, Вагнер не чистый дионисик. Но что его «сонм был посвящен служению Муз и Диониса» — вполне точно: его *заслуга*, что он в теоретических статьях первый из художников заговорил о Дионисе. Мне весело, что Шик применил к Вагнеру метод моей статьи о Ницше; значит, он плодотворен.

* на случай (*лат.*).

** Ты — там; стало быть, появимся там и мы! (*франц.*).

*** Максимилиан Шик, студент (*лат.*).

Важно замечание о лейтмотиве как символе. Мой приятель, Острога, профессор здешней консерватории и композитор, хочет нам писать еще о лейтмотивах Вагнера⁵: нужно различать среди них символы и не-символы; кроме того, многое, принимаемое за лейтмотивы, обуславливается просто тематическим развитием...

Напиши мне о моих прилагаемых стихах (все они назначаются вместе с прежними для «Северных цветов»). Особенно, что думаешь о фрагментах «Из лабиринта»?⁶ Все поджидаю письма от тебя. Получил ли Афины с эпиграфической стелой?⁷ Если она запоздала к октябрю, то может, пожалуй, украсить моего Моммзена, который, боюсь, потребует большого пробела на 3-ей странице. Я его воспроизвел, с трудом припоминая, имея только жалкие наброски. Твой В я ч.

Мы будем в Москве еще не скоро — не раньше, чем через месяц.

¹ Эти письма Балтрушайтиса и Иванова нам не известны.

² В статье «За или против?» Мережковский упрекал главных сотрудников «Весов» — Иванова, Брюсова и А. Белого — в промедлении с ответом на вопрос «с Христом они или против Христа?» (НП, 1904, № 9). Иванов ответил ему стихотворением «Лицо — или маска?»; в качестве заголовка использована фраза из статьи Мережковского (НП, 1904, № 10; в «Сог Ardens» стихотворение озаглавлено «Лицо»).

³ По-видимому, Г. И. Чулков (с апреля 1904 г. был секретарем «Нового пути») послал Иванову объявление о новом составе сотрудников журнала, напечатанное после «союза» его редакции с «ново-идеалистами» (см. п. 23 и 24).

⁴ За подписью «Max Hochschüler» в «Весях» было напечатано «Письмо из Байрейта. «Кольцо Нибелунгов» и «Парсифаль» (1904, № 9). 23 ноября 1904 г. М. Н. Семенов сообщил Брюсову из Парижа, что к нему заходил человек, «отрекомендовавший Максом Гохшюлером». «Я был бесконечно удивлен, — добавлял он, — так как был совершенно уверен, что это псевдоним Шика (он Макс и Hochschüler). У этого Гохшюлера есть намерение извести «Весы» статьями о музыке; он говорит, что приехал в Париж с вашего разрешения, в качестве музыкального корреспондента «Весов» (ГБЛ, ф. 386.102.31; Hochschüler — студент университета). В названной статье автор составлял творчество Р. Вагнера и Ницше, опираясь на основные положения статьи Иванова «Ницше и Дионис».

⁵ Феликс Острога (1867—1936) — сын деятеля польского восстания 1863 г. Валериана Мрочковского-Остроги, профессор Женевской консерватории; учил музыке детей Ивановых (эти сведения сообщены Ольгой Дешарт). Одно письмо Остроги к Иванову и несколько писем его жены к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал сохранились в архиве Иванова (ГБЛ, ф. 109). О судьбе статьи Остроги см. п. 30, 32.

⁶ 24 ноября/7 декабря 1904 г., посылая Брюсову последнее стихотворение цикла «Из лабиринта», предназначавшегося для СЦ—1905, Иванов писал: «Ты говоришь, по поводу «Лабиринта», о возможности большей концентрации. Эта отрывочность мне нужна, соответствует общему замыслу. Написано у меня и дальнейшее; но думаю, что в «Северных цветах» моя антология и без того нескромно длинна». И далее: «Под заголовком «Из лабиринта» можно поставить подзаглавие «Детство». Цикл был опубликован в «Вопросах жизни» (1905, № 2) и впоследствии составил особый раздел в сб. «Сог Ardens». В обеих публикациях подзаголовок отсутствует, и цикл состоит из шести стихотворений (в цитируемом письме Иванов говорит о семи).

⁷ 11/24 октября 1904 г. Иванов писал Брюсову: «Посылаю тебе Афины с копьем, на память, — я люблю ее (музей на Акрополе, № 695, барельеф), — только что полученную из Афин. Хотел доставить ее раньше, для воспроизведения в виде виньетки при моей статье; теперь, наверно, это уже невозможно». Снимок не был воспроизведен в «Весях» ни при статье Иванова «Копье Афины» (1904, № 10), ни при его заметке «О Моммзене» (1904, № 11).

28. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

⟨Москва. 30 октября /12 ноября⟩ 1904

Post Scriptum.

А о симфонии в Л ты конечно прав (помнишь свою «открытку»). Ее эпиграф был только для тебя, не для читателей. Этот эпиграф был вместо письма, намек. Что скажешь о второй симфонии?¹ Есть и третья, но она значительно слабее, и я не посылаю ее. Пишу свою драму². «Северные цветы» частью уже сданы в типографию. Нам необходимо теперь знать

окончательно, может ли «Ниоба» быть у нас в течение ноября, не позже. И если нет, то лучше помириться на цикле лирических твоих стихотворений³, тем более, что отдел стихов этот год у нас слаб: Белый на твое письмо не отозвался никаким шагом⁴. Прости торопливость речи.

Твой В а л е р и й

Ответ на письмо Иванова от 20 октября/2 ноября 1904 г.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 30.10.04; Genève. 15.11.04. Письмо, к которому открытка является припиской, неизвестно.

¹ Брюсов послал Иванову два стихотворения («симфонии»), позже напечатанные под общим заглавием «Жрице Луны» («Беседа», 1904, № 4; *St*). Первое из них («По твоей улыбке сонной...») построено на аллитерациях «л», «з» и «ж»; второе («Владыка слов небесных, Тот...») — на аллитерациях «т» и «п». По поводу первого стихотворения Иванов писал Брюсову 20 октября/2 ноября 1904 г.: «Твоя симфония в *L-ta jeug* (луна), *Z* (заклятие — змея) и *J* (жажда — кипение) нежно символизует божественное безличие страсти. Но зачеркни неподходящий эпиграф; он только сбивает с толку». Этот эпиграф в трех автографах стихотворения, сохранившихся в архиве Брюсова, отсутствует (ГБЛ, ф. 386, б. 1, л. 50—52). Отзыв Иванова о втором стихотворении см. в п. 29.

² Драма «Земля» (*СЦ—1905*).

³ В *СЦ—1905* помещен цикл стихотворений Иванова «Змеи и Солнца», а также его трагедия «Тантал» (см. п. 29); о трагедии «Ниобея» см. п. 6, примеч. 5.

⁴ Брюсов стремился вернуть в «Северные цветы» Андрея Белого, отказавшегося участвовать в «Скорпионе» (см. наст. том, стр. 371). Вероятно, по его просьбе Иванов писал Белому 2 июня 1904 г. «Я прошу вас прислать свой литературный вклад в «Северные цветы». Этим действием вы положите конец настоящему ненормальному положению дела, вносящему внешний раскол в дорожную область, где должно быть любовное единство, и обманчивую видимость разделения там, где самое согласие — уже действительная сила. Имейте же мужество и великодушные способствовать рассеянию соблазна и опасности устранением с *вашей* стороны того фактора личного самолюбия, который является единственным фактором, обуславливающим разделение. Ибо, за устрашением самолюбивого упрямства, препятствующего каждому из заинтересованных взять на себя *почин* в забвении давно устаревшей путаницы отношений, — я знаю с достоверностью, что «Весы» ничего не желают больше, как объединения своих сотрудников в изданиях, которое должно предстать ту же душу в ее поэтическом аспекте. Правда, и помимо чисто личного самолюбия, «Весам» трудно перейти к действию, могущему быть истолкованным как издательский расчет. Вы один, по моему убеждению, можете «*gompre la glace*» * игнорированием всего старого и личного, на что вам ответят, *наверное и без всякого сомнения*, таким же забвением устарелых и спутанных счетов <.. > Рассеките же, дорогой Борис Николаевич, этот Гордиев узел присылкой ваших произведений и пойте правоту и искренность любящего вас Вяч. Иванова» (ГБЛ, ф. 25, 16.2). Однако Белый участия в *СЦ—1905* не принял, хотя и отозвался на их появление приветственной рецензией («Весы», 1905, № 6).

29. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Châtelaine.> Суббота, 26/13. <XI. 19>04

Дорогой Валерий,

Если права старая эстетика, различая «прекрасное» от «возвышенного», то и в области «возвышенного» нужно, как кажется, выделить самостоятельную область «поразительного»: того «поразительного», которого я так не люблю, например у В. Гюго, — которое *должен* любить у тебя (пример: «Конь Блед»). И твое «Видение Крыльев» сюда же относится, плюс твоя магия и демонизм, — где ты владычествуешь. Это стихотворение привело меня в восторг¹. Его любить я не *должен*, а просто люблю; столь близкое переживал я сам в своей долгой — как хочешь — жизни. Замечательно, что едва ли не каждое новое твое стихотворение — новое открытие в царстве поэтических форм. «Гота», — с его языком почти «Анчара», но только магическим, — ценю высоко и люблю не меньше «симфонии в л». Ждал продолжения, — точнее, продолжений: намечалась целая поэма... —

* разбить лед (*франц.*).

«Тантала» я отослал². — Блока неожиданно полюбил. Недаром его книга пришла, хоть и поздно, но, по странной случайности, в двух экземплярах, последовательно. Даже стыдно мне стало, что прежде чем я увидел его вещи во всей их совокупности, я сомневался и в его самобытности, и в его непосредственности; мне они казались деланными и навеянными³.

В «Тантале», как видишь, я начинаю стих с маленькой буквы. Казалось мне, что это облегчает фразировку. Но за эту поэтическую орфографию не стою: в «Северных цветах» нужно соблюсти единство. Притом я представляю себе трагедию напечатанною крупным (более удобным для чтения стихов в массе) шрифтом, а не шрифтом «Прозрачности» и «Urbi et Orbi»⁴. Стих, как ритмическая строка, только выигрывает от майюскулы*. — Корректуры и «Тантала» и лирических вещей мне необходимы; о них же просит и Лидия Дмитриевна для своих стихотворений в прозе⁵. — О времени выезда в Россию предупреджу заблаговременно.

Отчего ты не упомянул в объявлении о «Северных цветах» поэмы Ремизова («Иуда»? Он мне читал ее; вещь эта мне показалась замечательной. Жаль, если отвергнута⁶. — Кстати, не знаешь ли ты его *адреса*?

Твоя статья о Случевском, несомненно, лучшее, что о нем написано⁷.

В моей статейке о Моммзене зачеркни, пожалуйста, неуместный эпиграф: он объясняется шутивным настроением минуты⁸.

Опять о «Тантале». Ты увидишь, что изменений, которые я тебе обещал, я все же не сделал. Оказалось, после пережитого тогда кризиса, что его первоначальный архитектурный план — художественная необходимость. Да и сомневаюсь, в конце концов, в абсолютной несценичности долгого вступительного диалога между Танталом и Хором. Этот пролог (трагедия в трагедии, первая, внутренняя трагедия) — все-таки диалог и требует богатой игры и героя, и хора. Удосужись ли прочесть трагедию в рукописи? Если да, напиши первое впечатление; жду его, конечно, с нетерпением. Но знаю, что тебе не до чтения рукописей.

Очень рад твоему объяснению по поводу «Кинжала»⁹. Стихотворение по-пушкински красиво... но в октябрьской книжке «Нового пути» — *cela déconcertait...* **

Боюсь, что забыл многое, о чем нужно написать. Закончил ли «Землю»? Что — роман¹⁰? Пиши, пожалуйста.

Твой Вячеслав

Конечно, «Афина» — не твоя¹¹. Ужели же думаешь, что я не понял образа? Японцы очень интересны¹².

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

В автографе ошибка в дате («26/13.X.04»): в 1904 г. суббота приходилась на 26/13 число в ноябре, а не в октябре.

¹ Стихотворение «Видение Крыльев» (*St*) написано 4—5 ноября 1904 г.

² 2/15 ноября 1904 г. Иванов отвечал Брюсову на его письмо от 30 октября: «Огорчу ли тебя — не знаю, но ... трагедия сегодня закончена, и трагедия эта — «Тантал»! Опять обманываю вас. Но лично рад, что это «Тантал»; написать «Ниобею» раньше было невозможно».

³ Сборник Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (М., «Гриф», 1905) вышел в октябре 1904 г. 2/15 ноября Иванов писал Брюсову, по-видимому, в ответ на его просьбу: «Редензию на Блока, думаю, напишу».

⁴ Оба эти пожелания были выполнены, так же как и просьба, изложенная в письме от 5/18 ноября 1904 г.: «Нет ли возможности добыть шрифта гласных с ударениями, как *í*, *ý* и особенно *í* — для «Тантала»? Вся моя метрика пойдет прахом, если читатель упорно будет произносить «Иксио́н» и «Амфио́н», как «Танта́л».

⁵ В *СЦ—1905* напечатано 18 стихотворений в прозе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, под общим заглавием «Тени сна».

* большой буквы (*лат.*).

** это озадачивало (*франц.*).

«ВЕСЫ». 1904. № 10

Обложка (по японским акварелям)

⁶ Поэма А. М. Ремизова «Иуда» опубликована в альманахе «Воздетые руки» (М., «Орифламма», 1908).

⁷ Статью Брюсова «Поэт противоречий (К. К. Случевский)» см.: «Весы», 1904, № 10.

⁸ Об этой статье см. п. 22, примеч. 11. В печати она появилась без эпиграфа; автограф неизвестен.

⁹ Письмо Брюсова с «объяснением» по поводу «Кинжала» остается неизвестным. Его содержание совпадало, вероятно, в основном с другим откликом Брюсова на публикацию этого стихотворения: в письме к Перцову от 10 ноября 1904 г. Брюсов указывал, что «Кинжал» «написан *несколько лет назад*» и что он «никому не давал прямого разрешения печатать его в «Новом пути»<...> Обидно, если читатели отнесут его к теперешней «осенней весне». Но дело сделано» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 24, л. 6). Под «осенней весной» подразумевается период, когда правительство сделало ряд уступок либеральной общественности с целью предотвращения угрозы революции.

¹⁰ См. п. 26, примеч. 3.

¹¹ Вероятно, Брюсов нашел изображение Афины (см. п. 27, примеч. 7) несочетаемым с образом этой богини из своего стихотворения «Тезей Ариадне» («Беседа», 1905, № 4; *St*).

¹² В № 10 и 11 «Весов» за 1904 г. воспроизведены работы японских художников (обложка, заставки, рисунки).

30. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

(Châtelaine.) Вторник, 29/16.XI <19>04

Дорогой Валерий,

Прошу тебя *очень* исправить в моей рецензии о книге Блока, после цитаты из А. Блока, все следующее до слов: «И трагика жизни...», заменив означенное место таким текстом:

— и меланхолик с «детским сердцем», Александр Блок. Что за дело, что в мастере стольких безупречных стихотворений подчас обличается художник все еще не довольно «взыскательный»? На счет этой невзыскательности можно поставить порой аморфность языка и образа, изредка

ритма, как и бутафорские условности медиевализма¹ и романтизма. Высшее требование, предъявляемое поэзии Верленом: «de la musique avant toute chose»*, — исполнено. Везде мелодия и живая ритмика. И трагика жизни... и т. д.

Я придаю значение этой поправке и очень прошу тебя не пренебрегать ею².

Острога, о котором я тебе писал и которого знает Сергей Александрович, принес мне первую часть своих замечаний — *substantielles et approfondies* ** — по поводу «Писем из Байрейта» *Hochschüler'a* (страницы 3 1/2 мелкого шрифта «Весов») и пишет вторую часть. Он оспаривает в первой части возможность установить эволюцию от Диониса к Аполлону в Вагнере, доказывая, что и в «Кольце» он уже недиионисичен. Во 2-ой части — музыкальная трактовка лейтмотивов. Кажется, что эта полемика имеет значение для осмысления роли Вагнера. Пишет Острога по-французски. Я думаю, что это — не препятствие для помещения его работы. Но если хочешь — я переведу здесь. Напиши об этом сейчас. Статья по поводу тезисов *Hochschüler*, очевидно, не должна отстать по времени от самих тезисов. Но 1-ю часть не хотелось посылать отдельно, тем более, что к ноябрьской книжке уже нельзя было поспеть³.

Сегодня читал фельетон Боцяновского в «Руси», № 333⁴. Твой «Кинжал» — *t'engage* ***. *Ceterum senso* **** (как развивал и Сергею Александровичу), что нужно «Весам» с нового года завести отдел *Actualité* ***** — непринужденного обсуждения всего, что дает текущая действительность, писем (?) и общественных движений, поскольку они неотделимы от сферы наших исканий. Этот отдел нужно разделить, чтобы всякий был ответствен за себя. «Передовые» же статьи мне кажутся теперь неосуществимыми; да и излишними, если будет означенный отдел⁵.

Твой Вячеслав

Вчера прочел «*Poésies religieuses*» Верлена, собранные Гюисмансом, и хотел написать несколько слов об этом новом томике, — хотя это мне и трудно, постараюсь⁶. Кстати, если есть у тебя собственная рецензия о Блоке, — не вздумай предпочесть мою. Брось ее, или, наконец, помести рядом с твоей⁷.

¹ Медиевализм — увлечение средневековьем (от франц. *médiéval* — средневековой).

² Эти исправления в рецензию Иванова Брюсов внес лишь частично (см. п. 31).

³ Poleмику Ф. Остроги с Гохшюлером по поводу музыки Р. Вагнера (см. п. 27, примеч. 4 и 5) Иванов считал принципиально важной для «Весов»: «Статья Остроги имеет лишь форму негатива; для вопроса о Вагнере она, по моему мнению, интересна, вопрос же о Вагнере должен был бы разрабатываться в «Весах» постоянно, ибо он все еще вопрос открытый и имеет центральное значение во всем искусстве, не только в музыке. Острога положил на нее много труда», — писал он Брюсову 28 декабря 1904 г. (10 января 1905 г.). О дальнейшей судьбе статьи Остроги см. п. 32, примеч. 2.

⁴ В статье В. Ф. Боцяновского «Критические наброски» отрицательно оценивается деятельность «Весов», а также поэзия Блока, Иванова и Сологуба, которым противопоставлен Брюсов — «первый из новых поэтов, принесший свой кинжал поэзии на службу общему делу, новый поэт-гражданин» («Русь», 1904, № 333, 13 ноября).

⁵ Проект Иванова, который он обсуждал с С. А. Поляковым летом 1904 г. в Женеве, не был осуществлен.

⁶ Рецензию Иванова на книгу: *Paul Verlaine. Poésies religieuses. Préface de K. J. Huysmans* (Р., 1904) — см.: «Весь», 1904, № 12.

⁷ Отдельной рецензии на «Стихи о Прекрасной Даме» Блока Брюсов не написал.

* «музыки прежде всего» (франц. — из стих. Верлена «Искусство поэзии»).

** существенных и глубоких (франц.).

*** тебя обязывает (франц.).

**** Кроме того, полагаю (лат.).

***** Злобы дня (франц.).

31. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

〈Москва. 28〉 ноябрь </11 декабря〉 1904.

Дорогой Вячеслав!

Мои стихи, вероятно, объясняют тебе, почему я не пишу писем¹. Не плати мне тем же. Пиши. И приезжай. Ты здесь очень нужен. В № 11 идет твоего: Моммзен, Блок, Iv. Strannik². В рецензии о Блоке я сделал указанные тобою поправки... но не все. Не сердись на это! Мне было бы очень легко формально избежать твоих упреков, строго исполнив твое желание, просто заменив прежний текст новым. Но на некоторые выражения прежней редакции у меня прямо-таки «не поднялась рука». Ведь вспомни, что ты сам искажил свой стих: «Тот бессмертен, кто погиб»³. Итак, я решил несколько слов оставить по-старому. Сделал это, как говорится, «по крайнему разумению». — Пришли что-нибудь для декабря. У меня твоего только заметка о Верлене (ее, конечно, помещу, хотя книга довольно старая, вышла еще в январе)⁴. — Книги по указаниям Лидии Дмитриевны разосланы⁵. — Ах, приезжай.

Твой В а л е р и й

Ответ на п. 30. На конверте почт. шт.: Москва. 28.11.04; Genève. 14.XII.04.

¹ 21 ноября/4 декабря 1904 г. Брюсов послал Иванову, с надписью «Вместо письма», стихотворение «Опять душа моя расколота...» (написано 17 ноября; под названием «Молния» вошло в *St*). Посылая его же Л. Н. Вилькиной (ноябрь 1904 г.), Брюсов писал: «(...) вы найдите здесь стихи, на которые смотрите не как на стихи (ибо, разумеется, у меня есть лучшие), но как на фотографию моей сегодняшней души» (*Собр. соч.*, т. 1, стр. 627).

² Ivan Strannik — Анна Митрофановна *Аничкова*, романистка и критик; писала на русском и французском языках. Рецензию Иванова на ее роман «L'Ombre de la Maison» (Р., 1904) см.: «Весь», 1904, № 11. Там же напечатаны его статья «О Моммзене» (см. п. 22, примеч. 11) и рецензия на книгу Блока (см. п. 29, примеч. 3 и п. 30, примеч. 2).

³ Строка из дифирамба «Гелиады» в сб. «Прозрачность» напечатана в другой редакции («Тот бессмертен, кто поник» — стр. 129). Позже Иванов восстановил редакцию, которую цитирует Брюсов (см.: Вячеслав И в а н о в. Собр. соч., т. I. Брюссель, 1971, стр. 798).

⁴ См. п. 30, примеч. 6.

⁵ 5/18 ноября 1904 г. Иванов сообщил Брюсову просьбу Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «поручить разослать «Кольца» по прилагаемым адресам». Список этих адресов не известен.

32. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

〈Châtelaine.〉 2</15〉 дека<бря 19>04

Дорогой Валерий! Что я постигаю, — поскольку твои стихотворения, эти укусы змеи, эти жгучие гимны, заменяют твои *письма*, — ты поймешь с своей стороны из моих стихов («Mi fur le serpi amiche»)¹, которые ты, я надеюсь, получил в день твоего рождения.

Я хотел написать маленькое послесловие к посланной тебе статье Остроги *, тщательно составленной и могущей, на мой взгляд, способствовать своими полемиками и фактическими поправками уяснению важных вопросов, поднятых Schick'ом. Но у меня вышло и по содержанию, и по форме, нечто для крупного шрифта. И краткость статьи мне кажется ее преимуществом, с точки зрения формы. (Конечно, при условии отсутствия опечаток!). Вот тебе желаемое тобою для декабря: ибо, думаю, что моя и Остроги статьи не должны очень отстать по времени от «Писем из Бай-

* О лейтмотивах, подробнее и техничнее, он думает писать еще, если эта статья найдет одобрение (*примеч. Иванова*).

рейта»². Вместе, как видишь, je plaide ma cause * в качестве автора хороших трагедий, которые достигают, в моей мысли, полного действия только окруженные музыкально симфонией.

Vale, Valeri! ** В.

Получил ли «Лабиринт VII»?³

Ответ на п. 31.

¹ «Мне были змеи — дружны». «Ужусы змеи» — образ из этого стихотворения, посвященного Брюсову («Coeur Ardens», ч. 1).

² Статья Ф. Остроги (см. о ней п. 27, примеч. 4 и 5; п. 30, примеч. 3) в «Весах» не появилась. Послесловие Иванова к ней было напечатано в виде отдельной статьи («Вагнер и Дионисово действо» — «Весы», 1905, № 2). В печатном тексте Иванов снял посвящение, связывавшее статью с «Письмом» Гохшюлера, — 5/18 января 1905 г. он просил Брюсова: «<...> зачеркни в заголовке моей статьи пометку: «Автору «Письма из Байрейта» — как совершенно излишнюю. Статья в той же мере обращена, например, к Андрею Белому, со-ривнителю мистерии».

³ См. п. 27, примеч. 6.

33. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

(Châtelaine.) Ява, 3</16> января 1905

Дорогой Валерий,

Получили ли вы вовремя наши (незаказные и подвергшиеся опасности затеряться в новогодней почтовой суете) письма?¹ Так и не пришлось встречать с вами новый год. Но так как мыслью я был с тобой и с твоей семьей, то представляю тебе отчет о яванской встрече года. В наше уединение допущен был любимый нами Вл. Эрн. По-шведски его фамилия (Oehrn) значит, как он говорит: «орел», отношению honnig omen *** к русским победам в этом году². Слышал ли ты о милом Эрне, например, от Белого и Флоренского³? Мы вздумали написать ex tempore **** стихи <...> *****

А я, главным образом, занимался в это время следующим посланием к тебе:

В час новогодних суеверий
Тебя я помню, мой Валерий,
Хотя строптивою судьбой
Мы все разлучены с тобой.
Когда б справлял я с вами елку,
Мы ныне б, верно, без умолку
Читали взапуски стихи
(Так архаической трухи
Мои полны, твои — так ярки
И жизненны!)... Потом подарки
Срывали б... И в полночный час
Вновь рифмы подмывали б нас.
Мы дочитались бы до хрипа!
Тогда, быть может, твой Агриппа⁴
Вещал бы нам, что в новый год
Сужден России дар свобод...
Иль, вспомнив воскового Блока,
Мы б заклинали волю рока,
Плеская восковой расплав,—
И в миске флот российских слав

* я защищаю свое дело (франц.).

** Прощай, Валерий! (лат.).

*** добрый знак (лат.).

**** экспромтом (лат.).

***** Далее в письме приводятся экспромты Эрна и Зиновьевой-Аннибал.

Пред нами плавал бы, победный...
 Быть может, Миропольский бледный
 Прислал бы духа в гости к нам...²
 А здесь потусторонним снам
 Я предаюсь в объятьях шведа;
 Не знаю, будет ли победа;
 И делит юный Сведенборг⁶
 Мой поэтический восторг...

Хотали от души «Весенним цветочкам»⁷. Рад, что моя статья отложена и будет, вероятно, напечатана в отделе крупного шрифта. Привет твоим.

Твой Вячеслав

Отсылаю вторую песнь «Острова» (Байрона), очень увлекся этой работой⁸.

¹ Т. е. письмо от 28 декабря 1904/10 января 1905 г. с новогодними поздравлениями Брюсову, его жене и С. А. Полякову и, вероятно, стихотворение «Северные музы», посвященное Полякову (на автографе дата: «31 декабря 1904 г.»; в «Cor ardens» озаглавлено: «Зарева»).

² Владимир Францевич Эрн (1882—1917; фамилия шведского происхождения — в современном написании «орел» по-шведски «Örn») — студент, затем доцент и профессор философии Московского университета. В юности был связан с московскими символистами (Белый, Эллис). Дружба его с Ивановым окрепла в начале 1910-х годов в Риме, куда Эрн был командирован для подготовки диссертации. Последние годы жизни Эрн жил в московской квартире Ивановых, где и умер. Ему Иванов посвятил несколько стихотворений. Ср.: М. С. А л ь т м а н. Указ. соч., стр. 309; по устному свидетельству М. С. Альтмана, Иванов шутил: «У меня два Владимира на шее: Соловьев и Эрн».

³ Павел Александрович Флоренский (1882—1943) — богослов, философ, искусствовед, математик. Ближайший друг Эрна с гимназических лет. Между Ивановым и Флоренским была глубокая приязнь; в их творчестве налицо ряд общих тем, разрешаемых часто сходным образом.

⁴ См. п. 19, примеч. 16.

⁵ Об А. Л. Миропольском см. наст. том, стр. 373.

⁶ Эммануил Сведенборг (1688—1772) — шведский естествоиспытатель и теософ. Эрн назван Сведенборгом по роднящей их напряженности мистических переживаний.

⁷ Карикатура немецкого художника Т. Т. Гейне, помещенная в «Весях» (1904, № 12).

⁸ Для издания сочинений Байрона под ред. С. А. Венгерова (СПб., 1904—1905) Иванов перевел поэму «Остров»; перевод предваряла его же статья: «Настроения поэмы «Остров» (т. III). Об участии Брюсова в этом издании см. п. 44, примеч. 3.

34. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Châtelaine.> 14</27> янв<аря 1905 г.>

Дорогой Валерий,

Твое молчание меня удручает. Не писал ли я, что об отъезде моем в Россию ты будешь мною извещен? И не просил ли тебя писать до извещения?

В настоящую минуту я легко болен и даже пишу в постели. Очень страдаю от невозможности общения с тобой, особенно личного. Надеюсь на скорое свидание, но — напишу отсюда раньше.

Дорогой Валерий, прости следующее изъяснение, излишнее по внутрешней логике дела, но все же необходимое. По нынешним временам, всякое политическое заявление в «Весях» приобретает особенное значение. Если бы было напечатано такое заявление от имени редакции, ясно, что оно ставит каждого из сотрудников, особенно «ближайших», в деликатное положение; всякая несолидарность должна вызвать открытый раскол. Но и статьи, подписанные автором, могут, в силу авторитета подписи (скажем, к примеру: автор — ты), поставить других сотрудников в необходимость поднять вопрос о своей политической солидарности с данной

статьей. Желательно поэтому в чрезвычайной степени, чтобы, в случае наличности политических заявлений и в отдельных статьях, редакция радикально высказалась бы, что, так как «Весь» принципиально не занимается политическими и общественными вопросами, то авторам предоставляется говорить о том и мыслить, как каждому по душе, что их мнение — лично и не предполагает общей солидарности, что политического мнения органа *нет*, но есть отдельные взгляды отдельных сотрудников, связанных общностью идей и стремлений не политических, а иного порядка. Такое заявление было бы, мне кажется, и всем симпатично, и правдиво, и предострадало бы всякое разделение. Вовсе не хорошо, что в «декадентстве» видят и своего рода общественную секту. Политическое мнение таково лишь в связи с текущим моментом. То, что вчера было ложью, сегодня может быть истиной. Это знает всякий государственный человек. Знаю, что этот тезис выгоден подлецам. Но и слово: «оставь отца своего и мать свою»¹ — может быть выгодно подлецам. Все же тезис верен и для людей честных и твердо убежденных. — Я же лично думаю о переживаемом, что лозунг: «Теперь не время буйным спорам — вы, ликторы, закройте форум; молчи, неистовый трибун!»² — *теперь* неверен. А еще *недавно* война была — *императив* гражданского *воздержания*. Ныне же, *несмотря на войну*, форум должен быть открыт. А если в этом мы *теперь* не согласны, пусть это будет *личным* несогласием.

Твой сердечно В я ч.

На полях помета Брюсова: Châtelaine, 27/I—05 г.; Москва, 18/I—05.

¹ Бытие, II, 24; Матфея, XIX, 5; Марка, X, 7.

² Из стихотворения «К согражданам» («Слово», 1904, № 22, 22 января; *St*). Оно призывало к гражданскому миру и отказу от социальной борьбы в годину военной опасности (см.: *Собр. соч.*, т. 1. стр. 631). Видимо, Иванов (написавший письмо уже после событий 9 января) обеспокоился возможностью подобных политических выступления и в «Весах» — органе, представлявшем группу писателей. Однако в «Весах» не появлялось никаких специальных политических заявлений, подобных тем, которые предложил Иванов.

35. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Châtelaine.> 3/16 фев<аля 19>05

Дорогой Валерий,

Я надеюсь, что прилагаемая статья может мирно сосуществовать в февральском отделе мелкого шрифта с моею статьей первого отдела о Вагнере?¹ (В последней не забудь, пожалуйста, исправить «сходы» (*πάροδοι*), вместо «всходы», как я тебе уже писал.)

Благодарю за стихи («Адам и Ева»)². В них есть душный язык страсти, но в целом — прости обязательную откровенность художнической дружбы — они мне не понравились. В них нет чего-то, что сделало бы их грандиозными. И есть несовершенства.

Твой Вячеслав

4 фев<аля>

Дорогой Валерий,

Спасибо за новые стихи и письмо. Ты говоришь мне нечто своим нежным и немного туманным, пленительным стихотворением «Ахилл и Поликсена», — но что говоришь — мне неясно...³ Я душой с тобою и скоро-скоро надеюсь увидеть моего одинокого Овидия. Стихотворение «На новый год» превосходно⁴. Оно гремит, как пушкинская пушка. А либералы прощают тебе, как кажется, даже твоих ликторов. Я тому рад, и ты будь рад. Но, по-моему, форум все же открыть немедленно!

Твой В.

Ответ на два неизвестных письма Брюсова.

¹ Иванов посылает рецензию на рассказ Л. Андреева «Красный смех» («Весь», 1905, № 3). 1/14 февраля он писал Брюсову: «Завтра думаю написать несколько мыслей по поводу только прочитанного «Красного смеха» Андреева: не критическую заметку, а раздумье о «красном смехе» как стихии и о «правом безумии» — маленькую статью для мелкого шрифта». О статье «Вагнер и Дионисово действо» см. п. 32, примеч. 2.

² Это стихотворение опубликовано в *СЦ—1905*, затем в *St*.

³ Подразумевается стихотворение «Ахиллес у алтаря», написанное 27 января 1905 г. («Вопросы жизни», 1905, № 3; *St*). Ср. оценку, которую дал ему сам Брюсов (*Собр. соч.*, т. 1, стр. 625).

⁴ Как видно из п. 37, Брюсов послал Иванову стихотворение «На Новый 1905 год» в его первой редакции.

36. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Châtelaine.>24.II</9.III.19>05

Дорогой Валерий,

Благодарю силы, которые призываю на тебя, за то, что преступление совершено тобою *только* в мире возможного. Ибо ты хотел убить Бальдера ¹. Так я понял и твою записку (не сожалей, что ты вплеп в нашу дружбу еще и это звено). Пусть она «не существует»; но ведь все, что *было*, вечно *есть*. Не могу описать ужаса душевой тоски, в который ты поверг меня на целые сутки (даже не ответив телеграммой на мою телеграмму ², которую я решил, после раздумья, направить в твой дом в выражениях, не могущих никого испугать и ничего выдать, после того, как победил первое, неразумное движение — тотчас выехать в Москву) ... Я предвидел, что Б<альдер> все сделает, чтобы избежать этого кощунственного поединка; но считал возможным и принятие вызова, в каком случае он, конечно, не поднял бы руки на тебя (твоя жизнь для него священна), но *ты* мог бы его убить, чтобы потом казнить самого себя (имя твое было бы все же казнено всеми, кто его произносит и будет произносить его)... Ибо знаю, что ты переживаешь, милый брат мой Валерий, — ведь ты еще не выстрадал постижения, что «последний царь вселенной» — не «Сумрак» ³. Убивая Бальдера, — «ты с богом воевал в ночи» ⁴. *Σιληρόν σοι πρὸς κέντρα λαχτήξεν...* ⁵ Но пойми пока уже одно: если вся жизнь поэта — «священная жертва», ведь все мы, сознающие себя и друг друга истинными и «настоящими», — жрецы и священны, братья-теурги ⁶. Что бы ни случилось, мы не можем стать Каинами. Кроме того, я убежден, что в раздоре Б<альдер> был прав. Говорю это с такою уверенностью потому, что знаю, что ты для него и он для тебя. Истинно оскорбить тебя он даже не мог, несмотря на горячий нрав свой, быть может — мгновенную заносчивость. Ты же хотел его крови изначала, хотя, быть может, лицо твое было кротко. Ибо ты должен был так волишь в своих «узлах змеи» ⁷. Но божественная радуга постлала тебе мост чрез преступление. «Вот жизнь тебе возвращена — умей же пользоваться ею» ⁸. Исполни мое желание: помирись с Бальдером сполна и братски, ибо ведь и ты, себя не узнающий, — *светлый* бог.

Любящий тебя Вячеслав

Ответ на два неизвестных письма Брюсова; первое содержало известие о том, что он вызвал Андрея Белого на дуэль (см. об этом наст. том, стр. 338, 381—383); второе — просьбу считать «не существовавшим» это письмо.

¹ Бальдер — Андрей Белый. См. обращенное к нему стихотворение Брюсова «Бальдеру Локи» (*St*; автограф, сохранившийся среди писем Брюсова к Иванову, озаглавлен «Бальдеру Локи (Андрею Белому)» и датирован «ноябрь 1904 г.»). Письмо Иванова развивает мифологическое истолкование столкновения между Брюсовым (Локи) и Белым (Бальдером). Подробнее см. наст. том, стр. 336—338.

² Эта телеграмма Иванова неизвестна.

³ Заключительные строки стихотворения «Бальдеру Локи»:

Но последний царь вселенной,
Сумрак! сумрак! — за меня.

Союз Брюсова с «сумраком» стал знаменательной чертой в восприятии Ивановым его образа (см.: М. С. А л ь т м а в. Указ. соч., стр. 305).

⁴ Неточная цитата из стихотворения Брюсова: «И снова ты, и снова ты...» (СЦ—1901; УО — под заглавием «Свидание»); в нем Брюсов прибегает к библейскому образу Иакова-богоборца (Бытие, XXXII, 24—32).

⁵ «Жёстко ти есть протіву рожну прати» («трудно тебе идти против рожна»; — слова Иисуса к гонящему его Савлу (Деяния, IX, 5).

⁶ Иванов призывает Брюсова сделать вывод из его собственной статьи «Священная жертва» («Весы», 1905, № 1), в которой утверждается, что поэзия требует от поэта жизнестворчества, ответственности его перед собственной жизнью.

⁷ Ср. стихотворение Иванова «Узлы змеи» («Сог Ardens», ч. I), а также «Mi fur le serpi amiche» (см. п. 32, примеч. 1).

⁸ Неточная цитата из стихотворения Пушкина «На выздоровление Лукулла» (ср. стихотворение «Выздоровление» — «Сог Ardens», ч. I).

37. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Женева, 24.II</9.III.1905

Забудем «не существующее»¹, дорогой Валерий, и восстановим превращенное. Поля Мукдена простерты и здесь за окном...² но пророс великий росток! Правда, общее безумие — *реально* — охватило Россию... *Пережить* нужно все, и *уцелеть*... Помни это!

В последние дни я занялся Бодлером. Толчком к тому были слова в письме Чулкова о желательности переводов из Верхарна и Бодлера. Верхарн — твой; Бодлера я люблю, как и ты. Посылаю тебе первые опыты — опасные, конечно. Суд твой, конечно, и дорог мне, и нужен³.

Очень собираюсь в путь, но не раньше как после 10 марта (русского). Летаргия «Северных цветов» меня тревожит. Гриф прислал мне новый свой альманах, где лучшие стихи, по-моему, принадлежат Сологубу⁴. Рецензировать не могу. Получил ли «18 февраля» и «Бессонницу»⁵?

Твой В я ч.

Приглашенный «Вопросами жизни», выслал весь конец «Религии страдающего бога». Примечания к книге нахожу излишними. Издать ее можно хоть сейчас⁶.

В.

Твой «Ворон» — превосходен ?!

¹ Намек на неизвестные письма Брюсова, ответом на которые было п. 36.

² Ср. «Поля угрюмые Мукдена // У всех простерты за окном!» («На Новый 1905 год», первая редакция — см.: *Собр. соч.*, т. 1, стр. 631).

³ 21 февраля/6 марта 1905 г. Иванов отвечал на предложение Чулкова: «Мысль о переводах, особенно из Бодлера, которого люблю, — мне очень по душе» (ГБЛ, ф. 371.3.45). Шесть стихотворений Бодлера в его переводе опубликовано в «Вопросах жизни» (1905, № 4 — 5). Там же (№ 10—11) напечатано два перевода Брюсова из Верхарна (см. наст. том, стр. 562, примеч. 3).

⁴ Участниками третьего выпуска альманаха книгоиздательства «Гриф» (М., 1905) были Бальмонт, Белый, Блок, А. А. Кондратьев, С. А. Кречетов (Соколов), Сологуб и др. Рецензию на эту книгу написал Брюсов («Весы», 1905, № 3).

⁵ Автографы обоих стихотворений Иванова (впервые: «Вопросы жизни», 1905, № 4—5 и 8) сохранились в архиве Брюсова (ГБЛ, ф. 386, 57.9, л. 25—26); первый имеет заглавие «19 февраля» и дату «19 февраля 1905» (в «Сог Ardens» озаглавлено «Под знаком Рыб»); второе датировано февралем 1905 (в «Сог Ardens» открывает цикл «Бессонницы»).

⁶ Об исследовании Иванова «Эллинская религия страдающего бога» и его журнальных публикациях см. п. 2, примеч. 3. По-видимому, Иванов имеет в виду отдельное издание его, к работе над которым он приступил летом 1905 г. (см. п. 39, примеч. 2).

⁷ Перевод стихотворения Э. По «Ворон» («Вопросы жизни», 1905, № 1).

прототиповыми. Во всяком случае, родство и взаимное таинство Дюймовой икры, вдруг преобразующейся из «глаз» «вакка»-тарсоида в одну из блаженную Иису, этой ослепляющей икры, чрез которую человек теряет свою душу, чтобы вновь приобрести ее, — и первоначальной, существенно эстетической стадии христианства — чувствуется, вопреки особенно ожесточенным нападениям христианских апологетов на все, что от Дюймовы в действительности вроде бы можно объяснить — большое соперничество.

Между тем, Дюймовка была тайным и внутренним «символом» Бога грядущих рыбной протии, иная опасная соперница — Митра, чей кузьма владела рыд-обидой от христианства видных особенностей и, следовательно, входить на некоторые христианские представления, как в свое очередь доисследовало взаимное изведение. Если не случалось то, что, по мнению Ренана, была ближайшей исторической возможностью, — если Кузьма Митры не судилась всеобщим религий, — отчасти тому причиной было, быть может, скрытое присутствие в христианстве доисследованных начал, которые обладали его непосредственно-позитивным и безразличным близким каждому воспитанием для его протии Дюймовым откровением души замковой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Таковое представляется как Дюймовка религия в ее внутренней сущности, происхождения, развитии и всеобщем значении. Законченное или изучение духовного двигателя такой взаимности естественно приближает нас к вопросу, чему учить охт нас и что дать, будучи отдельными и частными явлениями общего религиозно-исторического процесса, для появления религия в целом, — и, в связи с этим, к другому вопросу, поскольку указанный двигатель, обозначивший собой возбудитель из природы человеческого, должен быть признан как таковой и действительным понятием. Действительным же может охт признаться и по превращению своего из высшей формы религиозного откровения — или, вернее, как внутренняя часть христианства, как неотъемлемый элемент его, ему несомненно, хотя в определенно, присутствующий, или, вернее, как исторический признак первоначального христианского богочеловечества, более или менее затененный и изглаженный из нашего сознания, но долженствующий быть восстановленным для полноты христианской жизни — или, наконец, по крайней мере нашего христианского самосознания, как автономное воздаяние религиозной деятельности, не только данное сам — за себя, но и другим.

КОРРЕКТУРА КНИГИ ВЯЧ. ИВАНОВА
«ГРЕЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ СТРАДАЮЩЕГО БОГА»

Книга подготовлена к печати в издательстве М. и С. Сабашниковых (М., 1917); весь тираж ее сгорел во время пожара в типографии

Собрание М. В. Толмачева, Москва

38. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

5 июля <1905 г.> Таруса. Калужская губ. Антоновка.

Дорогой Вячеслав!

Вот я в Москве, точнее в Антоновке ¹. Напишу много, как только устроюсь. О переводах Чулкова я написал целую отдельную статью, отнюдь не осудительную, хотя и весьма критическую, к которой приложу свои переводы тех же песен, давая возможность подвергнуть критике и меня ². Но рецензия на книгу очень нужна, и мы ждем ее от тебя ³. Об «Инее» я тоже напишу ⁴. Сообщил, прошу, о проектах воскресить «Новый путь» и об участии в этом Белого ⁵. Я ничего не знаю о наших. Из финляндского уединения почти прямо попал в антоновское.

Твой В а л е р и й

Открытка. Ответ на письмо Иванова от 23 июня 1905 г.

¹ Брюсов возвратился из Финляндии, где провел два месяца.

² Статья «Фиалки в тигеле» («Весы», 1905, № 7) — критический разбор выполненного Чулковым перевода сборника стихов Метерлинка «Двенадцать песен» (СПб., 1905). Брюсов критикует «неверный метод» переводчика и прилагает к статье семь «песен» Метерлинка в своем переводе.

³ 23 июня 1905 г. Иванов сообщал Брюсову: «Пишу рецензию на «12 песен»; прошу тебя не печатать своей без моей. А еще лучше вместе столкнуться и привести в согласие обе». В этой рецензии («Весы», 1905, № 7) высоко оцениваются «песни» Метерлинка, много внимания уделено иллюстрациям Шарля Дудле, но весьма сдержанную оценку получает работа переводчика.

⁴ 23 июня 1905 г. Иванов спрашивал: «Что же, можно ли писать наконец об «Инее»?». Однако рецензию на книгу П. Соловьевой (Allegro) «Иней. Рисунки и стихи» (СПб., 1905) написал Брюсов («Весы», 1905, № 8).

⁵ «Возобновляется «Новый путь», и Белый переселяется в Петербург», — писал Брюсов Н. Я. Брюсовой 9 июля 1905 г. (ГБЛ, ф. 386.143. 1). Это не подтвердилось.

39. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 31 июля 1905 г.

Дорогой Валерий,

Я тебя люблю как прежде, а ты...?

Почему молчание?

Напиши о себе, и напиши о «Весях». Запоздание последней книжки уже наводило меня на мысли о конце всех человеческих дел, который часто бывает гораздо ближе, чем мы думаем.

Будут ли, и *как* будут «Весы» существовать?

Прости, что все не ответил на вопрос о «Новом пути». Тогда это газетное сообщение энергически опровергалось Философовым (в личной беседе). Мережковский и Философов продолжают говорить о намерении переселиться осенью в Париж. Даже сборник «Религия и общественность» должен появиться по-французски¹. И Мережковский недавно опять просил меня о статье для сборника, но уже французского.

Адрес мой: Таврическая 25, кв. 24. Мы наняли здесь квартиру, так как моя книга надолго (сравнительно) привяжет меня к Петербургу. Я решил сделать ее научной по форме, *как следует*, и потому *еще не приступал* к печатанию².

Не думаю, чтобы мое присутствие в Москве было надобно «Весам» вообще. Во всяком случае желал бы и по этому вопросу обменяться мнениями.

Всегда твой Вячеслав

Я решил издать свои статьи (как «Поэт и Чернь», «Ницше и Дионис» и пр. с новыми, которые пишу) отдельно от книги о религии Диониса, под заглавием «Дионис и всенародное искусство» или т. п. Маленький томик. Думаю, что «Скорпиону» издать его не привлекательно³. Если ошибаюсь, напиши. Издаст ли «Скорпион» сборник моих стихов, который скоро, думаю, созреет?⁴ Как стоит вопрос о беллетристике или будущих «Северных цветах»?

Ждете ли вы от меня чего-нибудь *определенного* для «Весов» или нет?

¹ Замысел этого сборника не был реализован.

² Иванов предполагал выпустить свой труд о религии Диониса (см. п. 2, примеч. 3) в изд-ве Д. Е. Жуковского (СПб.).

³ Сборник статей Иванова, составленный по иному плану, вышел только через четыре года («По звездам». СПб., «Оры», 1909).

⁴ Это первое упоминание о замысле сборника «Cor Ardens» (М., «Скорпион», 1911). Дальнейшие письма документируют этапы и обстоятельства работы над ним (см. п. 51, 55, 57, 58, 61, 63, 69—72, 79, 80).

40. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ Таврическая 25, кв. 24

1 августа 1905 г.

Дорогой Валерий,

Вчерашнее письмо было написано до получения твоего. Спасибо, по крайней мере, что любовно меня помнишь. Хотелось бы обменяться хоть письмами, что ли, по существу, — но это так трудно... Ты вообще лаконичнее меня в переписке. Может быть, сделаешь опять одно из всегда мне памятных исключений и напишешь мне, как следует, — по принципу *общения*, а не *сообщения*. Я же сегодня пишу без надежды сказать что-нибудь, могущее заменить общение. Остается платонически мечтать — о свидании. Так как едва ли ты соберешься в Петербург*, то извести

* В сентябре, думаю, приехать даже следовало бы, — но сегодня ведь только 1 августа! (примеч. Иванова).

меня, когда именно будешь в Москве и с какого времени окончательно, — просто чтобы я имел это в виду.

Что касается области «сообщений», и в частности известия о задуманном тобою «побеге», — ты ведь знаешь, что я об этом думаю. Ты знаешь, как мой, иногда ясно себя заявляющий, принципиальный ригоризм относится ко всякого рода (прости!) — дезертирству. Знаешь и то, как «Весы» мне дороги и как они неразрывно связаны с тобой, писателем и личностью. Но я упорствую и не верю в «побег», как не легко веришь во все, нарушающее закон «достаточного основания». Или же это равняется прекращению «Весов»? Для этого в эмпирии может быть «достаточное основание», хотя и противоречащее внутреннему логосу вещей... Но «Весы» без тебя — невозможность, или *уже не «Весы»*...

Вот все, что могу сказать пока. Я похож на посвящаемого в мистерии: меня держат в потемках, и до меня долетают только отрывочные устрашающие и непонятные восклицания или шепоты...

Пока — и в ожидании дальнейших звуков — до свидания.

Твой истинно В я ч.

P. S. «Вопросы жизни» любят мечтать о... слиянии с «Весами».

Нельзя ли выслать гонорар Остроге и «Северные цветы» Ремизову? ¹

Получен ли и принят ли рисунок miss Holdsworth (Женева)? ²

Адрес Чулкова (дачный): Финляндская ж. д., ст. Териоки, деревня Лаударанта, дача Давида Туртгайнен.

Пожалуйста, исправь нелепую «струну» в «Письме из Вены». Нужно: «ступня» (стр. 46, 6-ая строка снизу). Там же, стр. 47, строка 18 снизу — «огражденной», вместо напечатанного «ограждений» ³.

Попроси Сергея Александровича о присылке мне *денег*, с заметкой, за что уплачено.

Что скажешь о моей заметке «contra Andream»? ⁴

Ответ на неизвестное письмо, в котором Брюсов сообщал о своем решении устроиться от руководства «Весами» (о том же он писал ряду других своих корреспондентов — см. наст. том, стр. 279).

¹ Ф. Острога (см. п. 27) напечатал в «Весах» (1905, № 4) «Письмо из Женевы. Музыкальный сезон». А. М. Ремизов участвовал в *СЦ—1905* циклом «Полуночное солнце».

² Рисунки Holdsworth в «Весах» не появлялись.

³ На пути в Россию Иванов останавливался в Вене, откуда писал 3/16 апреля 1905 г. Брюсову: «Здесь я посещал выставки. Прошлый год ты наказывал мне осмотреть «Сецессион». Если вам нужны заметки о венских выставках (Secession, Hagen-Band, Künstlerhaus), оставь мне страницы три или четыре в апреле». Эти «заметки» («Письмо из Вены») см.: «Весы», 1905, № 6 (подпись: «The Twins», т. е. «Близнецы»; в мае, когда статья была окончена, Солнце вступает в созвездие Близнецов). Допущенные опечатки не были оговорены в последующих номерах «Весов».

⁴ Заметка «против Андрея» («О «Химерах» Андрея Белого» — «Весы», 1905, № 7) — возражение Иванова на статью Белого «Химеры» («Весы», 1905, № 6), которую Иванов (выведенный в ней в образе «Теоретика») воспринял как оскорбительную клевету. Белый ответил примирительной заметкой «Разъяснение В. Иванову» («Весы», 1905, № 8), не удовлетворившей Иванова. См. об этой полемике п. 45 (примеч. 3) и 46.

41. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 23 авг⟨уста⟩ 1905

Дорогой Валерий, извини ты лично — и вы (коллективно) — что заставил ждать своего ответа. Ближайшим образом ответа на запрос моего мнения о новом устройстве «Весов» (которое, кстати, мне кажется очень старым). Но вот нахожу в редакции «Вопросов жизни» книжку «Весов», которой сам еще не получил, разворачиваю ее на своей заметке о «Химерах А. Белого» и с удивлением констатирую, что вся вторая часть ее, прибавленная мною в корректуре, редакцией опущена ¹. Произвольные

опущения такого рода в полемических ответах сотрудников на нападения, которым они подверглись, вообще недопустимы. Для меня же лично решающее значение имеет то обстоятельство, что *ныне нарушено право*, с основания журнала мне предоставленное и следовательно служащее основой моего положения в журнале, — право печатать все, что я предлагаю, без опущений и изменений. Это нарушение основных условий моего сотрудничества заставляет меня заявить в твоём лице редакции, что сотрудничество мое прекращается.

Твой Вячеслав

Р. С. Сообщи, пожалуйста, содержание этого письма Сергею Александровичу и поблагодари его за присылку 100 рублей, которые я получил.

Сегодня мне прочли в редакции твой цикл «Из современности». Это был для меня поэтический пир. Обнимаю тебя за эти стихи (хотя *первое* стихотворение мне, в виде исключения, совершенно *не* нравится)².

В.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ Корректурa статьи «О «Химерах» Андрея Белого» была утеряна на почте (см. п. 43).

² Цикл «Из современности» составляли шесть стихотворений: «Одному из братьев», «Грядущие гунны», «К счастливым», «Знакомая песнь», «Близким», «К ним». Брюсов предназначал его для публикации в «Вопросах жизни». Первоначально цикл был полностью запрещен цензурой (см.: *Собр. соч.*, т. 1, стр. 630), однако Чулков добился (ценой ряда искажений) разрешения напечатать сначала три первых стихотворения, а затем и четвертое («Вопросы жизни», 1905, № 9 и 10—11; позднее вошли в *St*). Последние два стихотворения опубликованы в альманахе «Факелы» (кн. 1. СПб., 1906) под общим названием «Близким».

42. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 25 VIII. 1905 г.

Auctius te efflorescere gaudebam, mi Valeri, pulcherrimaque salutabam autumnalia¹. Coronam nectito.

В.

Перевод: Пышнейшему твоему расцвету возрадовался мой Валерий, и встретил приветом прекраснейшие осенние песни¹. Плети венок (*лат.*).

¹ «Осенние песни» («autumnalia») — стихотворение «Умирающая любовь» («Ранняя осень любви умирающей») — *St*; в *Путих и перепутьях* озаглавлено «Ранняя осень». См. о нем п. 43 и 44.

43. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ Таврическая 25, кв. 24
29 августа 1905 г.)

Дорогой Валерий, — наконец пишу. Письмо будет пестрое: нужно сказать, кажется, о многом — понемногу.

Прежде всего: инцидент с моей заметкой о «Химерах», разумеется, разъяснен. Я сделал ошибку, послав корректуру простым (не заказным) письмом. Печатные строчки, просвечивающие через конверт, могут погубить посылку. Почтовой расписки у меня нет. Не удалось сказать, что следовало и как следовало; но *habent sua fata tabellae* ...*

Еще до твоего разъяснения послал тебе латинский привет, на который ты отвечаешь — не *роковым*, надеюсь, — *Vale* («Valerius dixit vale») **?

* у писем своя судьба (*лат.*).

** Прощай (Валерий сказал прощай) (*лат.*).

Шучу... Выражая радость, что ты все пышнее расцветаешь («auctius te efflorescere»), я разумел как твой цикл «Из современности», так и пленительные «austumnalia»...¹ Кстати, между стихотворениями, тобою иногда присылаемыми, я делаю различие: одни мне кажутся дружескими, частными сообщениями — лирикой без маски, другие — проето произведениями искусства — признаниями замаскированными. Подчас не могу противиться искушению прочесть или показать стихи второй категории тому, кого считаю достойным. Прости и *предупреди*, если ты против того (чего однако не предполагал доньше, судя, быть может, по себе)². «Умирание Любви» показал я поэтому третьего дня собравшимся у меня знакомым. Были тут Жуковский³, Булгаков — и очень хвалили стихи, Рощина-Инсарова, здешняя актриса и твоя поклонница⁴. Последняя поручила мне просить тебя о разрешении читать это стихотворение, от которого она в восторге, до его напечатания как в кругу знакомых, так и перед публикой. Ответь, пожалуйста, — не забудь.

«Из ада изведенные» — не получены, — если это стихотворение неотжественно с «Астарта, Астарта...»⁵ Напиши!!

О себе. — Живем (вдвоем с Лидией Дмитриевной) на верху круглой башни над Таврическим парком с его лебединым озером. За парком, за Невой фантастический очерк всего Петербурга до крайних боров на горизонте. В сумеречный час, когда тебе пишу, ухают пушки, возвещая поднятие воды в Неве, и ветер с моря, крутя вихрем желтые листья парка, стонет и стучится в мою башню. Приезжай — навести!

Книги своей я еще и не начинал печатать. Увлекся и углубился в те изучения, которые были необходимы для научной полноты и обстоятельности моих «примечаний». Надеюсь, что «примечания» выиграют от того, что книга не появляется уже теперь, как я раньше хотел. Думаю, ты найдешь, что я прав. Жуковский терпит⁶.

Впрочем, за последнее время я забросил временно и Публичную библиотеку: кончал Байронов «Island»⁷ и написал статью для «Вопросов жизни»⁸.

Вижу, что нечувствительно перехожу к теме: «Весы». Согласись, что «устройство», о котором ты писал, ничего существенно не изменяет. Коллективного духа так и не будет, и «Весы» не определяют положения своей группы в дифференцировавшемся отныне «новом движении», иначе как самоутверждением отдельных своих членов. Нарцисс (судя по стилю, С. А. Гриф) в «Искусстве» (принимает ли ты в нем участие?) пишет, что поэты «Скорпиона» стремятся по расходящимся линиям⁹. Такое впечатление оставляют «Северные цветы»; что же сказать о будущих «Весых»? De facto, однако, журнал будет по-прежнему органом двух. Другие автономные сотрудники — будут как бы провинциями с self-government *... Но «Весы» все же вводят беллетристику. Этот fait nouveau ** разбивает всю доселе выработанную схему??¹⁰

Что до меня лично, я думаю остаться на всю зиму в Петербурге — и из-за моей книги, и из-за «Вопросов жизни»¹¹, и из-за «Современных настроений», которые для меня здесь гораздо ощутительнее, чем в Москве¹², а также и по отрицательному соображению — о моей ненужности в Москве. Я с охотой возьмусь, если вы хотите, писать регулярно и о «настроениях» и о «журналистике». Что касается редактирования рецензий по отделам публицистики, истории и истории литературы, — очень дорожу и этой функцией, но ведь не поселиться же *для этого одного* в Москве! Достаточно от времени до времени навещать вас...

* самоуправлением (англ.).

** новый факт (франц.).

Все это — в принципе; напиши, когда нужно будет, на чем вы окончательно и определенно останавливаетесь в отношении вопроса о моем сотрудничестве.

Ближайшим образом думаю писать в «Весы» о «мистическом анархизме», о Минском, Добролюбове, Шестове, Зелинском. Потом — о журналах. Поручалась ли рецензия о Венгеровой? *Напиши*, какие отзывы *не нужны*¹³. Напиши же, пожалуйста, об «Инее» — или позволь мне¹⁴.

Твой Вячеслав

P. S. В № 8 я очень ценю твои переводы — некоторые прямо пленяют¹⁵. Но — в целом — ужасно. «Весы» сделаются какой-то литературной безделушкой?

Редакции нужно молиться: «дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия — не даждь ми»¹⁶.

P. S. Видишь, как я был прав, говоря «auctius te efflorescere» на основании последних твоих вещей, — оказалось, что ты в полосе особенного творческого подъема¹⁷. Работай! Ты, конечно, сам не знаешь, как много ты должен сделать. «On ne va jamais plus loin que quand on ne sait où l'on va» * Мы все сделали еще слишком мало, ничтожно мало.

Жалко ли тебе Лохвицкой?¹⁸ «ὄν οἱ θεοὶ φιλοβίῳ, ἀποθνῆσκει νέος»¹⁹. Знал ли ты ее?

Передай мой сердечный привет Иоанне Матвеевне и Надежде Яковлевне. Спасибо ей за память и поэтическую весть, поданную о себе в дни ее чудного хождения в странах гиперборейских.

Напиши больше!

V.

Ответ на два неизвестных письма Брюсова.

¹ См. п. 41, примеч. 2, п. 42, примеч. 1.

² Такое предупреждение Брюсов сделал, посылая Иванову 13 июня 1905 г. цикл «На Сайме» в его первоначальном варианте: «Стихи только для тебя, Вячеслав, и еще для Сергея Александровича, если он захочет прочесть».

³ Дмитрий Евгеньевич *Жуковский* — издатель философской литературы, официальный редактор журнала «Вопросы жизни».

⁴ Екатерина Николаевна *Рощина-Инсарова* (Пашенная, 1883—1970) — актриса, в 1905—1909 гг. состояла в труппе театра Литературно-художественного общества (СПб.).

⁵ См. п. 44.

⁶ См. п. 39, примеч. 2.

⁷ О переводе поэмы Байрона «Остров» см. п. 33, примеч. 8.

⁸ «Кризис индивидуализма. К трехвековой годовщине «Дон-Кихота» («Вопросы жизни», 1905, № 9).

⁹ Автор рецензии на *СЦ—1905* утверждал, что альманах «менее всего являет собой объединенную общими лозунгами школу», что «поэты «Скорпиона», прежде шедшие дружной стайей (...), теперь разбрелись далеко друг от друга» («Искусство», 1905, № 5-6-7, стр. 165; подпись: Нарцисс). Предположение, что рецензия принадлежит С. А. Соколову (главе изд-ва «Гриф»), подтверждается тем, что именно с ним возник конфликт у А. Белого в результате отказа сотрудничать в «Искусстве» после возмущившего его отзыва об Иванове в этой рецензии (см. наст. том, стр. 389). О журнале «Искусство» и участии в нем Брюсова см. п. 44, примеч. 7.

¹⁰ О проекте реформы «Весов» (см. наст. том, стр. 278) Иванов мог узнать из письма Брюсова Чулкову от 20 августа 1905 г. (*Чулков*, стр. 327).

¹¹ Обосновавшись в Петербурге, Иванов сблизился с редакцией журнала «Вопросы жизни», в частности с Чулковым.

¹² Иванов начал цикл статей «Из области современных настроений». Первая статья была напечатана в «Весах» («Апокалиптики и общественность» — 1905, № 6), однако продолжения цикла не последовало.

¹³ В августе—декабре 1905 г. Иванов в «Весах» не печатался.

¹⁴ См. п. 38, примеч. 4.

¹⁵ Иванов ошибся: перевод «Семи песен» Метерлинка был помещен не в восьмом, а в седьмом номере «Весов».

* Дальше всего уходишь, когда не знаешь, куда идешь (*франц.*).

¹⁶ Слова из великопостной молитвы Ефрема Сирина.

¹⁷ По-видимому, этим постскриптумом Иванов отвечает на неизвестную «записку» Брюсова, о которой упоминается в п. 44.

¹⁸ М. А. Лохвицкая скончалась 27 августа 1905 г. Некролог, написанный Ивановым, см.: «Вопросы жизни», 1905, № 9.

¹⁹ «Кто мил бессмертным, умирает в юности» (Менандр. Комедии. Герод. Мимиабы. М., 1964, стр. 291).

44. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

⟨Москва.⟩ 1 сент⟨ября⟩ 1905

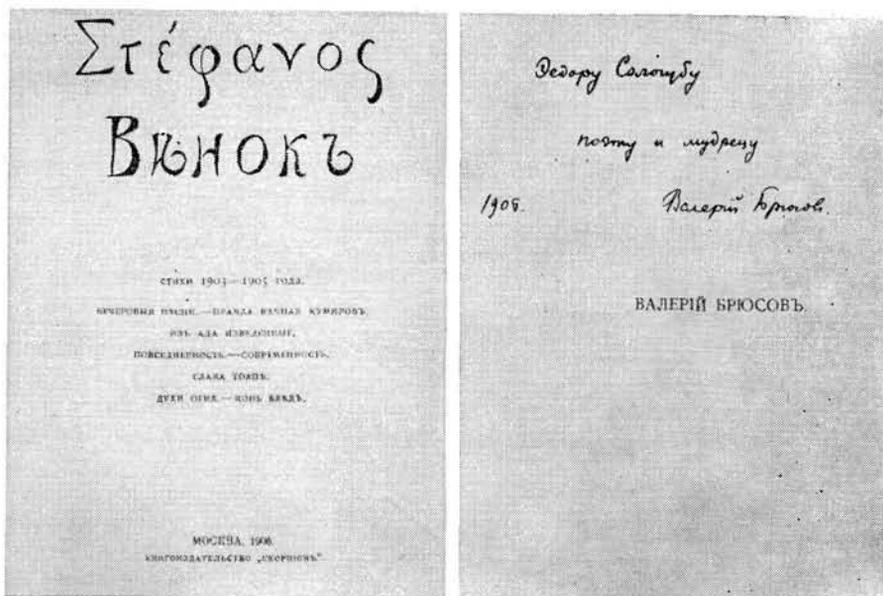
Дорогой Вячеслав!

Твое письмо опять разошлось с моей запиской — не в первый раз. Когда я начинаю вконец тосковать без вестей от тебя и спешу на Николаевский вокзал, чтобы бросить тебе молящую открытку, — это верный признак, что конверт с твоими строками уже на пути ко мне. Спасибо, и радуюсь этому влиянию на расстоянии.

Я чувствую себя умирающим в одной части своей души и воскресающим в другой. Воскресающим в той, которую ты больше знаешь. Работая очень много, как давно уже не работал. Уже и в «Вопросы жизни» плю целые груды стихов, а кроме того, в «Журнал для всех» и в «Беседу»¹. Пишу статьи, рассказы, роман². Перевожу Байрона³. А замыслов хватило бы на всю жизнь, если не на две. Печатаю свой «Stephanos», где ты найдешь много нового⁴. Вообще в творчестве чувствую свежую бодрость, силу, возможность всего — открытость ясного утра, когда так легко дается, чего тщетно добивался и огненным вечером и в безвольную ночь. Написал, осуществил многое из такого, о чем безнадежно мечтал *целые* годы. И если по *бодрости* сил я только что сравнил переживаемое время с утром, то столь же был бы я прав, сравнивая его с полднем, по *полноте* сил, по чувству, по сознанию, что я достиг полного обладания всем, что во мне, что годы собирания кончены, пора расточать.

О «Весах» не могу сказать ничего нового. Обидно и досадно смотреть на их умирание. Это умирание, конечно, еще не заметно издали, но для меня, стоящего около, несомненно. Они движутся, но по инерции; говорят, но уже бессознательно. Плачевнее всего, что они, или говоря не фигурально, что Сергей Александрович не сознает положения. Он очень *доволен*, что я покинул редакторство, делает вид, что сам редактирует, но фактически все дело в руках Брониславы Матвеевны⁵. И надо признать, что она «набила руку» и «наострила глаз» в литературных мастерствах. О том, чтобы «представлять группу», как ты пишешь, не может быть и речи. И если, действительно, дана будет «Весам» беллетристика, они неизбежно обратятся в собрание литературных безделушек. Став теперь на положение сотрудника, я все более и более начинаю понимать, как был ты во всем прав в своих суждениях о «Весах». Они могли бы ожить лишь при коренной реформе *in capite et in membris**, но на нее почти нет надежд. Однажды ты упрекнул меня в «отступничестве» за то, что я покинул редакторство. Но это было неизбежно. Я задумывался над этим с лета 1904 г. Осенью 1904 Сергей Александрович обещал (как русское правительство) реформы. Они оказались недостаточными. Я ждал, что приедешь ты, что приедет Михаил Николаевич, и все изменится само собой. Но после того, как Сергей Александрович отверг Михаила Николаевича и отверг тебя как соредакторов, мне не осталось больше надеяться ни на что. Я ушел. Даже писать в «Весах» не весело, и я охотно перенес бы центр своей деятельности в «Вопросы»⁶, только боюсь их обременить своей

* *Здесь: с головы до ног (лат.).*

«СТЕРPHANOS» («ВЕНОК»)

Стихи 1903—1905 года. М., «Скорпион», 1906

С дарственной надписью: «Фелору Сологубу, поэту и мудрецу. Валерий Брюсов. 1906»

Обложка и шмуцтитул
Литературный музей, Москва

личностью. Впрочем, есть еще прибежище — «Искусство», куда я, конечно, очень зван ⁷.

Что до моих стихов, то разумеется они для всех. Это я и имел в виду, говоря «вплетаться всем телом в *gefestovu* сеть» ⁸. Поэтому я очень тронут желанием г-жи Рощиной-Инсаровой и буду очень «польщен», если она будет повторять мои строки. Только окончательный ли у тебя вариант «Осени» (или «Умирания любви»? В 3-ей строфе последние стихи надо читать:

Запах в садах доцветающих роз.
В сердце — родник успокоенной нежности,
Счастье — без ревности, страсть — без угроз.

В 4-ой строфе 4-ый стих:

Бледный — над яркими днями — венец.

«Из ада изведенные» — понятно, «Астарта». А посылал ли я тебе «В полдень» («Свершилось, молодость окончена...»), написанное в Финляндии? ⁹

Совсем хороши твои стихи в «Вопросах» ¹⁰. Но почему нет среди них моего любимого «Сладко месяцу темные реки...»? ¹¹

О том, какие статьи нужны «Весам», не берусь судить. Приходится спрашивать Брониславу Матвеевну или хотя «самого» Сергея Александровича.

Привет и благодарность за строки Лидии Дмитриевне.

Очень твой В а л е р и й

Не напишешь ли мне подробнее свои замечания о моих переводах Метерлинка ¹². Мне важно. И кстати: у тебя ли моя книжка «*Serres chaudes*»? ¹³

Ответ на п. 43.

¹ В сентябре — декабре 1905 г. Брюсов опубликовал в «Вопросах жизни» (№ 9—12) шесть оригинальных стихотворений («Лик Медузы» и цикл «Из современности» — см. п. 41, примеч. 2) и шесть переводов (из Верхарна и Рене Гиля), в «Журнале для всех» — два перевода из Верхарна (№ 11 и 12), в «Беседе» — стихотворение «Голос прошлого» (№ 12).

² В конце 1905 г. Брюсов написал рассказ «Республика Южного креста» («Весь», 1905, № 12); о романе см.: С. С. Г р е ч и ш к и н и А. В. Л а в р о в. О работе Брюсова над романом «Огненный ангел» — *Чтения 1971*.

³ 10 стихотворений Байрона в переводах Брюсова см. в изд.: Д. Г. Б а й р о н. Сочинения, т. III (под ред. С. А. Венгерова). СПб., 1905. Письма Брюсова к С. А. Венгеру, посвященные работе над этими переводами, см. в сб.: «Мастерство перевода». М., 1959, стр. 373—383.

⁴ Из 70 стихотворений, составивших первое издание сб. «Stephanos» (вышел в декабрь 1905 г.), 28 было опубликовано впервые.

⁵ Б. М. Рунт — сестра И. М. Брюсовой; о ее роли в «Весях» п. 25.

⁶ Т. е. в «Вопросы жизни».

⁷ Журнал «Искусство» (М., 1905, № 1—8; изд. Н. Я. Тароватый, соредатор № 8 — С. А. Соколов) поначалу выступал против «Весов» и лично Брюсова (№ 2, стр. 69—70; № 3, стр. 69). 31 августа 1905 г. С. А. Соколов писал Брюсову, сообщая, что стал «редактором литературной части» журнала: «Я думаю, что это обстоятельство, в связи с устранением тех влияний, под которыми находилась прежняя редакция, вполне покрывает промахи и нетактичности, которые имели место в прошлом, на страницах «Искусства» (ГБЛ, ф. 386. 103.16). В этом же письме Соколов приглашал Брюсова участвовать в обновленном журнале и просил написать некролог М. А. Лохвицкой. В последнем номере «Искусства» (вышел в ноябре 1905 г.) фамилия Брюсова появилась в списке участников журнала; в том же номере напечатана его статья «Современные соображения».

⁸ Строка из стихотворения «Из ада изведенные» (*St.*) «Гефестова сеть» — образ, навеянный мифологическим сюжетом: Гефест поймал в сеть неверную Афродиту и ее возлюбленного Арея и выставил их перед богами Олимпа. Стихотворение затрагивает переживания интимной жизни Брюсова, которые Брюсов-поэт считал возможным пересказать «для всех».

⁹ Первая редакция этого стихотворения написана в 1903, а вторая — в 1904 г. (см.: *Собр. соч.*, т. 1, стр. 626—627).

¹⁰ Стихи Иванова (подборка из восьми стихотворений и отдельно — «Атика и Галидея») см.: «Вопросы жизни», 1905, № 8, стр. 12—20, 85—86.

¹¹ См. п. 45, примеч. 9.

¹² См. п. 38, примеч. 2.

¹³ «Serres chaudes» («Теплицы») — сборник стихотворений Метерлинка, два издания которого (Bruxelles, 1890 и 1900) сохранились в б-ке Брюсова (ГБЛ); в обеих книгах — его пометы, во второй — черновики переводов.

45. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 13 сент⟨ября 1⟩905

Дорогой Валерий, — благодарю тебя за твои две полные и ласковые страницы. (Потом еще ты извещал меня о желании Сергея Александровича, которое я постараюсь удовлетворить — своею идейной хроникой и обзором нескольких журналов)¹. Горько испытываю разлуку с тобой. Мне всегда вожделенна и часто душевно-нужна твоя близость. Не писать ли нам друг другу *чаще*? Именно в период подъема творческих сил ты должен был бы чаще делиться со мной — хроникой твоей музы... Я в отчаянии от цензурных насилий, которым, по-видимому, суждено исказить твой цикл «Современности», — хотя последних известий и не имею о результатах борьбы Чулкова за цикл². Что у вас, в Москве, нового? — пиши мне пожалуйста о характерном. Видишь ли Бальмонта? Белого? Последний, по предположению Мережковского, меня ненавидит³. Во всяком случае, он возложил на Чулкова (который, по чрезвычайной случайности, *распечатал* письмо Белого *у меня*) странное поручение передать мне ряд восклицаний не строго благопристойных и доказывающих, что он реагирует на мою вынужденную и корректную (внутренне и внешне) полемику лично и

мелочно; мне оставалось попросить Чулкова — сообщить Белому *мой точный адрес*. Ставит ли Мейерхольд «Землю»? Он звал меня и Лидию Дмитриевну в члены своего бюро; Вашкевич также писал мне ⁴. — «Искусство» меня презирает ⁵... Здешние либеральные священники — уважают! — Отказ Сергея Александровича издать мои стихи несомненно обиден своей голой безусловностью и нежеланием нашего корифея хоров вступать даже в переговоры. «Скорпион» ли не существует как *sépacle des poètes* * — или я вычеркнут, как поэт, из списка *sépacle*'я? — и полезен еще как составитель хроник? — Пишу статейку для издания Байрона ⁶. Ко мне приближается большой поэтический план — или я к нему приближаюсь, крадучись, — с «осторожностью», которую ты мне приписываешь. Не забудь сказать мне о твоём впечатлении от «Кризиса индивидуализма» («Вопросы жизни», сентябрь) ⁷. Твои «*Serres chaudes*», каюсь, у меня. Приплю. На днях напишу подробно, что думаю о твоих переводах. Напиши мне о прилагаемых стихах ⁸. Твой вполне

В я ч е с л а в

P. S. «Сладко месяцу темные реки...» назначается мною для другого цикла ⁹. — Я был на реферате Булгакова, который он читал у Григория Петрова ¹⁰. Архимандрит Михаил ¹¹ иллюстрировал свою речь — песнею Метерлинка, в твоём переводе («Трех девушек...»). Как видишь, священники уважают и тебя — значит, надо мной не смейся.

Ответ на п. 44 и на другое, неизвестное письмо Брюсова.

¹ Цикл «Из области современных настроений» (см. п. 43, примеч. 12). Обзоры журналов Иванов в «Весах» не печатал.

² См. п. 41, примеч. 2.

³ Отношения Иванова и Белого в 1905 г. носили неровный характер, отразившийся и в полемике по поводу статьи Белого «Химеры» (см. п. 40, примеч. 4); Иванов назвал этот этап их взаимоотношений «порой видимой борьбой» (письмо к Белому от 1 декабря 1905 г. — ГБЛ, ф. 25.16. 2). К концу 1905 г. дружба вновь возобладала, не без влияния, вероятно, инцидента с журналом «Искусство», когда Белый выступил в защиту Иванова (см. п. 43, примеч. 9).

⁴ В 1905 г. в Москве были созданы «Театр-студия» (во главе с В. Э. Мейерхольдом и К. С. Станиславским) и «Театр Диониса» (руководитель — бывший актер Художественного театра Н. Н. Вашкевич). Внешнее сходство эстетических программ, требовавших всестороннего обновления театрального действия, породило соперничество между двумя студиями: обе стремились заручиться поддержкой ведущих представителей модернистской литературы. Во главе литературного бюро «Театра-студии» встал Брюсов; в репертуарном плане театра значились его драма «Земля» и «Гантал» Иванова (см.: «Вопросы жизни», 1905, № 9, стр. 248), а также литературные вечера, посвященные Брюсову, Белому, Иванову (см.: «Весь», 1905, № 4, стр. 75). Вашкевич просил у Иванова разрешения назвать свой театр «Дионисово действо» — «название, которое навеяно вашими произведениями и которое выразит лучше всех сочетаний наши искания» (ГБЛ, ф. 109). Первоначально «Весь» отнеслись к начинанию Вашкевича благожелательно (см.: 1905, № 4, стр. 75—76; № 8, стр. 72), однако выпущенный им поверхностно-эстетический манифест вызвал крайне резкую рецензию Брюсова («Весь», 1905, № 9-10). Оба театра оказались начинаниями эфемерными. Оценку их Брюсов дал в статье «Вехи. II. Искания новой сцены» («Весь», 1905, № 12; см. также: Н. В о л к о в. Мейерхольд, т. I. М.—Л., 1929, стр. 196—217).

⁵ Рецензия «Нарцисса» в журнале «Искусство» содержала резкий отзыв о произведениях Иванова в *СЦ—1905* (см. п. 43, примеч. 9).

⁶ См. п. 33, примеч. 8.

⁷ См. п. 43, примеч. 8.

⁸ В архиве Брюсова сохранилось около тридцати стихотворений, присланных ему Ивановым (ГБЛ, ф. 386.57.9); датированы лишь немногие из них, и установить, какие из них имеет в виду Иванов, не представляется возможным.

⁹ «Сладко месяцу темные реки...» — строка из стихотворения Иванова «В алый час», вошедшего в цикл «Северное солнце» («Весь», 1906, № 2).

¹⁰ Вероятно, Иванов был на вечере, воспринятом участниками как возобновление деятельности петербургских «Религиозно-философских собраний», о чем, со слов Чул-

* сообщество поэтов (*франц.*).

кова (см. его письмо Брюсову от 28 сентября 1905 г. — ГБЛ, ф. 386.107.46), сообщили «Весты»: «В Петербурге открываются явочным порядком «Религиозно-общественные собрания». Отчеты об этих собраниях будут печататься в журнале «Вопросы жизни» (с января 1906 г.)» (1905, № 9-10, стр. 121). Регулярную деятельность общество начало с лета 1907 г. (см.: «Перевал», № 8-9, 1907, стр. 93—94). Григорий Спиридонович Петров (1867—1925) — православный священник, позднее лишенный сана; публицист.

¹¹ Архимандрит Михаил (Навел Васильевич Семенов; 1874—1916) — профессор церковного права Петербургской духовной академии, один из основных участников Религиозно-философского общества. В 1907 г. порвал с официальной церковью и примкнул к старообрядчеству.

46. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 20 сент⟨ября 1⟩905

Дорогой Валерий,

пишу тотчас по получении твоего письма. Хочу оживить нашу переписку и способствовать реализации добрых намерений, мною высказанных и на которые ты — спасибо за это — горячо откликнулся... Приезжай и останись у нас.

Я думал, что ты уже виделся с Бальмонтом, и поджидал от тебя вести о впечатлении. Оказалось, что первым твоим впечатлением был «шум в Вавилоне»¹... Ко мне он явился в прошлую среду². Это было случайностью; но среда день наших приятелей. Его появление мне показалось чудесным; может быть, потому, что шутя я предсказывал на этот вечер его приезд. Инстинктивно я, обнимая его, заговорил с ним на ты и лишь через несколько времени поймал себя на неосторожности; но и это совпало с его намерениями, потому что он только что сочинил мне «Bruderschaftsbrief»³. Он показался нам совсем обновленным... Неужели же «обманул»? И сам он говорил, что теперь — иной. Стихи, которые он читал, только укрепили наши надежды. Намечаются две новые струи: *детская* поэзия, которая кажется будет действительно детской, в лучшем смысле (а это в своем роде «венец», — конечно, завидный для каждого поэта), и *сатирическая*⁴. Я советовал ему объединить сатиры в самостоятельный сборник, написать «Херіен» на недруга и друга⁵, — потому что он часто хороши как сатирик (вопреки мнению большинства) и даже прикоснулся к стихии юмора (также «венец»). Наконец — last not least * — его старый лиризм — как старое вино — сделался еще сильнее и благоуханнее, его «певучая сила» еще энергичнее, — вольней и задушевней. Он сидел с нами до 5 часов утра и неохотно ушел, пил вино и не пьянел. Между прочим, я сказал: «На твоём знамени написано *Мгновенность*». Это оказалось совпадающим с одним его новым стихотворением⁶. Правда, придя, покапризничал, разочарованный присутствием чужих лиц, и нам стоило труда и дипломатии, чтобы провести при нем предполагавшееся чтение: Осип Дымов⁷, приведенный Чулковым, все же прочел новый рассказ; Сологуб, находившийся и отошедший далеко при появлении Бальмонта, читал сказки⁸; Чулков сообщил два стихотворения Блока и твое новое (мне, увы, чуждое)⁹, — после чего и Бальмонт прочел наизусть твоего «Крысолова»¹⁰. Я не помнил заглавия и знал его как «Гра-ла-ла...» Прочел так музыкально, что я впервые оценил его вполне. В твоём чтении оно меня тогда не захватило; а между тем Бальмонт подражал именно твоим приемам. И все были очарованы. Наконец, он начал читать свои стихи... На другой день Бальмонт завтракал у нас, мы гуляли по крыше нашего жилища и опять, как некогда, заглядывались в бездны, потом я проводил его на вокзал.

* последнее, но не по важности (англ.).

Здесь, перед отходом поезда, все время сожалел, что не остался в Петербурге на день, чтобы побыть с нами и съездить вместе к *Сологубу* (1), — вдруг начал исповедь: «Ты бы меня не встретил так, если бы знал, что недавно в письме к Валерии я тебя уничтожил в трех строчках... Дальше — цитата, из которой мне запомнились выражения: «аптекарьские весы» и «медоточивый дистиллятор»¹¹. Я сказал: «Ты не смеешь отрицать меня, — или ты не поэт»... В общем, следовательно, возрождение всех надежд на Бальмонта — и ужели же он «обманул»?

Боюсь, что семейные полемики в «Весах» не кончатся. Если Белый «извиняется», — это колкость¹². Моя полемика не имеет ничего личного. За «Теоретика» как карикатуру извиняться нечего; я умею смеяться от души над карикатурами. Но в «Теоретике», с точки зрения *личной*, есть и клевета. Теоретик — шарлатан. Он не пережил того, что проповедует. Он согладалтай чужих переживаний, репортер, плагиатор. Но я, поистине, не записывал в памятную книжку прозрений Белого... Кстати, спасибо за восстановление литературной собственности моих идей. Надеюсь, ты высмеивал не их в своей речи, а их интерпретации или применения¹³. Даже не «надеюсь», а *знаю*. Ты едва ли идеи эти разделяешь, по крайней мере, едва ли целиком, и в применении к данным условиям, — но ты знаешь им цену... Белого же я нахожу — весьма загадочным...

Очень твой — Вячеслав

Могут ли тебе быть по душе прилагаемые стихи ?

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ Библейская реминисценция (Бытие, XI, 1—9).

² 14 сентября. Далее описывается одна из первых «сред» Иванова.

³ Это «братское послание» (*нем.*) неизвестно. Ср. стихотворение «Вячеславу Иванову» (1915) в кн.: К. Д. Б а л ь м о н т. Стихотворения. Л., 1969, стр. 478.

⁴ «Детская поэзия» Бальмонта составила сб. «Фейные сказки. Детские песенки» (М., «Гриф», 1905; вышел в сентябре 1905 г.). «Сатирическая поэзия» — вероятно, его политические стихи, обличающие самодержавие и воспевающие революцию и рабочих (осень 1905 г.; см.: К. Д. Б а л ь м о н т. Стихотворения. СПб., «Знание», 1906; К. Б а л ь м о н т. Песни мстителя. Париж, 1907).

⁵ Ксении — в древнегреческой поэзии — небольшие стихотворные посвящения хвалебного или юмористического содержания; в новой литературе знамениты юмористические и сатирические ксении Шиллера и Гете. Возможно, что Бальмонт читал в этот вечер ксении, в которых выведены Белый, Иванов и Брюсов (см. его письмо Брюсову от 5 сентября 1905 г. — ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 3, ед. хр. 6).

⁶ Вероятно, «Зарево мгновений» (К. Д. Б а л ь м о н т. Литургия Красоты. Стихийные гимны. М., «Гриф», 1905) или «Гений мгновенья» (там же). Апология «мгновенности» — один из основных мотивов лирики Бальмонта. Ср.: *Далекие и близкие*, стр. 73—75.

⁷ Осип Дымов (Осип Исидорович Перельман, 1878—1959) — писатель и журналист: получил известность после выпуска в мае 1905 г. сборника рассказов «Солнцеворот» (М., «Гриф»), на который Г. И. Чулков дал сочувственный отклик («Вопросы жизни», 1905, № 6).

⁸ «Сказки» Ф. Сологуба объединены в сборниках «Книга сказок» (М., «Гриф», 1905) и «Политические сказочки» (СПб., «Шиповник», 1906).

⁹ Вероятно, Чулков читал стихи цикла «Из современности» (см. п. 41, примеч. 2).

¹⁰ Стихотворение «Крысолов» (*St*), написанное 18 декабря 1904 г., было известно Бальмонту в рукописи.

¹¹ См. письмо Бальмонта к Брюсову от 5 сентября 1905 г.: «Хорош многим Вячеслав, но, к сожалению, он более чем что-либо — ученый провизор. Медоточивый дистиллятор» (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 3, ед. хр. 6). Два года спустя он повторил эти слова печатно: «И в одних вещах это истинно русский пленительный лесной поэт, в других, в огромном большинстве, он не более как словесник-дистиллятор» («Наше литературное сегодня. Заметка». — «Золотое руно», 1907, № 11-12, стр. 62).

¹² См. п. 40, примеч. 4.

¹³ Вероятно, речь идет о публичном выступлении Брюсова по поводу «Театра Диониса» (см. п. 45, примеч. 4).

47. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Понесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры¹.

⟨Петербург.⟩ 24 окт⟨ября 19⟩05

Дорогой Валерий,

Я начинал писать тебе, но ничего не выходило из прерываемых фрагментов. Да и что теперь писать?

Говорить ли, как взволновала меня весть о твоей близкой опасности? Решительно, ты заходишь слишком далеко для «наблюдателя», — хотя бы этот наблюдатель был и поэт, царственно обязанный видеть и пережить, — чье «наблюдение» — уже дело².

У вас, в Москве, теперь особенно чувствуется, как дохнуло неистовство из бездны темных сил.

Конституции ты «не веришь» и «не радуешься»³. «Верить» в ее близкую реальность, конечно, трудно, принимать Государственную Думу с функциями учредительного собрания, если она основана не на общеизбирательном праве и не выражает, следовательно, всенародной воли, не следует, но не радоваться нельзя тому, что самодержавие, принужденное к самоубийству, нанесло себе рану на этот раз смертельную, — тому, что самый лозунг недавней борьбы — «долой самодержавие» — отныне стал праздным.

Что до самодержавия, — мы, художники, конечно, знаем, какой вместимости разбился сосуд для гениальной силы. Но ведь наш Петр не только Первый, но и единственный. Уже давно самодержавие — «личина пустоты», маска, из-за которой искаженно и хрипло говорит не личность, а чужая воля. Ведь уже Александр III был только фонографом общенародной реакции восьмидесятых годов; а он был все-таки личностью. Пусть же всенародный голос прямо слышится. Пусть мир увидит (это мой исконный идеал) — государственное единство славянских народовправств.

Не забывай, впрочем, что я рассуждаю в плане политическом, т. е. в плане относительных масштабов. Есть иной план — духа и пророчества, абсолютных мер и конечных идеалов. Он вместе бесконечно далек и непосредственно близок, осуществим мгновенно чрез подъем личный (царство небес здесь и в нас). Это вождеденная анархия духа, могущая сразу осуществиться в общинах избранных — об этом мой «Кризис индивидуализма»⁴...

Величава и прекрасна была «вечная память» на Невском к вечеру 18-го октября⁵. И было чудо: при полном отсутствии полиции не только пешая толпа, но и экипажи двигались, при массовом стечении, в непонятно-стройном порядке; более того, извозчики дружелюбно и «вежливо» объяснялись между собою, сцепляясь и выпутываясь, они не хотели ругаться, хотя руготня — красивый лиризм ремесла. Но митинг в тот же день в университете оставил тягостное впечатление. Лозунг «республика» — провокация масс, роковая тактическая ошибка⁶.

Твой В я ч.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ Не совсем точная цитата из стихотворения Брюсова «Грядущие гунны» («Вопросы жизни», 1905, № 9; St).

² Вероятно, Иванов знал то, что Брюсов писал Чулкову о себе в дни октябрьской политической стачки и революционных волнений в Москве: «Впрочем,

пока я не более как наблюдатель, хотя уже и попал под полицейские пули» (Тулков, стр. 336). Ср. письмо Брюсова к А. А. Шестеркиной от 1 ноября 1905 г. (наст. том, стр. 654).

³ Ср. стихотворение «Довольным», написанное 18 октября 1905 г. (St). О сложности отношения Брюсова к революции 1905 г. см: И. Я м п о л ь с к и й. Валерий Брюсов и первая русская революция (ЛН, т. 15); Максимов 1969, стр. 164—175.

⁴ См. п. 43, примеч. 8.

⁵ 18 октября весь день на Невском проспекте проходили манифестации по поводу манифеста 17 октября. Событие, описанное далее Ивановым, происходило около 6 часов вечера. «В неясных лучах электрического света, падавшего с высоких фонарей, видна была громадная толпа народа, запрудившего площадь около Александровского сада в том месте, где пали жертвы 9-го января. Тихое, величавое пение «вечная память» неслось по рядам толпы, начиналось в одной группе, перекидывалось дальше, опять возвращалось. Все стояли без шепота. Минута была торжественная и печальная» («Наша жизнь», 1905, № 310, 22 октября).

⁶ 18 октября на митинге в университете ораторы выступали с требованием демократической республики («Новое время», 1905, № 10 638, 22 октября). Это же требование прозвучало на митинге у Казанского собора («Русские ведомости», 1905, № 274, 19 октября).

48. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 17.XII ⟨1⟩905

Дорогой Валерий,

Пишу наскоро: ждет посланец, принесший твое письмо. Ответ должен быть дан тотчас, так как сегодня же уезжает в Москву то лицо, посредству которого я обязан твоим письмом. Приветствую счастливую «оказию» и благодарю тебя от души за то, что ты ею воспользовался, чтобы послать мне несколько строк, которыми я счастлив. Ведь, разумеется, я все время думал о тебе, болел за тебя особенно, как и за Бальмонта... Но буду краток. Белый еще здесь ¹. «Вопросы жизни», быть может, возродятся — в марте ². «Факель» становится реальностью. Начинается работа ³. О «Вессах» Белый повествовал, что «подписал» какую-то «бумажку», но толково не умел передать ее содержания, Усвоил, однако, что подписавшиеся обязуются отдавать все, ими написанное, редакции «Весов» и получают право печатать в других изданиях все, чем редакция «Весов» — не дорожит ⁴. Не понимаю, как мог Бальмонт согласиться на такое предложение! Для меня подобная дистилляция моих писаний неприемлема. Я мог говорить с Михаилом Николаевичем о «монополизации» нашего творчества «Весами» (подразумеваю, относительной и ограниченной монополизации) лишь на базе полной независимости и свободы поэтов, долженствующих объединиться в «Вессах» ⁵. Если мы не можем печатать в нашем органе все, что хотим и сколько хотим, то орган не наш. Это принципиальная база. Далее, нужно материальное обеспечение и широкая свобода участия в любом органе печати, ограниченная нами самими (разумею писателей) автономным нашим решением, которое будет продиктовано нам чувством такта и приверженности к родному, своему органу. Итак, «конституции», о которой ты пишешь, я — как ты и предвидел — не приемлю. В «Золотом руне» стал бы участвовать *во всяком случае*, как уже и обещал *наверное* С. А. Грифу и Тароватому ⁶. Присоединится ли Белый к обновленным «Весам» на этих условиях окончательно, не знаю. Действительность подписи Бальмонта, о которой говорил Белый, быть может, по недоразумению, — мне кажется очень сомнительной... Боюсь, однако, что просто, по бестолковости своей, *не понял* условий: до такой степени предложение является мне невероятным. 4 сотрудника-поэта делят между собой 300 рублей и не смеют ничего более зарабатывать (разве случайно — слабейшими из своих писаний), притом они подвергаются чьей-то верховной цензуре! Курьезный аппарат для снятия сливок с подои-ников Музы!

Привет вам, дорогие, от меня и от Лидии Дмитриевны. Кланяйся тем, кто меня помнит. Обнимаю тебя горячо. Поздравляю с «Венком»¹. Ухитрись писать мне.

Очень твой Вячеслав

Не может ли мне Михаил Николаевич, которого сердечно приветствую, написать два слова о деньгах и других делах?

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ А. Белый вернулся из Петербурга в Москву только около 27 декабря 1905 г.

² «Вопросы жизни», прекратившиеся на декабрьском номере 1905 г., больше не возобновлялись.

³ Организатором альманаха «Факелы» (кн. I—III. СПб., 1906—1908) и официальным издателем его первой книги (вышла в апреле 1906 г.) был Чулков; Иванов принимал в альманахе участие и всячески поддерживал его. О полемике между ним и Брюсовым по поводу первой книги «Факелов» см. п. 50, 51, 53.

⁴ О проекте реорганизации «Весов» и об отношении к нему А. Белого см. наст. том, стр. 280—282.

⁵ По-видимому, эти разговоры велись зимой 1904—1905 гг., во время пребывания М. Н. Семенова в Женеве.

⁶ «Золотое руно» — литературно-художественный журнал (М., 1906—1909; изд. Н. П. Рябушинский); к его созданию были привлечены С. А. Соколов (Гриф) и Н. Я. Тароватый. Вначале Иванов колебался, принять ли ему предложение участвовать в «Золотом руне» — 1 декабря 1905 г. он писал А. Белому: «... я послужил причиной личных твоих несогласий, и потому, когда пришли ко мне вчера С. А. Соколов и Н. Я. Тароватый с предложением сотрудничества в «Золотом руне» и при этом сказали мне (в ответ на мой вопрос о твоём участии в новом журнале), что осложнения личного характера делают для редакции невозможным обратиться к тебе с приглашением сотрудничать, но что ты в глазах их, твоих почитателей, являешься одним из самых желанных сотрудников, — мне было трудно согласиться на предложение, ими ко мне обращенное, при условии твоего неучастия в «Золотом руне», — несмотря на все мое желание дать свое имя и помещать там свои писания. Ибо «Золотое руно» прежде всего не «Искусство», а совершенно независимое от последнего предприятие, и притом предприятие, должественное объединить все наши литературные силы и могущее занять в области новой поэзии и нового искусства центральное место (...). Только предложение с твоей стороны сделает возможным наше (обоим) участие в «Золотом руне» (ГБЛ, ф. 25.16.2). Вероятно, Белый последовал совету Иванова, так как оба писателя стали сотрудниками «Золотого руна». О личных несогласиях» Белого с С. А. Соколовым см. п. 43, примеч. 9.

⁷ Сборник «Stephanos» вышел во второй половине декабря 1905 г.

49. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 12 янв⟨аря 1⟩906

Дорогой Валерий,

Знаешь ли ты, как это знаю я, — что ты воздвиг нашей дружбе памятник «вечнее меди прочной»¹? Слова благодарности здесь немы. Говорить о моей любви к тебе также не нужно, — да и горько, раз нельзя воплотить ее в жизни и возможно явить только в иероглифах. Но как хотел бы я быть достойным другом тебе! Такое обязательство становится творческой силой: человек делается *excelsior**.

Не могу оторваться от «Венка», который ты сплел из такого изобилия, что у тебя достало цветов — или священного плюща, — чтобы увенчать и меня. И не удивительно, что не могу оторваться от твоей книги: она одна из совершенных, о которых сказано «*nocturna versate manu, versate diurna...*»². Кажется, мне не нравится в ней одна только строчка (последняя на 82 странице: «понял — мы в раю», — да еще разве «пылающий металл») ³. Невелика твоя книга, но какой царственный пир! Является мне ряд лирических характеристик; то, что прилагаю, — случайно, и не исчерпывает моих

* возвышеннее (лат.).

впечатлений. Решительной антитезы к «Urbi et Orbi» «Stephanos» не составляет, это еще одна большая эпоха, и мой сонет преувеличивает противоположность, в поисках за нюансом разницы⁴. Повторяю, это не такая характеристика, какая нужна; но разница в строе лиры все же есть, и объясняется она не одною твоей многострунностью, не одним только поворотом от Рима к Элладе. Есть успокоенность полдня. Я буду писать о «Венке» еще; теперь же скажу, по поводу новых стихотворений, что «Повседневность» гениально набросана⁵, что люблю безмерно «Целение», люблю и «Олимпийцам», что равно превосходны «Духи огня» и «Слава толпе». Как хотел бы я, чтобы ты был возле...

Твой моею лучшею душой Вячеслав

Иоанне Матвеевне пишу; приветствую ее с новым годом и поздравляю с «Венком».

Написано по получении сборника «Stephanos», посвященного Вячеславу Иванову поэту, мыслителю, другу».

¹ Первая строка оды Горация («Ehægi monumentum ære perennius...») в переводе Фета.

² «Листайте ночью рукой, листайте дневною» — строка из послания Горация «О поэтическом искусстве» («De arte poetica», 269).

³ Строки из стихотворений «Два голоса» и «Прощание».

⁴ К письму был приложен совет Иванова «Stephanos» («Cor Ardens», ч. I), тема которого — противопоставление двух поэтических книг Брюсова; на одном листе с ним — стихотворение, в печати не появлявшееся (ГБЛ, ф. 386.7.9, л. 21—22):

«Надпись под «Венком»

του συυεστησανομενου υπογραφή *

Сам он имя мое начертал на этом базальте:

Памятник славы его — память векам обо мне.

К черной скале Чародея вы, верные челны, причальте!

Здесь он в бессмертье глядел, к темной склонясь глубине...

Но забвеньем о мне соплетенных теней не печальте,—

Кто ему в очи глядел, к темной клонясь глубине!

Январь 1906».

⁵ «Повседневность» — цикл из 12 стихотворений, большая часть которых впервые опубликована в *St*, также как и стихи, о которых говорится далее.

50. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

⟨Москва.⟩ 19 мая 1906

Дорогой Вячеслав!

Твой ответ Аврелию мною получен и, конечно, будет напечатан в «Весах»¹. Но в каком №, в 6 или 7, еще не могу сказать тебе определенно. Ты понимаешь, что тотчас за выходом майской книжки была выработана программа июньской. Изменить ее не легко, придется вынуть статью одного из тех, кому уже обещано ее помещение. К тому же большая часть (июнь)ской книжки уже набрана, а часть и напечатана. Несмотря на это, может быть, удастся втиснуть «О факельщиках etc.» еще в № 6, но корректуры в этом случае не требуй: не успеем. Если же статья пойдет в № 7, корректуры будут тебе высланы заблаговременно.

Никакого редакционного примечания к твоей статье не будет, и возражать на нее Аврелий не будет. Но здесь, в частном письме, скажу тебе, что ты прав только *формально*. Совершенно справедливо, многого из того, о чем говорит Аврелий, нельзя вывести из «Факелов». Но он вынес это из личных бесед с тобой и с Георгием Ивановичем. «Факелы» имеют притя-

* Соувенчанного надписание (греч.).

АЛЬМАНАХ «ФАКЕЛЫ»

Книга первая. СПб., 1906

Обложка (по рисунку Е.Е. Лансере)

знание быть новой литературной школой (слово «течение» поставлено Аврелием только затем, чтобы смягчить неожиданный вывод)². «Факелы» противопоставляют себя декадентству и символизму. Все это бесспорно — для меня. А если декаденты, в том числе Валерий Брюсов, участвуют в «Факелах»³, не принеся публичного покаяния, то ведь не так уж много мест у декадентов, и в том числе у Валерия Брюсова, где они могут печатать свои стихи. А если направление «Факелов» враждебно Валерию Брюсову, то многие из участников альманаха ему любезны и дороги: он любит тебя, дружески расположен к Георгию Ивановичу, очень, очень, очень чтит Блока, А. Белого и т. д. и т. д. Почему же ему не участвовать в «Факелах» тем, что их редакция считает для себя приемлемым? Не вижу причин. Другое дело, если бы надлежало выбирать, где печатать свои стихи, в «Весы» или в «Факелах»: он предпочел бы «Весы». Но у него нашлось бы стихов и для «Весов» и для «Факелов». Все это рассуждения теоретические, ибо после моей статьи «Факелы» очевидно меня не пожелают больше

Неоконченный черновой автограф. Окончательный текст письма неизвестен.

¹ В статье «Вехи». IV. «Факелы» («Весы», 1906, № 5; подпись: Аврелий) Брюсов выступил с критикой «мистического анархизма», который заявил о себе в первом выпуске альманаха «Факелы» (см. п. 48, примеч. 3). Иванов возражал ему статьей «О факельщиках» и других именах собирательных. По поводу статьи Аврелия («Весы», 1906, № 6).

² Брюсов писал: «Итак, — перед нами новое течение в литературе, до известной степени новая «литературная школа» («Весы», 1906, № 5, стр. 54).

³ Брюсов опубликовал в первой книге «Факелов» два стихотворения под общим названием «Близким» («Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши...» и «Нам руки свободные свяжут...»), не включенные в собственные сборники; в последующих выпусках альманаха он не участвовал (см. об этом: Чулков, стр. 342—344).

51. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

(Петербург. 3 июня 1906 г.)

Дорогой Валерий,

Благодарю тебя, «верный друг моей поэзии» (ведь не *только*, однако, поэзии??), за твою книгу¹. Я только что получил ее. Радуюсь твоему новому трофею. — Кстати о Верхарне — я забыл тебе сказать, что «Свиньи», по моему, — *chef d'oeuvre* и что «Адская почта» была в великой горести при вести о появлении томика, потому что «Женщина на перекрестке» от них ушла!²

Относительно «Cor Ardens», я был бы рад, если бы книга имела целиком внешность «Stephanos»'а³. Так как и Верхарн издан аналогично, я думаю, что это мое заявление значительно упрощает решение вопроса о формате, шрифте и т. д. Что касается шрифта, то как ни лежит мое сердце в последнее время к крупным шрифтам для стихов (даже корпусу, как в «Сочинениях» Бальмонта), тем не менее красивее всего будет эльзевир со шпонами — т. е. именно точное воспроизведение «Stephanos»'а. Думал я еще, как тебе и говорил, о малом формате и т. д. по образцу «Кормчих звезд»; но это были бы поиски за неизвестным. Да и более *сообщительной* будет казаться книга в формате ваших последних томов. Издание «Stephanos»'а я считаю совершенно красивым. Что же до обложки (по-моему, лучше всего — простой, с красным COR ARDENS), об этом еще, может быть, поговоримся потом⁴. Я вышлю в скорейшем времени текст, начиная с 1-го отдела. Как заглавный лист, так и лист посвящения можно напечатать после. Я не нашел еще окончательной редакции латинских строк⁵.

Ты пишешь, что прав я в своей полемике только формально. Но, Валерий, из разговоров *со мной* ты не мог вынести впечатления, что факельщики выдают себя за литературную школу, — ибо я никогда так не мыслил и теперь не мыслю. Подумай, какая же тут новая литературная школа, если мы смешиваемся в одной кучке с реалистами⁶. И разве я-то стал иной, чем прежде, как стихотворец, в «Факелах»? И не символизм ли все мое, по крайней мере, в «Факелах»? Поистине, я *semper idem* *, хотя, конечно, в силу закона *πάντα ῥεῖ* ** и самоутверждения моей жизненности, *καὶ ἴω ῥέω* ***. Повторяю, что «мистический анархизм» — символизм, пронизанный лучом соборности⁷. Впрочем, самоопределение «мистического анархизма» скажется теоретически в книжке статей Г. Чулкова с моею основательной «вступительной статьей» к ней, которая печатается⁸. — О Пояровке позволю написать в «Весы» на днях⁹. Мне жаль, что все еще не приготовил свою статью «Эллинизм, варварство и мы», где буду говорить о «Stephanos»'е¹⁰.

Обнимаю тебя. Твой В я ч.

Г. И. Чулков просил меня оговорить, что он не противопоставлял мистического анархизма «жалкому» декадентству» как течению, обнимающему и нашу с тобой деятельность, но «лжедекадентству» Вашкевича etc. Загляни в «Вопросы жизни» сам (№ 9)¹¹.

Ответ на п. 50. Датируется на основании пометы Брюсова на автографе: «19.3.VI.06».

¹ Эмиль В е р х а р н. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова (М., «Скорпион», 1906). 3 июня 1906 г. Иванов записал в дневнике: «Я получил от Валерия его «Верхарна», — с подписью «Вяч. Иванову от друга его поэзии». Холодность?» (ГБЛ, ф. 109).

² Перевод сонета Верхарна «Свиньи» впервые опубликован в журнале «Адская почта» (1906, № 1 — см. наст. том, стр. 562). Чулков, близко стоявший к редакции

* всегда тот же (*лат.*).

** все течет (*греч.*).

*** и я теку (*греч.*).

этого журнала, писал Брюсову о втором переводе: «Как жаль, что «Адская почта» не успела напечатать вашего перевода из Верхарна!» (ГБЛ, ф. 386.107. 47, л. 7об.).

³ См. п. 39, примеч. 4.

⁴ О взглядах Иванова на принципы оформления его книг см.: Н. В. Котрелев. Писатель и искусство книги. (По неизданной переписке авторов издательства «Скорпион»). — «Вторая всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. Секция искусства книги. Тезисы докладов». М., 1974, стр. 41—44.

⁵ См. п. 57, примеч. 6.

⁶ В первом выпуске «Факелов» участвовали не только писатели-символисты (Белый, Блок, Брюсов, Иванов, Сологуб, Чулков), но и писатели-знавьевцы (Л. Андреев, Бунин).

⁷ Этой фразой Иванов резюмирует главную мысль своей статьи «О «факельщиках» и других...» («Весь», 1906, № 6, стр. 55).

⁸ Книгу Чулкова «О мистическом анархизме» (СПб., «Факель», 1906) открывает вступительная статья Иванова «Идея неприятия мира и мистический анархизм». Брюсов откликнулся на книгу полемической статьей «Вехи. V. Мистические анархисты» («Весь», 1906, № 8; подпись: «Аврелий»).

⁹ Николай Ефимович Полярков (1877—1918) — писатель символистского круга. Иванов написал рецензию на его первую книгу стихов «Солнечные песни» (М., 1906). — «Весь», 1906, № 7.

¹⁰ «О твоём «Венке» буду писать в общей связи статьи «Эллинизм, варварство и мы», которую задумал и надеюсь вскоре написать и выслать», — писал Иванов Брюсову в феврале 1906 г. Замысел этой статьи был реализован через год («О веселом ремесле и умном веселии». — «Золотое руно», 1907, № 5). Однако от мысли включить в нее разбор книги Брюсова Иванов отказался.

¹¹ Иванов ссылался на статью «Театр-студия» («Вопросы жизни», 1905, № 9), в которой Чулков критиковал предпринятую Н. Н. Вашкевичем попытку создания нового театра (см. п. 45, примеч. 4).

52. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

«Висби. Начало июля 1906 г.»

Дорогой Вячеслав!

Пишу тебе из маленького, скудного, современного Висби, для которого слишком велики гигантские стены старого, ганзейского, средневекового города. Из моего окна видно небережное море; с балкона — развалины разоренных в XIV в. датчанами храмов¹. Ничего не делаю и ничего не собираюсь делать. Учусь отдыхать. Не читаю никаких газет. Лепечу по-шведски². Очень хотел бы получить весть от тебя и обещаюсь писать.

Твой Валерий

Адрес: Sverige, Gotland, Wisby, Stadshotellet, 83, Valery Brusoff.

Датируется по содержанию: Брюсов приехал в Висби в начале июля 1906 г. (см. п. к Г. Бахману от 4 июля 1906 г. — *Собр. соч.*, т. 1, стр. 640).

Письму предшествует стихотворение «На Мэларе» (*Пути и перепутья*, т. III).

¹ Висби — город на шведском острове Готланд, в средние века — крупный торговый центр. В 1361 г. разорен войсками датчан. Ср. стихотворение «Висби» (*Пути и перепутья*, т. III).

² Ср.: *Дневники*, стр. 137.

53. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

«Москва.» 17 окт<ября> 1906.

Дорогой Вячеслав!

Наша литературная полемика, явная и скрытая, последнего времени, как-то разлучила нас с тобой. Вполне понимаю, что иные строки моих статей могли возбудить твоё, скажем, неудовольствие. Но мне хотелось бы, чтобы и ты понял меня. В проповеди, затеянной тобой с Георгием Ивановичем¹, мне видится нечто глубоко гибельное для того движения в литературе, которому я служу. В одной полемической статье ты восклицал: «Ибо ведь не тенденциозность же я защищаю!»² Увы, мне кажется, что

именно тенденциозность, — и я готов нападать на тебя с той же яростью, как когда-то на критиков школы Михайловского. Я прямо вменяю себе в долг всеми средствами, вплоть до насмешки, бороться с «мистическим анархизмом» и твоим «неприятием мира».

Все это я пишу тебе по поводу, совершенно не относящемуся к нашим отношениям. Сколько мне известно, В. Пестовский в Петербурге. Ты его, вероятно, выдаешь. Я его адреса не знаю. В № 10 «Весов» я включил три его стихотворения: «Вечеру по покосу» (озаглавленное мною «Эльфы»), «До сих пор» и «Призыв». Хотя в последнем письме он и давал мне право свободно распоряжаться его стихами, но, памятуя мюнхенский случай, я очень хотел бы известить его о своем выборе. Если тебе это не трудно, сделай это от моего имени. В крайнем случае, если неудобно, не откажи сообщить мне адрес Пестовского³.

Твой Валерий Брюсов

P. S. На будущей неделе буду на один или на два дня в Петербурге. Может быть, увижу тебя мельком? Можно?

¹ См. п. 50, примеч. 1 и п. 51, примеч. 8.

² Иванов писал: «Но художники, не изменяя себе, могут группироваться и группировать свои творения по иному принципу — по принципу не формы, а содержания. Конечно, не как «передвижники», потому что не тенденциозность же я защищаю!» («О «факельщиках»...» — «Весы», 1906, № 6, стр. 54).

³ Владимир Алексеевич *Омельянович-Павленко-Пестовский* (псевд. — Вл. Пяст, 1886—1940) — поэт символистского круга. 13 мая 1906 г. писал Брюсову из Мюнхена, требуя остановить печатание своих стихов в «Весах», так как Брюсов якобы «присвоил себе» найденные им рифмы. На объяснительное письмо Брюсова ответил 11 июля 1906 г.: «Не могу вполне припомнить содержание своего письма (оно было мною написано в бреду и донести его до почтового ящика мне не было силы). Знаю только, что никаких причин не имею и не имел не печатать стихотворения «До сих пор» в «Весах». Приношу свои искренние извинения; присоединяюсь к вашему любезному предложению считать письмо не бывшим...» (ГБЛ, ф. 386, 99.49). 19 октября 1906 г. он писал Брюсову, что согласен на публикацию отобранных им стихов (там же).

54. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

«Москва.» 1906. декабрь 24

Дорогой Вячеслав!

Привет и поздравления. Не напишешь ли ты для «Весов» о книге Бердяева?¹ Знаешь сам, что больше, кроме тебя, некому. Прости опечатки в «Орах». Ты прислал объявление поздно, и оно печаталось без корректуры². Благодарю Сергея Митрофановича за «Ярь»³. Пишу ему отдельно. Книга очень интересная. Дам ее разбор в феврале «Весов», — хотелось бы вместе с «Эросом»⁴. Письмо бросает, проездом через Петербург, Надежда Яковлевна.

Твой Валерий

P. S. А может быть напишешь и о Толстом — Шекспире?⁵

¹ Николай Бердяев. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900—1906 гг.). СПб., изд. М. В. Пирожкова. 1907. Проявив живой интерес к предложению Брюсова (см. п. 55 и 57), Иванов, однако, рецензии не написал. Никакого отклика на книгу Бердяева в «Весах» не появилось.

² В объявлении о книгах изд-ва «Оры», возглавляемого Ивановым, были допущены опечатки в названиях книг А. М. Ремизова и Иванова («Весы», 1906, № 12, стр. 100).

³ Первый сборник С. М. Городецкого («Ярь. Стихи лирические и лироэпические»). СПб., изд. «Кружка молодых», 1907) сохранился в библиотеке Брюсова (ГБЛ, ф. 386).

⁴ Сб. стихов Иванова «Эрос» (СПб., 1907) — первая книга, выпущенная изд-вом «Оры». Отзыв о нем и о сб. «Ярь» Брюсов дал в обзоре «Новые сборники стихов» («Весы», 1907, № 2).

⁵ Рецензию на статью Л. Н. Толстого «О Шекспире и о драме» («Русское слово» 1906, № 277—282 и 285, 12—18 и 23 ноября) Иванов не написал. «Весы» поместили обзор ответов французских литераторов на анкету газеты «Les Lettres» по поводу воззрений Толстого на Шекспира (1907, № 3, стр. 99).

55. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 9.I.1907

Дорогой Валерий,

Прости молчание. Прими мою благодарность за присылку «Оси земной»¹. Об ней — все еще потём. Многое увидел и понял. Сегодня пишу только два слова. Посылаю «Эрос»². Сегодня лишь он появился в свет. Брошюрщик подвел. Я тебе горячо благодарен за все доброе отношение к «Орам». Впечатление от нашего последнего свидания было самое светлое. Твой образ, каким он предстал мне в Москве, глубоко запечатлелся в моей душе.

Едет в Москву Юрий Верховский — показать тебе свой составленный сборник³. При составлении его он пользовался моими советами. Желая ему доброго успеха в «Скорпионе». Ясно вижу в этой будущей книге индивидуальность поэта, ибо он, конечно, поэт и имеет индивидуальность. «Тени ночные» правильнее, быть может, было бы назвать «Полутенями»⁴. Как *poète des pénombres* *, он играет на полутонах и ассонансах. Здесь и преимущественная заслуга его в области техники. Притом, несомненно, истинный лирик. Много поисков, много и обретений; значительное разнообразие, — но настоящее мастерство еще далеко не везде, и почти везде какая-то вялость и (подчас приятная!) бледность, зато истинная, хоть и несколько флегматическая лирика. И если бы нужно было составить томик его *carmina selecta* **, это был бы превосходный томик. Но чтобы раскрыться ему в его многообразии и как он того заслуживает, необходимо, по-моему, дать не менее полсотни его лирических вещей и, кроме того, его подражания, среди которых есть и перлы, как «Романсы о Вилламедьяне»⁵. Представить его *так* — по силам «Скорпиону» и задача необходимая с точки зрения историка литературы.

Быть может, я буду читать здесь цикл лекций (5—6) о символизме в русской поэзии (считая его родоначальником Тютчева) в здешней Русско-американской High-School, где я обещал курс⁶.

«Iris in Iris» скоро вышло. Сомов уже набросал предварительный эскиз обложки⁷. Поручение рецензировать книгу Бердяева встретилось с моим намерением. Пожалуйста, подождите моей статьи.

Стихов новых и хороших для января нет.

Буду прилежен. Обнимаю тебя.

Твой Вячеслав

Лидия Дмитриевна уже дома, хотя и должна лежать⁸. Спасибо.

Получила ли контора «Скорпиона» 50 экземпляров «Эроса» для продажи?

¹ Первое изд. сб. «Земная ось» (М., «Скорпион», 1907) вышло в декабре 1906 г.

² См. илл. на стр. 496.

³ Сборник Ю. Н. Верховского «Разные стихотворения» вышел в изд-ве «Скорпион» в 1908 г.

⁴ Этот цикл стихов получил в сборнике название «Тени».

⁵ «Романсы о графе Вилламедьяне» вошли в сб. «Разные стихотворения».

⁶ Сведений о чтении этих лекций нет.

⁷ «Iris in Iris» («Радуга в гневе») — предполагавшееся заглавие сборника «Сог Ardens». Упомянутый эскиз обложки неизвестен.

⁸ Л. Д. Зиновьева-Аннибал перенесла воспаление легких и лежала в больнице (см.: *Дешарт*, стр. 125—126).

* поэт сумерек (*франц.*).

** избранных песен (*лат.*).

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ. «ЭРОС». СПб., «ОРЪ», 1907

С дарственной надписью: «Valerio meo — amicus amico, vati sodalis, iudici reus. V. I.»
 («Моему Валерию: другу — другу, поэту — товарищу, судье — ответчик В. И.»)
 Обложка и шмуцтитул

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

56. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

〈Петербург. Середина февраля — 26 февраля 1907 г.〉

Дорогой Валерий, мне было горько узнать, что для помещения моих стихов в январе ты пожертвовал своими¹; я бы, конечно, никак этого не хотел, но если это непоправимо случилось, мне остается только горячо благодарить тебя за это доказательство твоих чувств ко мне, которого я никогда не забуду. — Только что телеграфировал тебе о конфискации второго выпуска «Ор» — «Тридцати трех уродов» Зиновьевой-Аннибал — «вероятно (как телефонируют из типографии) по статье 1001 (обвинение в безнравственности?)»². Надеюсь, что «Скорпион» получил свои 50 экземпляров на склад и спас часть издания. — Хотел известить тебя между прочим и о следующем: хоть и со свойственной мне медлительностию и опозданием, но письмо, протестующее против рецензии о Шинском, в «Перевал» я послал (именно с Чулковым)³. Гриф согласился его напечатать, хотя к январскому № оно уже опоздало и появится лишь в феврале. Таким образом, я остаюсь в числе сотрудников «Перевала». — Литературное событие дня — «Снежная маска» А. Блока, которая уже набирается в «Орах». Это два цикла стихов («Снега» и «Маска») — вместе 30 стихотворений⁴. Я придаю им величайшее значение. По-видимому, это апогей приближения нашей лирики к стихии музыки. Блок раскрывается здесь впервые вполне и притом по-новому, как поэт истинно донисийских и демонических, глубоко оккультных переживаний. Звук, ритмика и ассо-

нансы пленительны. Упоительное, хмелевое движение. Хмель метели, нега Гафиза в снежном кружении, сладострастие вихревой влюбленной гибели.— Дивная тоска, и дивная певучая сила!

26.11.

Это было написано давно. Посылаю этот листок, чтобы доказать, что не так уж мало думаю о переписке с тобой, как кажется. Маша (?)⁵ уезжает и писать не могу больше. Буду работать сколько хочешь и охотно. Целую.

В я ч е с л а в

Напечатай об «Орах». Появятся очень скоро: «Трагический зверинец», «Снежная маска», «Тайга», «Лимонарь», «Перун», «По звездам», «Ad Rosam». Все под станком⁶. Но *больше* ничего за этот сезон.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ В первом номере «Весов» на 1907 г. помещено стихотворение Иванова «Vene-gis figurae» («Сог Ardens», ч. I; под названием «Узлы змеи»).

² Причиной цензурных гонений на повесть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda» (СПб., «Оры», 1907) стала тема лесбийской любви. Арест вскоре был снят (см.: «Перевал», № 5, 1907, март, стр. 48). Телеграмма Иванова неизвестна.

³ «Перевал» (М., ноябрь 1906— октябрь 1907) — литературный журнал, основанный С. А. Соколовым (Кречетовым), после того как летом 1906 г. он ушел из «Золотого руна», где заведовал литературным отделом. Причиной ухода было самодурство издателя журнала Н. П. Рябушинского; Соколов придал этому инциденту широкую огласку. В первом номере «Перевала» (вышел в ноябре 1906 г.) была напечатана издательская рецензия А. И. Бачиского на книгу Рябушинского (псевд. «Н. Шинский») «Исповедь» (М., 1906), воспринятая читателями как месть со стороны Соколова. К обоим участникам скандала Иванов относился равно неприязненно и насмешливо (см. его письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 17 июля 1906 г. — ГБЛ, ф. 109). Основанием для протеста против выступления журнала, сотрудником которого он значился, послужило для Иванова заявление рецензента, что текст «Исповеди» был отшлифован лицом, не названным в издании (протест Иванова см.: «Перевал», 1907, № 4, февраль, стр. 72).

⁴ Со стихами, вошедшими в сб. «Снежная маска» (СПб., «Оры», 1907), Иванов познакомился 12 января 1907 г., когда Блок читал их у себя на квартире. Другой слушатель, А. А. Ковдратьев, сообщил 13 января С. А. Соколову оценку Иванова: «В них есть что-то дионисийское» (ГБЛ, ф. 499, 1.13); подробнее см.: С. Г р е ч и ш к и н, А. Л а в р о в. Блок и «Перевал». (Эпизод из литературной жизни 900-х гг.). — «Материалы XXVII научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика». Тарту, 1972, стр. 65).

⁵ Вероятно, М. М. Замятнина.

⁶ Иванов просит напечатать объявление о книгах, намеченных к выпуску в изд-ве «Оры» на 1907 г.: Л. З и н о в ъ е в а - А н н и б а л. Трагический зверинец. Рассказы (вышла летом 1907 г.); А. Б л о к. Снежная маска (вышла 8 апреля 1907 г.); Георгий Ч у л к о в. Тайга. Драма (вышла в мае 1907 г.); Алексей Р е м и з о в. Лимонарь (Луг духовный) (вышла в феврале 1907 г.); Сергей Г о р о д е ц к и й. Перун (вышла в сентябре 1907 г.); Вячеслав И в а н о в. По звездам. Статьи и афоризмы (вышла в 1909 г.). Сборник стихов Волошина «Ad Rosam» (в объявлении при книге «Трагический зверинец» именуется «Звезда-полынь») в «Орах» не вышел.

57. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 1 июня ⟨1907 г.⟩

Дорогой Валерий, я привык верить, что долгие промежутки молчания не могут нарушить гармонии наших отношений, и немного избаловался твоей снисходительностью. Поэтому мне не хочется думать, что ты на меня сердисься, на что имел бы право. Ведь я еще не поблагодарил тебя за прекрасное «Одиночество»¹. Прими же хоть и позднее, но сердечное спасибо всей моей дружбы — твоей дружбе ко мне и моим «Орам»... Что-то скажешь ты о «Цветнике»?² — Не сердись на меня также за большую неисправность в деле рецензий. Повторяю, что о книге Бердяева мне очень хочется написать, и притом так, чтобы эта рецензия могла войти в мою

книгу «По звездам» (это было бы желательно по «архитектурным» соображениям)³. Книга же выйдет только осенью; большая часть ее напечатана. — Далее желал бы я напечатать предварительно, т. е. до выпуска книги, в «Весах» антологию афоризмов философского, эстетического и пр. содержания под заглавием «Спорады»⁴. Вышлю их на днях. Но сможешь ли ты ответить мне на это письмо? Попадет ли оно скоро в твои руки? Ибо где ты — не ведаю. Я же во всем всегда опаздываю и нишу все это только теперь, увы. — Продолжаю о делах. Мне надоели здешние охи и ахи — восторженные — о «Жизни Человека», провозглашения, что это «событие» (Г. Чулков) и т. д.; а также хотелось бы противопоставить свое мнение о «событии» критическому обзору литературы, который пишет Блок в «Золотое руно» и где, по-видимому, будет дифирамб Л. Андрееву. Оттого очень желалось бы мне видеть прилагаемую заметку напечатанною в «Весах». Я надеюсь, что она не будет неудобной и при наличии другой рецензии⁵.

Наконец, о своей книге стихов, тебе посвященной так:

Cor ardens cecini novo libello.
Hoc dictavi Valerio poetae
Sanctae mnemosynon sodalitatís⁶.

Не я виноват, а Сомов, что восстанавливается прежнее заглавие «Cor Ardens», в противоречии с последними объявлениями. Я ведь представил художнику вдохновляться идеей «Сердца» или «Радуги» по своему выбору. Эскизы Сомова к «Iris in Iris» его не удовлетворили. Готовую обложку он, вероятно, уже выслал⁷. Рукопись моя почти готова, высылаю на днях. Повторяю, что мне был бы желателен гонорарный расчет с издательством.

Дела не позволяют выбраться из Петербурга в деревню. Между прочим, предисловие к «Цыганам» удерживает (для издания Венгерова)⁸. В июле поеду в деревню. А ты где и что с тобой? Правда ли, что Бальмонт в Испании? — Пожалуйста, покровительствуйте «Орам».

К осени хочу приготовить «Прометей», но кажется — не дам его «Факелам», — оставлю «Орам». Надеюсь осуществить вторую «Кошницу»⁹.

В «Белых Ночах» я принимаю участие двумя стихотворениями, одно из которых, кажется, совпадает по теме с обложкой Добужинского, сделанной после написания стихов. Но я *не ответствен* за «Белые ночи»¹⁰. Целую тебя крепко.

Твой Вячеслав

¹ Стихотворение «Одиночество» (*Пути и перепутья*, т. III) впервые напечатано в альманахе «Цветник Ор. Кошница первая. Сборник лирический и драматический». СПб., «Оры», 1907.

² На «Цветник Ор» Брюсов в печати не отозвался; в «Весах» была напечатана рецензия А. Белого (см. п. 58, примеч. 3).

³ В сборнике Иванова «По звездам» Статьи и афоризмы (СПб., «Оры», 1909) нет прямых упоминаний о Н. А. Бердяеве и его книге «Sub specie aeternitatis» (см. примеч. 1 к п. 54).

⁴ См. п. 65, примеч. 3.

⁵ Драма Л. Андреева «Жизнь Человека» появилась в «Литературно-художественном альманахе» издательства «Шиповник» (кн. I. СПб., 1907). Блок разбирает ее в статье «О драме» («Золотое руно», 1907, № 7-8-9, стр. 129—131); автограф «заметки» Иванова сохранился в архиве Брюсова (ГБЛ, ф. 386.57.10):

«Опять о «богоборстве» Л. Андреева.

Л. Андреев продолжает «богоборствовать», — quasi — в духе Иова. Мы говорим о безвкусовой драматической поэме, или — если угодно — мистерии: «Жизнь Человека». Кто боится атеизма, того поэма эта утешит: ясно, что поэт никак не может разучиться вере в бога. Но кто возлагает надежды на правое богоборство человеческого духа, — если увлечется поэмой, потеряет всякое мужество. Но он и не увлечется ей. Ибо условие правого богоборства — вера не только в бога, но и в Человека. А этой последней веры

в поэме нет; нет в ней поэтому и Прометеева огня. «Жизнь Человека» — клевета на одного бога (это было бы только хулою простибельной в религиозном смысле и поправимой в смысле философском — при условии менее простодушного философствования), — но и клевета на Человека, т. е. как бы уже «хула на Духа». Кто Человека не знает (а ведь дело идет в поэме не о типе, а о ситетическом Человеке во всем диапазоне его человечества), тот не должен говорить от имени Человека. *Поэзия — совершенное знание Человека и знание мира через знание Человека.* Кто не знает Человека, — не поэт.

Поэма Л. Андреева — произведение по существу реакционное, хотя и может (в определенном взаимодействии интерпсихических сил) сыграть случайно роль революционную. Если заражение ею велико, велика душевная болезнь общества. Поэма утверждает в сердцах победу конечного *Nihil* и является одною из манифестаций новейшего *нигилистического романтизма*, которому, по-видимому, предстоит на некоторый срок овладеть умами. Отрицание благотворно для судеб человечества, если оно разлагает отжившие формы жизни и мысли; но разложение волевой монады — знак присутствия в нашей коллективной душе отрицательной стихии варварства, которая, в противоположность положительной (гениальной, или самопроизвольно, а не преемственно творческой) стихии варварства *, приводит в конечном счете к тому, что Мережковский называет «грядущим хамством». Здесь — неприятие мира из лениности, и разрушение — из похоти к уничтожению».

«Заметка» не была напечатана, вероятно, потому, что «Весы» уже опубликовали предельно резкий отзыв З. Н. Гиппиус о драме Андреева, буквально совпадавший с оценкой Иванова («О «Шиювнике». — «Весы», 1907, № 5). Несколько позже осудил драму и Брюсов («Жизнь Человека» в Художественном театре) («Весы», 1908, № 1).

⁶ «Пламенеющее сердце воспел я в новой книжке. // Оную посвятил Валерию поэту // В память святого братства» (*лат.*). После смерти Зиновьевой-Аннибал Иванов посвятил «*Cor Ardens*» ее памяти, Брюсову посвящена только вторая книга этого сборника («*Speculum speculorum*»); при этом от первоначального посвящения сохранилась лишь последняя строка.

⁷ См. п. 51 и п. 55, примеч. 7.

⁸ Статья Иванова «Цыганы» служит предисловием к поэме Пушкина в изд.: А. С. П у ш к и н. Сочинения. Ред. С. А. Венгерова, т. II. СПб., 1908.

⁹ Второй выпуск «Цветника Ор» не осуществился. Трагедию «Прометей» Иванов завершил в 1915 г.

¹⁰ «Белые ночи. Петербургский альманах». СПб., 1907; открывался стихотворением Иванова «Сфинксы над Невою». Один из петербургских сфинксов изображен на обложке (рис. М. В. Добужинского). В альманахе участвовали главным образом писатели, связанные с Ивановым: Блок, Верховский, Зиновьева-Аннибал, Кузмин.

58. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Загорье, 23.VII.1907 г. ¹

Дорогой Валерий,

В спешке ** два слова. «*Cor Ardens*» высылаю ². Внешность как в «*Stephanos*»; шрифт как *стихотворения* в «Весах» в настоящее время.

№ 6 не получил. Очень прошу о высылке. Нужен он мне, между прочим, для выяснения моих отношений к «Весам». Я не знаю, до какой степени простирается их враждебность к литературным начинаниям, с которыми связано мое имя ³. Быть может, помимо № 6, поможешь мне и ты в выяснении этого вопроса формулировкой отношения «Весов» к моему сотрудничеству, которое могло бы фактически восстановиться, и к «Орам», содействие которым входило в твою программу. Я надеюсь, что ты не сочтешь этот запрос неестественным или несвоевременным и напишешь мне поскорее и об этом деле.

Вопрос о издании «*Cor Ardens*» я, разумеется, совершенно изолирую от вопроса о моем сотрудничестве в «Весах». Если же это не так, предупреди. Твой В я ч е с л а в.

Само собою разумеется, что полемика *философская* против мистического анархизма никоим образом не свидетельствует о «враждебности». Иное дело — инвективы и инсинуации личного характера.

* Об ней я пишу в статье «О веселом ремесле и умном веселии», в одном из ближайших №№ «Золотого руна» (*примеч. Иванова*).

** телега ждет (*примеч. Иванова*).

¹ Лето и осень 1907 г. Ивановы проводили в имении Загорье, неподалеку от местечка Любавичи Могилевской губернии.

² Была выслана только первая часть сборника (см. письмо Иванова от 20 сентября 1907 г.).

³ Шестой номер «Весов» за 1907 г. содержал ряд полемических выступлений против «литературных зачинаний», связанных с именем Иванова: Белый резко осуждал «Цветник Ор»; Эллис — вторую книгу «Факелов» (ст. «Пантеон современной пошлости»); З. Н. Гиппиус выступила против петербургских литераторов — «Мы и они». Особенно беспощадной была рецензия А. Белого: положительно отзывавшись об отдельных участниках «Цветника Ор» (Брюсове, Кузmine, Городецком), он язвительно охарактеризовал альманах в целом как «яркие, ароматные цветы, утопающие в крапиве» (стр. 67). Стихи самого Иванова (цикл сонетов «Золотые завесы») получили уничтожающую характеристику: «Сложная иерархия великолепий для выражения простых понятий и образов, или даже просто ни для чего» (стр. 68); здесь же Белый высмеивает поэтический стиль Иванова, пародируя образы некоторых его сонетов (стр. 66—67).

59. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

(Москва. Конец июля 1907 г.)

Дорогой Вячеслав!

Силою обстоятельств письма наши стали исключительно деловыми, — не сердись на это, ибо вина, кажется, не моя.

Ты просишь меня определить отношения «Весов» к тебе. Но отношения эти *никогда* не менялись. «Весы», если можно говорить об этом отвлеченно или собирательном понятии, *всегда* читали в тебе большого поэта и большого писателя и потому всегда дорожили твоим участием. Напротив, это твое отношение к «Весам» переменялось, ибо за последние полтора года ты им не дал ничего, кроме небольшого стихотворения ¹, тогда как в те же месяцы в «Руне», в «Цветнике Ор», в «Белых ночах» и «инде» — печатал и стихи и статьи ².

Что касается лично моего отношения к тебе, то три наши последние встречи как-то позволяли мне надеяться, что мы понимаем нашу близость, чувствуем ее, наперекор некоторым внешним разобщающим нас силам. А мое отношение к тебе как к *поэту* выразилось в моей рецензии на «Эрос», где я прямо отказался судить тебя, признав тебя в числе тех, кто выше суда своих современников ³. И поскольку мое влияние простирается на «Весы», постольку я отстаиваю в них это мнение и постольку я всегда готов и рад тебе содействовать.

Но ты укажешь мне на враждебные статьи «Весов» против тебя и «литературных зачинаний», с которыми связано твое имя (только не «инсинуации личного характера»: таких в «Весах» не было и не может быть). Во-первых, отвечу я, ты сам сделал ошибку, связав свое имя столь тесно с именем Георгия Чулкова. Нам, живущим в Москве, простительно было не сразу понять его и из сострадания относиться к нему снисходительнее, нежели он того заслуживал. Но ты, встречаясь с ним часто, должен был понять сразу то, что теперь стало ясно для всех, — что это не только бездарность (как я всегда утверждал), но еще шарлатан, рекламист и аферист. Я надеюсь, что после наглой выходки Чулкова в последнем № «*Meuse de France*» ⁴ ты порвешь всякие сношения с этим господином. Чулков получал в «Весах» то, что он заслуживал, но, к сожалению, говоря об нем, приходилось часто упоминать и тебя. Во-вторых же, я не считал себя вправе стеснять свободу мнений близких и постоянных сотрудников «Весов». За последний год всю журнальную, повседневную (ты знаешь сам, не легкую) работу в «Весах» несли преимущественно Андрей Белый, З. Н. Гиппиус и Эллис. Справедливо было, чтобы они за то имели право на страницах «Весов» высказывать *свои* суждения. И, конечно, я не вычеркивал из их статей тех строк, где они нападали на тебя лично, находя такое-то твое стихотворение неудачным или такую-то статью слабой ⁵, —

или на близких тебе лиц, осуждая Блока или отрицая, что произведения Лидии Дмитриевны суть художественные произведения⁶.

Ты говоришь, что допускаешь «философскую критику» мистического анархизма, но таковой быть не может. Мистический анархизм по моему глубокому убеждению не существует, ибо это нестройный агрегат разных утверждений, увы, слишком часто (в статьях Чулкова, например) отзываются плагиатом. Я уже писал тебе, что против мистического анархизма есть только одно оружие: насмешка, и «Весы» будут именно так относиться к нему, если т(олько) не предпочтут молчать. Твою же близость к этому «зачинанию» я не умею объяснить ничем, кроме большого недоразумения, и, читая твои статьи, всегда легко отделяю истину от случайного. Я очень ценю и читал с большим наслаждением твою новую статью в «Золотом руне», но вынимая из нее пять-шесть строк «мистически-анархистских», совершенно не идущих к делу⁷.

Рукопись «*Cor Ardens*» мы еще не получили. Разумеется, вопрос о ее издании стоит особняком от вопроса о твоём отношении к «Весам» *потому, что издание «Cor Ardens» решено*. Но я думаю, что и ты не разделяешь «Весов» от «Скорпиона», ибо это не два отдельных предприятия, а одно дело, одна душа, одни и те же люди.

Всегда твой Валерий

P. S. № 6 «Весов» послан тебе дважды: в Петербург и в деревню. Теперь пошлем в 3-й раз.

Ответ на п. 58. Черновой автограф. Текст письма, отправленный Иванову, неистен. Датируется по упоминанию о статьях, появившихся в печати в июле 1907 г.

¹ См. п. 56, примеч. 1.

² В первой половине 1907 г. Иванов опубликовал в «Золотом руне» статью «О веселом ремесле и умном веселии» (№ 5) и несколько стихотворений; в альманахе «Цветник Ор» — цикл сонетов «Золотые завесы» и стихотворение «Оры, щедрые Оры...»; в альманахе «Белые ночи» — два стихотворения.

³ См. п. 54, примеч. 4.

⁴ 16 июля 1907 г. парижский журнал «*Mercur de France*» (№ 242) поместил в разделе «*Lettres russes*» («Русские письма») статью «*Le Mysticisme anarchique*» («Анархический мистицизм»). Автор ее, Евгений Петрович Семенов (Соломон Мойсеевич Коган, 1861?—1944), пытался охарактеризовать «мистический анархизм» (сторонниками его названы Иванов, Блок, Городецкий и Чулков), а также определить его место среди различных направлений русского символизма. Семенов указал, что источником его статьи послужила беседа с Чулковым. Статья вызвала возмущение в кругу русских символистов в силу ее некомпетентности и ряда фактических неточностей (см. *Переписка*, стр. 212). Иванов отозвался на нее протестующим письмом в редакцию, напечатанным в газете «Товарищ»: «Сообщение г. Е. Семенова, со слов моего товарища Г. И. Чулкова, о «мистическом анархизме» <...> отнюдь не соответствует моему пониманию «мистического анархизма» <...> Этот вынужденный протест ничего не изменяет в моих общих симпатиях к личности и общественно-философским исканиям Г. И. Чулкова» (1907, № 379, 23 сентября). Вдохновитель статьи, Чулков также заявил о «принципиальной ошибке» ее автора, не отличающего мировоззрение писателя от его художественных приемов (там же). Возражая против статьи Семенова, от «мистического анархизма» отмежевался Блок («Весы», 1907, № 8, стр. 84; ср.: *Переписка*, стр. 195—196, 204—205, 212, 214—215).

⁵ См. п. 58, примеч. 3.

⁶ Отрицательный отзыв о книгах Л. Д. Зиновьевой-Аннибал содержится в статье З. Н. Гишпиус «Братская могила» («Весы», 1907, № 7).

⁷ Статью «О веселом ремесле и умном веселии» — см. выше, примеч. 2.

60. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

(Загорье), 4 августа) 1907

Дорогой Валерий! Решительно пора мне написать тебе, как следует, — т. е. достаточно много с одной стороны, с другой — в тоне большей, чем в коротких и деловых письмах, непринужденности и открытости. И хотя все, о чем хочу писать, будет иметь прямое отношение к нашим «деловым»

темам, тем не менее самая непринужденность и, быть может, разговорчивость этого письма дает, мне по крайней мере, впечатление устного разговора. Я ненавижу суррогаты, но теперь слишком стосковался по личному общению с тобой и очень в нем нуждаюсь. Итак, буду говорить с дружескою доверчивостью и прямою (за которую ты, я надеюсь, не рассердишься на меня, единственного, быть может, твоего друга в неложном смысле) — отправлюсь от наших текущих злоб дня и контроверз. Твое подробное письмо, за написание которого я тебе благодарен, дает мне вехи; и, кроме того, истинное дружеское чувство, каким всегда проникнуты твои редкие и — пусть даже подчас враждующие — строки, создает надежную почву для той откровенности, какая мне кажется в данном случае уместной и нужной.

Мы имеем на очереди тему: «Весы». Я скажу тебе, не обинуясь, как я смотрю на них в настоящее время. В деловом отношении ты можешь с этим мнением совершенно не считаться; про себя ты признаешь или не признаешь правду в моих словах. «Весы» тебя внутренне не интересуют. Они для тебя средство и орудие внешних воздействий и влияний на литературу и особенно на биржу литературных ценностей дня. Они придают твоему положению в литературе большую независимость, упрочивают его. Излишне уверять тебя, что мне достаточно ясна огромность твоего таланта, как и его гибкость; ты мог бы быть «*grinse*» * и без «Весов». Но все же «представительство» полезно. И вот ты имеешь в «Весах» твой «большой дом», где ты поместил и свой департамент поэтических дел. У тебя свои чиновники, которые иногда похожи на лакеев (разумею и Эллиса, и Андрея Белого) ¹. Иногда ты сам кладешь резолюции на текущие дела (в виде рецензий), напоминающая литературные авторитеты и ссылаясь на соответствующие статьи уложений гражданского и пиитического. Умертвив журнал, в смысле органа идейного движения, обратив его в «Правительственный вестник» традиций и канонов одной маленькой литературной эпохи, которую ты настойчиво называл некогда «бальмонтовской», ты вместе с тем сумел сделать «Весы» более приемлемыми и интересными для «матушки-публики». Здесь ты многими даже лавировками вправо, в сторону чистого академизма, и главное беллетристикою, которую сам блестяще обогащаешь. Твой «Огненный ангел», хоть не всеми частями, безусловно хорош. Поразительна его как бы графическая отчетливость — в роде старинных немецких гравюр. При отсутствии внутреннего, идейного интереса к журналу ты, естественно, допустил в нем непонятный для мыслящего читателя эклектизм и беспринципную разногласицу случайных мнений. В охранительной гавани «Весов» нашли себе приют и обломки разбитого бурями «Нового пути» ². Добро ли, что ты в «Весах» наделал для литературы, — вопрос спорный. Но бесспорно для меня одно: что ты ответствен за все, что совершается в «Весах» (улыбнись: так правительство обвиняют в погромах), — ответствен, если не подстрекательством, то попустительством, и несомненно для меня, что твоего *mot d'ordre* ** достаточно, чтобы нахал стал пристоеен, а одержимый излечился от судорог, — как, например, ведь правительственным внушением объясняется, что Андрей Белый имеет низость хвалить Кузмина, как он делает это в рецензии о «Цветнике Ор», после всего, что он писал о нем раньше в строках и между строк ³.

Говорю все это отнюдь не для того, чтобы обвинять тебя в чем-либо, кроме одного пункта: мертвящего идейного влияния на судьбы нового умственного и художественного движения. Усталые римляне были чрезвычайно счастливы замирением, предпринятым Августом. Ты также

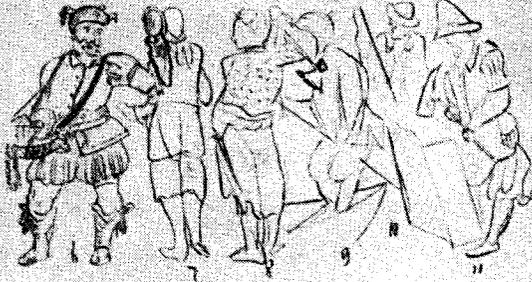
* князем (франц.).

** распоряжения (франц.).

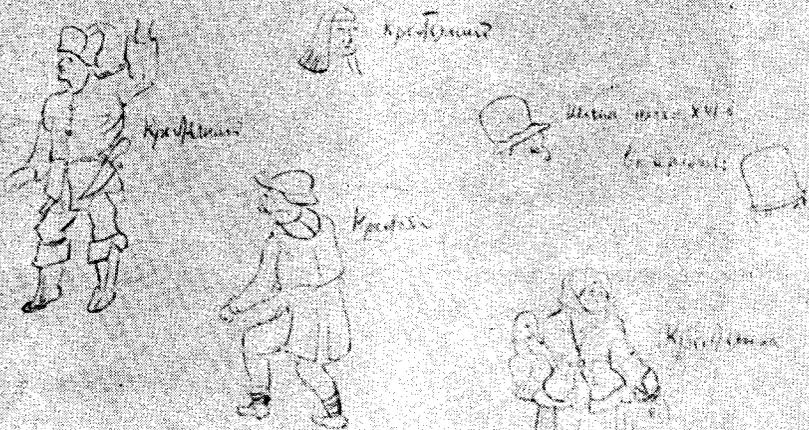
Германия ХVІІІ в.

- 1 Schuster
- 2 Schneider
- 3 Schmied
- 4 Jäger
- 5 Fischmacher

- 6 Kaufmann
- 7 Leibar
- 8 Metzger
- 9 Fischer
- 10 Fuhrman
- 11 Steinmetz

XVI. v. d. E. d. d. d.

ТИПЫ ГЕРМАНИИ XVI ВЕКА

Перерисовки Брюсова из книги: Fr. Hossengroth. Deutsche Volkstrachten. Frankfurt, 1900, t. I
Материалы к роману «Огненный ангел»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

хочешь установить в модернизме то, что называется рах Романа*. Здесь ты можешь обмануться в расчете, но можешь и восторжествовать — лет на пять, а в обывательской среде и на долгий, долгий срок (ведь и «Нива» теперь отчасти орган недавно (!) «модернизма») ⁴. Осуждать же твой образ действий с иной точки зрения, чем эта, чисто идейная, я совершенно не склонен. Тем более, что ты правитель, вообще говоря, мудрый и тонкий и либеральный, и называешь себя только *principes civium* ** в своей империи. Мне жаль только, что вся эта политика твоя неизбежно делает тебя более организатором, чем творцом, каким бы ты должен был быть. И так как в поэзии именно *венок* есть венец царственный, то мне хочется напомнить тебе твой стих о венце, промененном на венок ⁵. Разве, например, ты не видишь, что совершенство своей поэтической формы ты покупаешь слишком дорогой ценой — возврата на уже проложенные и исторические пути русского классицизма и псевдо-пушкинианства *sui generis****? Писать хрестоматийно — соблазн, широкие врата, ведущие в... благопристойные журналы и другие просветительные учреждения,

Копия рукой М. М. Замятниной (сохранилась в архиве Иванова); конец утерян.

¹ Намек на панегирические отзывы Эллиса и Андрея Белого о творчестве Брюсова (см. наст. том, стр. 342).

² Из сотрудников «Нового пути» в «Весех» принимала деятельное участие только З. Н. Гиппиус.

³ В рецензии на альманах «Цветник Ор» Белый назвал его участника М. Кузмина одним из наиболее ярких молодых талантов («Весы», 1907, № 6, стр. 67). В то же время он резко отрицательно расценил повесть Кузмина «Крылья» («Перевал», № 6, 1907).

⁴ Иванов здесь подразумевает, что в журнале «Нива», популярном в обывательской среде, в 1906—1907 гг. стали печататься «модернисты» (Блок, Городецкий, а также Брюсов и Зиновьева-Аннибал).

⁵ Иванов напоминает Брюсову его стихотворение «Искушение» (УО):

Горе, кто обменяет
На венок — венец.

Этими же стихами впоследствии укорял Брюсова и А. Белый, обвиняя его в неправильном понимании задач символизма («Венок или венец». — «Аполлон», 1910, № 11).

61. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Загорье. 27 сент<ября 1>907

Дорогой Валерий,

Упрекая меня за мою невежливую безответственность (хотя формальная и не злонамеренная невежливость до некоторой степени извинительна при дружбе, — я же ведь *только дружбе* позволяю говорить мне лично, например, о «постыдности» мистического анархизма ¹, так как, не ответствуя за фиктивную *группу*, называю «мистическим анархизмом» и свои личные воззрения), — итак, упрекая меня, ты, без сомнения, прав пред судом человеческим, но Гелиос, «все озаряющий с небес», — клянусь им, как греки, — видел, что я исписал тебе *много* страниц почтовой бумаги, которую, однако, не отослал, — так что «достойным» ответов обстоятельных на «обстоятельные письма» я тебя уже во всяком случае «почитаю». Еще раз, прости и извини меня — *habes confitentem reum*****, как выражается Е. Семенов ², — но *идеально*, я повторяю, вовсе и не виноват, ибо — писал. Почему же не писал все-таки, в почтовом смысле? Потому что видел, что запутанное еще больше запутается перепиской, где приходится невольно

* римский мир (лат.).

** первым из граждан (лат.).

*** своего рода (лат.).

**** пред тобой — сознающий свою вину (лат.).

обвинять, защищаясь от обвинений. Я очень желаю говорить с тобой, еще больше — тебя слышать, раз у тебя так много недоумений относительно меня, и крепко надеюсь, что «непонятное» станет понятным, надеюсь на возможность гармонических отношений между нами в наших *стремлениях*, как уверен в глубокой *душевной* гармонии между нами, торжествующей всякий раз, когда мы просто, человечески, братски глядим друг другу в глаза. Ибо и я — не только люблю тебя, но и чту; и что еще, быть может, важнее — просто люблю всегда, даже когда вижу твои «отводы». Например: если ты не хочешь стеснять сотруднической свободы, кто мешает тебе оговорить собственное мнение? Но мнения твоего, хотя бы только обо мне после «Эроса»³, — я бы вовсе и не знал, если бы не получал твоих писем. Итак, я, которого ты исключашь в своих оценках мистико-анархической группы, все же сопричислен и тобою к «пантеону пошлости»⁴? Итак, мои «Золотые завесы» ты, как и критик «Весов», считаешь «крапивою»⁵? Итак, «Оры» и для тебя лишь то, чем они являются в глазах зоилов твоего журнала⁶? Я считаю *тебя* ответственным за *все*, что читаю в «Весакх». И таково общее мнение, и таково будет мнение будущих наших судей. Вся неправда, наполняющая страницы «Весов», судит — и осудит — сама себя. Вот почему, оставляя личную сторону дела и рассматривая «критику» «Весов» только как критику, я, вообще совершенно чуждый злорадства, ловлю себя подчас на дурном чувстве некоторого удовлетворения при мысли о том, какому презрению и осмеянию подвергнутся в недалеком, быть может, будущем ваши (ибо *ты* — ответственное лицо) иеремиады, написанные желчью, смешанной слишком часто (смотри все, касающееся Чулкова) — с опиумом. Хотя бы академическая сановитость внушила тебе мысль о неприличии некоторых истерик под колоннами академии и чувство жуткости перед философскими промахами некоторых, не довольно осведомленных! Но ты сам теряешь всю обычную отчетливую ясность своего ума, когда заговаривашь о «пресловутой доктрине», с которой, по-видимому, не соединяешь никакого определенного представления. Что значит это «изъятие нескольких строк» из моей статьи в «Золотом руне», сделанное тобою мысленно при ее чтении, — строк, будто бы написанных в угоду оной доктрине?⁷ Ты читал все мои статьи, по мере их возникновения, и должен отчетливо знать, что оная доктрина проходит через них красною нитью, хотя бы начиная с «Копья Афины». «Кризис индивидуализма» уже дает ее готовой, еще до «Факелов». Мои искания искренни и как бы *органичны*. Думаешь ли ты, что можно остановить это органическое развитие, это неизбежное движение цензурными окриками: куда? куда? Я надеюсь, что ты видел мое «письмо в редакцию» в «Товарище» (от 23 сентября, № 379) и не откажешь мне его *перепечатать*⁸. После этого моего отграничения от вдохновений Чулкова или Городецкого или кого бы то ни было еще, ты не скажешь мне, что я «падаю в чьи-то объятия» и не будешь (весьма наивно) уверять, что мне у вас достается только по досадному смешению с виновниками мятежа в суматохе усмирительного разгрома. То, что я говорю, я назвал мистическим анархизмом: ergo, мистический анархизм подлежит не издевательству и глумлению, а серьезной критике по существу, — если вы желаете моего товарищества. Или же вы должны сказать: мистический анархизм есть то-то и то-то, *но не* статьи Вяч. Иванова, «мистический анархизм» которых, как угодно выражаться их автору, подлежит отдельному рассмотрению. Но даже исключая меня лично, — просто неумно не видеть, что мистический анархизм отнюдь не мнения А или В, но широкое, хотя и не определенное и уже отнюдь не высказавшееся в «Факелах», явление общей умственной жизни, — пусть даже болезненное, но уже никак не подлежащее журнальным полемикам и личностям. Мистический хаотизм, тщетно бьющийся в родильных муках, и тебе столь дружественный, относится сюда же!..

Но ты лично «прибег под знамя благоразумной тишины»⁹ — и охраняешь ценности истории литературы вообще и литературы той эпохи, которую называл «бальмонтской», в частности. А *la bonne heure* *! Жаль только, что ваша редакционная фраза о «беспочвенных...» — не помню существительного, что-то вроде «бессмысленных мечтаний», — смешна, как серьезная насуспенность на детском лице посреди ребячьих игр¹⁰.

Удивляюсь, что ты уверен, что я не «посетую» за небрежение моей книгой. Ссылки на «срок» ни при чем. Сроком никогда не было обусловлено издание. О том, что теряю черед, я не был предупрежден. Книга не была готова — вот и все. Вы могли отказаться издавать, или отказаться издавать немедленно. Но я получил *определенное обещание, что печатание начнется тотчас. На этом условии* я выслал рукопись. О прифте меня не известили своевременно. Если вам издавать «*Cor Ardens*» неохота, я ведь не навязываю своей книги. Но класть дело об осуществлении издания под сукно нельзя. Я прошу определенных гарантий, касающихся времени появления сборника.

Вопрос, почему я печатался в других местах, а в «Весь» ничего не давал, требует немедленного ответа. «Эрос» я хотел издать впервые книгой. «Золотые завесы» сохранить для «Ор». Что же остается? Несколько стихотворений, из которых одно было, однако, в «Весах»¹¹. Кроме того, «Весь», я знал, обременены поэтическим материалом, и поэты теснятся, ожидая очереди. Что до статей, я взялся писать о Бердяеве, не поспел к сроку, статью у меня отняли¹². Мою рецензию о «Жизни Человека» сочли ненужной¹³. Кроме того, чувствовалось, что мои идеи не встречают вообще отклика в «Весах», или встречают резкий протест¹⁴.

До свидания, дорогой Валерий! Письмо почти не нужно ввиду близкого свидания — недели через две? — но я хотел писать, чтобы ты не думал в самом деле, что я пишу тебе только, когда «телега ждет». Прости, если что покажется жестким и отомсти жесткостью выражений, но не сердца!

Твой сердцем В ячеслав

P. S. Надолго ли нет прифты? Если на месяц *minimum*, я согласен на эльзевир, с условием, чтобы внешность и все подробности издания вполне соответствовали твоему «Венку». Напиши мне, как друг, сюда *toutчас* же — будь мил и великодушен! — хотя *billet de correspondance* ** — между прочим, о «*Cor Ardens*», прифте и *сроке, когда окончится печатание*.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова, черновик которого — п. 59.

¹ Эти слова были сказаны либо в неизвестном нам письме, либо в устной беседе.

² Этим латинским выражением Е. П. Семенов пользуется в статье «Анархический мистицизм» (см. п. 59, примеч. 4).

³ См. п. 54, примеч. 4, а также п. 59.

⁴ Намек на статью Эллиса (см. п. 58, примеч. 3).

⁵ См. там же.

⁶ В полемической статье «Штемпелеванная калоша» («Весь», 1907, № 5) А. Белый изобразил петербургских модернистов гуляющими в калошах «над бездной». Иванов считал, что треугольный штемпель на этих «калошах» указывает объект пародии, — издательство «Оры» имело марку в виде треугольника (см.: *Начало века*, стр. 317—318).

⁷ Брюсов писал об этом по поводу единственной статьи Иванова, напечатанной «Золотым руном» в первом полугодии 1907 г. («О веселом ремесле и умном веселии» — № 5); см. п. 59.

⁸ См. об этом п. 59, примеч. 4. «Письмо» Иванова было перепечатано в «Весах» (1907, № 9).

⁹ Видоизмененная цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. II, XVIII).

¹⁰ В программе «Весов» на 1907 г., говорилось: «Оценивая современную литературную деятельность, «Весь» выясняют ее преемственную связь с только что пережитой эпохой, чтобы отграничить действительное движение вперед от попыток реакции и

* в добрый час! (франц.).

** записку (франц.).

беспочвенных построений» («Каталог книгоиздательства «Скорпион», № 4 и 5). Изложенная здесь литературная платформа близка положениям статьи Брюсова «Торжество победителей» («Весы», 1907, № 9).

¹¹ См. п. 56, примеч. 1.

¹² См. п. 54, примеч. 1.

¹³ См. п. 57, примеч. 5.

¹⁴ 20 сентября 1907 г. Иванов писал Брюсову: «...как участвовать в «Весях» фактически, пока их общее направление столь враждебно и мне и «Орам»?»

62. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

⟨Москва. 23 октября 1907⟩

Дорогой Вячеслав!

Принимаю всей душой участие в твоём горе ¹. Последние дни перечитываю «Кормчие звезды» и думаю о тебе. Надеюсь тебя видеть.

23 октября 1907

Твой Валерий

¹ 17 октября 1907 г. в Загорье скончалась Л. Д. Зиновьева-Аннибал (см.: *Дешарт*, стр. 117—120).

63. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 8 янв⟨аря⟩ 1908

Дорогой Валерий, прежде всего желаю тебе и Иоанне Матвеевне счастливого Нового года и заочно обнимаю тебя с любовью. Не скрою, что мне трудно писать тебе, как это бывает, когда чувствуешь себя очень виноватым, не имеешь представить уважительных извинений и, что тяжелее всего, знаешь, что каковы бы ни были извинения, непоправим нанесенный другому ущерб.

Ущерб, причиненный тебе мною, и именно тем обстоятельством, что вся жизнь моя, за протекший месяц преимущественно, была абсорбирована совсем иною сферой, чем литература, заключается в запоздании окончательной работы над переводом «Франчески» ¹. С Верой Федоровной я разговаривал на последней репетиции пьесы Ремизова. Она усиленно просила, чтобы перевод появился в печати не раньше конца великого поста, и предлагала нам аванс. Я сказал, что все это пусть ведает Валерий. Мое опоздание — вину мою перед тобой — я прошу тебя не связывать с этим разговором или вообще с желанием влиять на время напечатания «Франчески». Причина — та, что ничем литературным заниматься до сих пор я не мог *, и единственное, что могу прибавить, это — что я твердо решил теперь работать и быть прилежным в исполнении своих литературных обязательств. По той же причине произошло и замедление в высылке рукописи моей книги стихов, прискорбное и печальное для меня самого. Рукопись эту я, конечно, вышлю на днях. Все в ней закончено, кроме устройства книги по новому плану и переписки кое-чего где-нибудь напечатанного или брошенного в бумагах. Сомов желал бы, чтобы его обложка была все же обложкой для всей, хотя бы тройной книги. Я ничего не имею против; с внешней стороны это даже красивее. Тройная книга может носить внешний и простейший заголовок, по первой из своих составных частей. Печатный тительблатт будет точнее.

Далее, взять на себя перевод «Заратустры» составляет мое величайшее желание, я совершенно согласен. И очень прошу тебя помочь мне в закреплении этого заказа за мной, за что благодарю вперед.

* И тем не менее, часть долга покрыта, две, кажется, сцены 1 акта переведены, песенки музыкально разучивались, но приспособить эти ноты довольно трудно, даже при помощи Кузмина (*примеч. Иванова*).

Рецензии же о «Санине» писать мне *не* хочется, потому что хотя романа не читал, но из обстоятельных отчетов о нем предвижу, что оценка будет только отрицательной и настоящего разбора книга едва ли заслуживает. Впрочем, при большом желании твоём, напишу заметку и притом к назначенному сроку; тогда пришли роман ².

Наконец, благодарю тебя дружески за I том твоих «Путей» и искренне радуюсь на эту книгу, которую одну из всех присланных мне за это время новых книг стихов (у compris * «Дикая воля») ³ я только и читал. — В «конфликте» с Максом я, конечно, во всем на твоей стороне, т. е. на стороне также и здравого смысла. Только и характеристика как *поэта* почти вся неудовлетворительна ⁴.

Любящий тебя В я ч е с л а в

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ В 1907—1908 гг. Иванов и Брюсов переводили для петербургского издательства «Пантеон» трагедию Д'Аннунцио «Франческа да Римини» (книга вышла осенью 1908 г.). 1 сентября 1908 г. трагедия была поставлена в Малом театре, а затем — в театре В. Ф. Комиссаржевской (далее Иванов сообщает о своих переговорах с ней). Работе над переводом и постановке трагедии на сцене посвящен ряд последующих писем.

² Рецензию на роман Арцыбашева «Санин» Иванов не написал.

³ Сергей Г о р о д е ц к и й. Дикая воля. СПб., «Факель», 1908.

⁴ В очерке «Лики творчества. Валерий Брюсов» («Русь», 1907, № 348, 29 декабря) М. Волошин коснулся обстоятельств личной жизни Брюсова, а также передал свой частный разговор с ним. Брюсов протестовал против подобного приема, считая, что Волошин «вышел за пределы, предоставленные критике» («Русь», 1908, № 3, 4 января; в том же номере газеты напечатан ответ Волошина на этот протест).

64. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 14 янв(аря) 1908

Дорогой Валерий,

Прежде всего, прими мое душевное соболезнование по случаю постигшего тебя горя ¹. Передай мое глубокое сочувствие твоим, меня знающим, сестре и Иоанне Матвеевне. Я не знал твоего отца, ни разу не встречался с ним, ты только про него рассказывал; твоя особенная личная близость с покойным, помимо любви сына, делает для тебя его утрату вдвойне тяжелой, — но, милый Валерий, ведь смерти, воистину, нет.

Мне уже передавали известие о твоём горе, но передавали без ручательства в истинности слуха. Газет я за последнее время вовсе не читаю. Поэтому иначе начиналось бы это мое письмо, если бы я не получил сегодня твоего. Писал же бы я тебе сегодня во всяком случае, и вот по какой причине.

Мне поручено Временным комитетом (Comité d'Initiative) по устройству всероссийского и международного чествования Льва Толстого в этом году (28 августа или позднее) известить тебя, что ты кооптирован Комитетом, и пригласить тебя высказаться, принимаешь ли ты избрание и согласен ли участвовать в работах Комитета по предварительной разработке и практическому осуществлению мер, долженствующих быть принятыми с целью организации предстоящего международного праздника русской мысли и литературы и придания ему соответствующего замыслу величия ².

Комитет состоит из ученых, политических деятелей, литераторов, художников. Назову присутствовавших на 2-м собрании, к которому был приглашен, по кооптации первоначальной группой, и я, — Максима Ковалевского, Родичева ³, Стаховича ⁴, профессора и члена Государственного Совета Васильева ⁵, профессора Салазкина ⁶, Нестора Котляревского,

* в том числе (франц.).

Аничкова, профессора Веселовского⁷, скульптора Гинцбурга⁸. Избран и принял избрание ряд лиц очень известных.

Было бы крайне желательно, чтобы ты *приехал* к следующему собранию (пятница, 18 января), которое будет очень важным и направляющим; если это невозможно, не откажи, *не медля*, известить Комитет, через мое или секретаря (Михаила Александровича Стаховича) * посредство, о твоём присоединении и согласии содействовать.

На сегодня это все, что могу написать тебе. Благодарю за письмо. Пишу о наших делах продолжение этого письма. С любовью

твой Вячеслав

Вера⁹ просит прибавить, что всею душою присоединяется к выражению моего глубокого сочувствия твоей скорби.

В.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ 7 января 1908 г. умер Я. К. Брюсов.

² 7 января 1908 г. в Петербурге, на вечере в честь Толстого, профессор М. М. Ковалевский выступил с призывом отпраздновать предстоящий юбилей писателя; здесь же организовался «Комитет почина празднования 80-летнего юбилея Льва Толстого»; Иванов был кооптирован в состав комитета и 18 января принял участие в выборах его руководства, а 18 февраля присутствовал на заседании, принявшем обращение «От Комитета почина...» («Русь», 1908, № 8, 19 и 50—9, 20 января и 20 февраля). 9 марта аналогичный комитет организовался в Москве; 15 марта Брюсов был избран его членом («Русские ведомости», 1908, № 64, 16 марта). Так как Толстой отказался от юбилея, оба комитета вскоре прекратили свою деятельность. Подробнее см.: Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 56, стр. 481—486; т. 78, стр. 74—75, 104—106.

³ Федор Измайлович *Родичев* (1856—1933) — юрист, член I и II Государственной думы, один из лидеров кадетской партии.

⁴ Михаил Александрович *Стахович* (1861—1923) — общественный деятель, друг Толстого, секретарь «Комитета почина».

⁵ Александр Васильевич *Васильев* (1853—1929) — математик, профессор Казанского университета.

⁶ Сергей Сергеевич *Салазкин* (1862—1932) — биохимик, директор Женского медицинского института в Петербурге.

⁷ Алексей Николаевич *Веселовский* (1843—1918) — профессор западноевропейской литературы в Московском университете.

⁸ Илья Яковлевич *Гинцбург* (1885—1939) — скульптор, автор скульптурного портрета Толстого.

⁹ Вера Константиновна *Шварсалон* (1890—1920) — дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака, впоследствии жена Иванова.

65. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

⟨Москва. Середина июля 1908 г.⟩

Дорогой Вячеслав!

Прости, если мое предыдущее письмо было путано и непонятно: писал торопясь, спеша к поезду¹. Надеюсь, однако, что существенное мне удалось изъяснить. С «Франческой» необходимо торопиться ввиду моего отъезда за границу и скорой постановки трагедии (в Москве — 20 августа). Между тем пересылка корректур тебе в Крым и мне в деревню (где нет почты) занимает времени очень много. Знаю несовершенства перевода и нахожу много промахов в нем, разного рода, но *в общем* перевод ведь верен и передает дух трагедии, — и я думаю, можно в таком виде отдать его публике. Что можно сделать для исправления перевода в короткое время, я делаю и буду делать; сколько успею внести в него твоих поправок, внесу. Но не сетуй, если последние сцены (переведенные исключительно

* или, если предпочитаешь, через посредство Максима Максимовича Ковалевского, Моховая 32 (примеч. Иванова).

ПРОГРАММА.

Въ Понедѣльникъ, 1-го Сентября,

АРТИСТАМИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЪ

въ первый разъ:

ФРАНЧЕСКА ДА РИМИНИ

Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, Габриэле д'Анунцио, переводъ съ итальянскаго разѣрами подлинника Валерія Брюсова и Вячеслава Иванова.

Костюмы по рисункамъ В. Я. Бушиной: мужскіе — И. П. Наукокайтиса, женскіе — Е. П. Анисимовой.

Декорации: 1-го и 2-го актовъ Ф. А. Лазаовскаго, 3-го, 4-го и 5-го актовъ Б. И. Гейкбамъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Остазіо	} Для Гинио Миноре да- Робертъ Франческа	г. Айдаровъ.
Балинино		г. Худасовъ.
Франческа		г-жа Пашенная.
Самаритана		г-жа Сапѣгина.
Ванкофоре		г-жа Алексѣева.
Альда		г-жа Турчанинова.
Гарсенда		г-жа Вышневецкая.
Альтиміара		г-жа Рутковская.
Адонелла		г-жа Косарева.
Раба		г-жа Рыжова.

мною), я решусь печатать, не дожидаясь твоихъ исправлений. Мне это гораздо печальнее, нежели тебе, ибо за ошибки этихъ сцен буду в отвѣте — я. Что до вступительныхъ канцонъ, то я полагаю, что не стоитъ стараться переводить ихъ. Истинно художественнаго или истинно научнаго изданія «Пантеонъ» все равно не дастъ. Удовольствуемся же только переводомъ трагедіи. (Темъ более, что надежды на исправное получение гонорара съ издательства — очень мало.) Предисловіе я пишу — исключительно историческое, о Малатестахъ, Полентахъ etc.² В общемъ получится книжка *средняя*, только *приличная*, но сделать больше в остающееся время, при данныхъ условіяхъ («Пантеонъ») — и невозможно.

Из «Спорадъ» я беру три статьи: о гении, о художникѣ и о лирикѣ *. Остальное верну тебе в скорости. Меня «Спорады» очень заняли: читалъ ихъ съ истиннымъ наслажденіемъ. Но напечатать больше до 1 сентября «Весь» не успеютъ³.

20—25 июля уезжаю «в Европу»⁴. Вернусь к 1 октября. Где будешь тогда ты? Очень хотелось бы встрѣчаться с тобою эту зиму чаще, чем прошлую. Я очень нуждаюсь в этихъ встречахъ.

Твой Валерій

P. S. Не знаешь ли где Верховскій? Его книга набрана, но онъ не откликается на письма⁵.

¹ Письмо от 7 июля 1908 г.

² В предварявшемъ изданіи «Франчески да Римини» очерке («Герои Д'Аннунцио в исторіи») Брюсовъ изложилъ свѣденія об историческихъ прототипахъ трагедіи. Около 21 июля онъ сообщалъ Иванову: «Какъ предисловіе я написалъ только компилятивную статью о Малатестахъ и Полентахъ — впрочемъ, на основаніи хорошихъ источниковъ. О Д'Аннунцио и о самой драмѣ не написалъ почти ничего (5—6 строкъ), ибо не было вре-

* Кроме § со стихами Платена (*примеч. Брюсова*).

мени и душа настолько расстроена, что работать я не в силах вовсе. Не напишешь ли ты второе предисловие — о Д'Аннунцио, о его трагедии, о трагедии вообще? Это было бы очень нужно...» Второго предисловия Иванов не написал.

³ 2 июня 1908 г. Иванов спрашивал Брюсова: «(...) не хотят ли «Весы» напечатать до появления моей книги «По звездам», т. е. до 1 сентября, часть моих «Спорад» (или все), которые в обработанном виде представляют несколько глав о разных предметах, а именно: «О гении. О художнике. О эллинизме. О лирике. О законе и связи». Цикл «Спорады» (см. также п. 57) печатался в «Весях» (три названные Брюсовым главы — 1908, № 8), в «Золотом руце» (1908, № 11—21) и в альманахе «Факель» (кн. 2. СПб., 1907). Вошел в сб. статей Иванова «По звездам» (СПб., «Оры», 1909), где восстановлен опущенный в «Весях» отрывок из немецкого поэта Августа Платена (1796—1834), включенный в качестве примера в «Спораду» «О лирике».

⁴ Около 21 июля 1908 г. Брюсов писал Иванову: «Куда я уезжаю, еще не знаю. Знаю только, что из Москвы». Об этом путешествии см.: *Дневники*, стр. 139—141.

⁵ См. п. 55, примеч. 3.

66. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

«Ancona, 3/16 августа 1908 г.»

Дорогой Вячеслав!

Пишу тебе из края Франчески, только что вернувшись из Римини. Там только одни купающиеся дамы, которые, лежа на животе, на пляже, читают «Русское слово»¹. Но это не уменьшает моих забот о нашем общем создании. Еще и еще раз умоляю тебя, устрой так, чтобы «Франческа» вышла к 20 августа. Исправляй, переделывай мое и свое, как знаешь, как находишь лучшим. Верю всему, что ты исполнишь, и прекословить не буду. Хорошо было бы, если бы ты просмотрел и мое предисловие. Я уже знаю в нем два грубых промаха. Помнится еще, что я употребил в нем выражение «треченто» в смысле XIII, а не XIV века². Но боюсь, что исправлять мое предисловие уже поздно. Тогда пусть идет в свет, как оно есть, со всеми ошибками: пусть торжествует Макс Волошин!³ Что до меня лично, то под «небом Италии» я опять оживаю. Знаю всю пустоту Италии, — ибо она пуста, даже в своих лучших веках, веках Беллини и Тинторетто⁴, — но все же она действует на меня, как эликсир жизни. Надеюсь ожить совсем на побережьи океана, где буду через неделю. Если напишешь мне, мой адрес: Биарриц, Poste restante *. Обнимаю тебя.

Твой В а л е р и й

Ancona, 16.VIII, 1908

¹ Аналогичную запись см.: *Дневники*, стр. 139.

² Треченто — термин, употребляемый в итальянской истории для обозначения XIV в. Ошибка, допущенная Брюсовым в предисловии к трагедии Д'Аннунцио (стр. 15), не была исправлена.

³ Сообщая свой разговор с Брюсовым в очерке о нем (см. п. 63, примеч. 4), М. Волошин неточно передал его суждение о поэтах Древнего Рима, приписав ему фактические ошибки. В своем протесте (см. там же) Брюсов указал на это.

⁴ Джованни Беллини (ок. 1430—1516) и Тинторетто (Якопо Робусти; 1518—1594) — итальянские живописцы.

67. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Saint-Jean-de-Luz, <13/>26 septembre 1908

Дорогой Вячеслав!

Как ты, конечно, уже знаешь, наша «Франческа» в Малом театре провалилась жалко и безнадежно; у Комиссаржевской — имела успех¹. Итак, в отношении материальном мы прогадали, и напрасны были все наши хлопоты о приятии ее на «императорскую» сцену. Правду сказать, я этого не ждал. Пьеса не хитрая, драма полуоперная, совсем под силу

* До востребования (франц.).

казенному театру. Но видно наша образцовая сцена одряхлаела совершенно, и никакие Ленские ² ее не спасут от гибели. Остается нам faire bonne mine *, что я и стараюсь — в письмах.

Что до меня лично, то вот уже два месяца, как я вне России: месяц бродил по Италии, другой — сижу на берегу океана ³. Ты не можешь себе представить, как благодетельно было для меня это путешествие. Я так замучился за два года в зубчатых колесах «Весов», «Золотого руна», писем в редакцию, обид, интриг и всего, что мы зовем «литературой», что решительно потерял самого себя. Сейчас начинаю обретать свою душу, возвращаться к жизни. Думаю, что эти месяцы, особенно эти дни в Пиренеях, образуют важный рубеж моего существования.

О тебе не знаю ничего, кроме того, что мог уловить по печатному изданию «Франчески». Разные поправки, подмеченные мною во многих местах, сказали мне кое-что о тебе. За все эти поправки, как и за всю заключительную работу над книгой, я тебе благодарен всей душой — насколько вправе благодарить один сотрудник другого при общей работе. Издание в общем мне нравится. Жалею только, что нет твоего предисловия: мое же сухо, скучно, а главное — несамостоятельно. Кстати: имеешь ли ты какие-либо вести из «Пантеона» и получим ли мы, переводчики, если уж не установленный гонорар, то хоть что-нибудь?

Я был бы очень счастлив, если бы ты написал мне. Еще больше хотелось бы видеть тебя. Сейчас так многое мне хотелось бы тебе сказать, — но именно сказать, не написать. Долго ли ты еще пробудешь в Крыму? (Я предполагаю, что ты — в Крыму.) Будешь ли зимою в Петербурге? Если можно, сообщи. Мой адрес (ибо из St-Jean я уезжаю вскоре): Paris, rue Vaugirard, hôtel de Lisbonne, Valérie Brussov.

Всегда твой Валерий Брюсов

¹ Постановка трагедии Д'Аннунцио «Франческа да Римини» (см. п. 63, примеч. 1) в Малом театре была расценена как неудача почти всей московской прессой (см. об этом: «Рампа», 1908, № 3, стр. 41, 44—45). Спектакль в Театре В. Ф. Комиссаржевской (в главной роли — В. Ф. Комиссаржевская) был встречен благожелательно (там же, № 4, стр. 61—62).

² Александр Павлович Ленский (Вервицотти, 1847—1908) — актер Малого театра, с 1906 г. — его главный режиссер, стремившийся к реформе и обновлению театра. Сближение Брюсова с Ленским (весна 1908 г.) явилось предпосылкой постановки «Франчески да Римини» в Малом театре (*Дневники*, стр. 139).

³ Брюсов провел в Италии август 1908 г.; в сентябре он жил в Сен-Жан-де-Люз (город на берегу Бискайского залива, в отрогах Пиренеев) и совершил поездку по западному побережью Франции (там же, стр. 139—141).

68. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

⟨Москва.⟩ 3 ноября 1908

Дорогой Вячеслав!

Узнал, что ты в Петербурге. Несколько раз писал тебе из-за границы. Доходили ли до тебя эти письма? Очень хотел бы получить весть от тебя. Мы здесь готовимся к кампании будущего года. Если до тебя дошел ходивший здесь слух, что «Весы» прекращаются, не верь ему. Можно ли рассчитывать на твое более деятельное, чем последние годы, сотрудничество? Весьма хотелось бы, и было бы очень нужно. Исключение Городецкого из числа сотрудников было сделано *без моего ведома* ¹. Считаю эту меру и неуместной и нетактичной. Статья его, подавшая к тому повод, была просто глупая, мальчишеская статья, на которую не стоило обращать внимания. Но зато следующая его статья уже действительно непристойна и отрезает путь к примирению ². Все же, как некоторый противовес происшедшему,

* faire bonne mine à mauvais jeu — делать хорошую мину при плохой игре (франц.)

мы даем сравнительно благосклонную заметку о «Дикой воле», которая мне лично не нравится вовсе³. Этой зимой, до Рождества, постараюсь быть в Петербурге. О многом надо, необходимо надо, с тобой говорить. Наши последние встречи то слишком беглые, то слишком деловые. Жду в ответ хоть несколько слов.

Твой Валерий

Р. С. В 1909 г. в редактировании «Весов», т. е. во внутреннем распоряжении редакции, будут произведены важные реформы⁴. Напишу о том отдельно, если ты подтвердишь свою солидарность с нами.

¹ С. М. Городецкий выступил со статьей «Глухое время» («Золотое руно», 1908, № 6), содержавшей развязные нападки на «Весы». После ее появления М. Ф. Ликиардопуло извещал Брюсова: «Посоветовавшись с Сергеем Александровичем, я написал Городецкому письмо, в котором сообщил ему, что «Весы» <...> принуждены отказаться от напечатания цикла его стихов и от дальнейшего его сотрудничества» (ГБЛ, ф. 386.92.22; письмо без даты). Об «остракизме», которому он подвергся, Городецкий оповестил «письмом в редакцию» «Золотого руна» (1908, № 7-8-9, стр. 125).

² Статья «Аминь», в которой Городецкий называет Брюсова «пророком», превратившимся в «фокусника», а направление «Весов» — рутинным и бесперспективным, несущим на себе «клею мертвецкой» (там же, стр. 105—107).

³ На этот сборник Городецкого (см. п. 63, примеч. 3) «Весы» откликнулись весьма сдержанным отзывом С. М. Соловьева (1908, № 10).

⁴ Об этих проектах см. наст. том, стр. 302—304.

69. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Петербург.> 7.XI.(19)08

Дорогой Валерий!

Благодарю тебя за вести из-за границы, за эти письма, в которых опять послышалась мне старинная нотка внутренней близости — та, что за последнее время звучала подчас разве лишь при личных свиданиях между нами с глазу на глаз, но совершенно отсутствовала в нашей случайной и редкой переписке о внешних делах. С радостью прежней расслышал я в твоих строках какой-то призыв к обновленному сближению (интимному, не деловому) — и всею душой откликнулся на него... заочно. Мне все хотелось тебе писать, но все пропускал я какие-то сроки и уже не знал где ты — на В⁴ Vaugirard *, или в Лондоне, или по дороге в Москву: здесь опять проявилась моя «кармическая»¹ вина и первозданная несостоятельность как корреспондента. Если я исправлюсь в отношении переписки, это будет поистине знаменовать новый этап моей душевной жизни и какое-то великое преодоление. Оно, тем не менее, не невозможно: ибо, возвратившись из Крыма к 17 октября (годовщине ухода Лидии)², я устроился по-новому (сравнительно с прошлой зимой) на «башне» и собираюсь быть трудолюбивым, дружить с письменным столом и корректурами и не обуславливать более внутреннего сосредоточения «неприятием» литературы. Из чего, однако, не следует, что я (употребляя выражения твоего письма) думаю попасть в зубчатые колеса того, что мы называем, со вздохом, «литературой». Так что слова твоей сегодня полученной записки: «мы здесь готовимся к кампании будущего года» — даже смutilи меня. Что это опять за «кампания»? Ужели снова «Руно» и «Весы»? или какой-то «индивидуализм» и какая-то «соборность»? или «идеализм» и «реализм»? или еще что? или Белый — Эллис contra Чулков? или Антон Крайний contra Кузмин e tutta quanta perduta gentè? **... Утешил ты меня сообщением, что изгнание Городецкого совершилось без твоего ведома и что ты считаешь эту «меру» (!) «и неуместной и нетактичной». Прибавлю с своей

* на бульваре Вожирар (франц.).

** и всей этой пропащей публики (итал.).

стороны, что мотивировка этой «меры» против статьи, которую ты называешь «мальчишеской», заключала в себе инсинуацию уже не «мальчишескую», а злонамеренную: был поднят нелепый разговор о «национальностях» на основании одной бестактной фиоритуры стиля, притязающего на «хлесткость»³. Городецкий, кстати, на мой взгляд, опять крепнет и очищается как художник; я надеюсь, что снисходительное отношение к неудачной «Дикой воле» он оправдает новыми доказательствами своего крупного и самобытного таланта. Что касается до всяких критик и полемики, — нам, *maestri* *, следует быть выше этой сферы мыслительной сутолоки и всяческих толков о нас. О, если бы «Весы» сделались поистине академическим органом! Единственная *борьба*, в которой я намереваюсь участвовать, — есть борьба за утвердившиеся в моем духе ценности религиозного сознания. Все остальное — *niedere Region* **, куда я не думаю нисходить. Более деятельное сотрудничество в «Весах» мне желанно — в той же мере, в какой желанно оздоровление «Весов». Серьезный, объективно-спокойный тон, отказ от полемических «красот», строгий вкус, устранение всего, что может быть истолковано учениками и толпой как симптомы междоусобной войны и соревнования между *maîtr'*ами — вот что сделало бы «Весы» тем, чем они должны в настоящее время быть, — органом *der Meister* ***. Голос всех тех, кого «Весы» признают как «Meister» современной нашей словесности, должен раздаваться на страницах журнала, и противоречия не должны служить соблазном: каждый имеет право на внимание и на объективное рассмотрение, без всякой тенденции его опровергнуть. Это возможно: ведь и Талмуд весь состоит из противоречивых, если угодно, наставлений отдельных раввинов. Один учитель не легко решается уличать другого во лжи или нарушении; здесь есть известный такт и как бы этикет... Говорю все это, чтобы ответить на твой вопрос о моей «солидарности» с «Весами». По существу дела, можно говорить только о солидарности журнала со мной, а не наоборот. Я, с одной стороны, уже сложился и определил себя, с другой — иду вперед закономерно и не предвижу в будущем идейного *salto mortale*. Журнал может испытывать модификации как таковой, но не изменились ни ты, ни я в себе и своих стремлениях. А какой характер будет носить далее журнал, в каком смысле изменится его различно изменяющаяся физиономия, как сложится его ближайшая программа и *regula* ****, — это было бы мне важно знать.

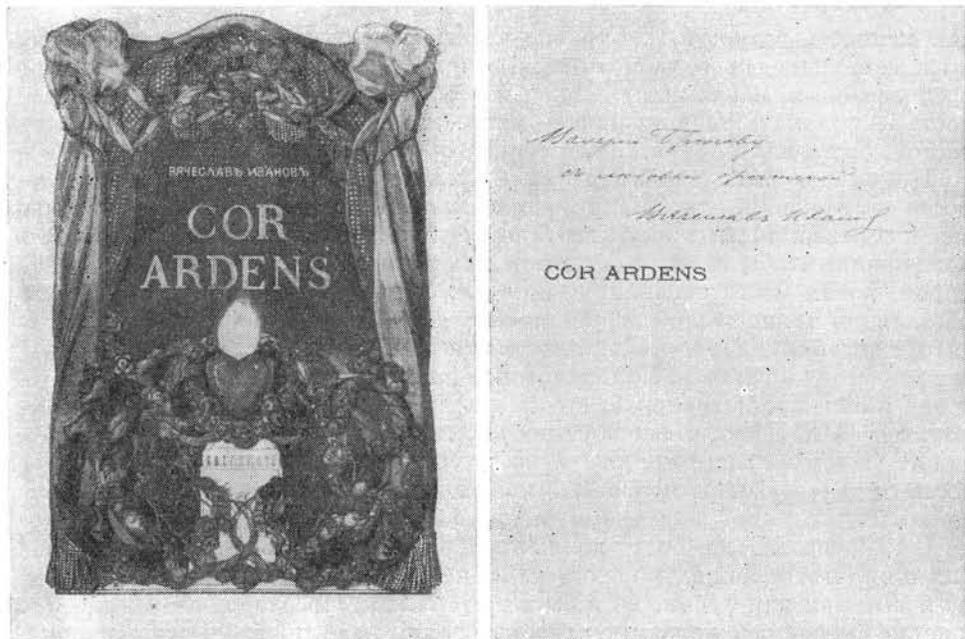
Дорогой Валерий, я почти написал «книгу лирики» — «Любовь и Смерть». Это канцоны и сонеты, посвященные ушедшей. Мне хотелось опубликовать эти 37 (по плану) стихотворений отдельной книжкой, с прибавлением прежних стихов, посвященных в разное время Л. Д. Зиновьевой-Аннибал⁴. Знаю, что появление этой книжки теперь вас не «устраивало» бы: об этом мы уже говорили. С другой стороны, эта, четвертая, книга лирики необходима для архитектурной стройности тома «*Cor Ardens*». Ее вмещение в том позволяет всю книгу назвать уместно «*Cor Ardens*» и удивительно гармонирует с прекрасной обложкой Сомова. М. Ф. Ликиардопуло известил меня, что «*Cor Ardens*» выйдет очень скоро. Итак, если «*Cor Ardens*» выйдет к декабрю и возможно вместить в конце «Любовь и Смерть» (нужны страниц 25), — то я ничего не предпринимаю для издания новых стихов отдельной книжкой. Если же «*Cor Ardens*» появится не скоро, то для меня составляет *нравственную потребность* издать новые стихи тотчас же, хотя бы в небольшом числе экземпля-

* наставникам, мастерам (*итал.*).

** область низшего (*нем.*).

*** мастеров, наставников (*нем.*).

**** устав (*лат.*).

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ. «COR ARDENS». М., «СКОРПИОН», 1911

С дарственной надписью: «Валерию Брюсову с любовью братской. Вячеслав Иванов»

Обложка (по рисунку К. А. Сомова) и титул

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ров, чтобы отметить годовщину ухода той, имени которой они посвящены. В журнале или частями печатать их нельзя. Будь добр, ответь.

Обнимаю тебя сердечно; душою с тобой; жду свидания нетерпеливо; не забывай меня и пиши часто; извести, пожалуйста, о безотлагательном тотчас.

Твой всегда Вячеслав

Прости, если что мое в «Францеске» показалось тебе своевольным; я очень спешил. Поздравляю с окончанием великолепного «Огненного ангела»⁵. В.

Ответ на п. 66—68.

¹ «Кармическая» вина — вина, порожденная прежними прегрешениями такого же рода.

² См. п. 62.

³ В статье «Глухое время» (см. п. 68, примеч. 1) Городецкий писал о «Весах»: «Журнал культурный, в подписчиках считает двух папуасов и эскимоску, сотрудничают в нем, кроме «своих», два Рене, один Гиль, два Гурмона, и еще всякие лорды и греки». «Лорды» и «греки» — намек на Уильяма Морфилла (английский корреспондент «Весов») и М. Ф. Ликиардопуло.

⁴ Цикл «Любовь и Смерть», расширившийся вдвое по сравнению с первоначальным планом, составил особый раздел в «Cor Ardens» (ч. II, кн. IV). Фрагмент из него («Спор. Поэма в сонетах») был опубликован в «Весах» (1909, № 2).

⁵ Последние главы романа опубликованы в восьмом номере «Весов» за 1908 г.

70. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

12 ноября 1908, Москва

Дорогой Вячеслав!

Ты несказанно порадовал меня своим письмом. Вот наглядное преимущество усвоенного тобою приема — писать редко: твои письма приобрели

всю ценность редкости. Не только читаю и перечитываю твои страницы, но и всматриваюсь в твой почерк, словно достался мне любопытный средневековый манускрипт. Но, ради бога, сделай в будущем эту радость — получать твои письма — менее, может быть, острой, но более частой, более длительной, более, чемез то, благодостной.

Принимаю твои упреки «Весам» — жестокие, при всей дружественности выражений, — но принимаю с оговорками. Во-первых, повторяю еще и еще раз: до сих пор, за все 5 лет, я никогда не имел в «Весах» такого положения, чтобы отвечать за все в них. Во-вторых, я и сознательно, порой, давал место страницам, которых лично не одобрял, если на том настаивали такие наши сотрудники как Белый и Эллис. Они несли всю тяготу чисто-журнального дела, всю ту «черную» работу, от которой многие другие уклонились, но без которой журналу нельзя существовать, — и они имели право говорить, высказать все (или почти все), что им казалось нужным. Знаю, что и за этими двумя оговорками остается еще много такого, в чем я просто «виноват», но здесь уже не мне судить, какая чаша весов (я «Весов») перетягивает: с моими добрыми делами в редакции или со злыми.

С 1909 года «Весы» будут вновь преобразованы, и в этом смысле я говорил о приготовлениях к новой «кампании». В этом слове не было намека на новые при или брани, хотя бы и в старинном смысле слова. Напротив, в какие бы формы ожидаемые преобразования не отличились, — часть полемика в «Весах» будет сведена на минимум: это единогласное решение всех московских «ближайших» сотрудников¹, а так как тебя, наперекор твоему фактическому уклонению от нас, мы продолжаем числить также среди таких «ближайших», мне и нам очень радостно услышать, что ты присоединяешься к общему вотуму. Но что касается самых «форм преобразований», они пока еще очень неопределенные, лишь вырисовываются из туманности, и мне придется, чтобы ознакомить тебя с ними, написать тебе письмо отдельное. Пока могу сказать только, что работа направлена к эмансипации «Весов» от «Скорпиона»... Так как в новой организации я не только не утрачу свободу действий, но, напротив, значительно расширю ее, мне хочется думать, что твое фактическое участие в журнале возродится и ты вспомнишь, что среди многообразных прав, которыми пользуешься ты как поэт, как человек, как русский гражданин, принадлежит тебе исконно право — писать в «Весах» *все, что ты находишь нужным поместить там.*

Что касается до твоего нового цикла стихов, я считаю решительно необходимым, чтобы ты включил его как отдел в «Cor Ardens». 25 страниц, о которых ты говоришь, несколько не отягчат книгу. Напротив, отдельно изданный сборничек с твоим именем несомненно повредит ей. Что касается быстроты издания книги, то она будет зависеть от тебя. Сейчас дело несколько замедлилось потому, что при переезде из Крыма в Петербург ты задержал корректуры. Но все будет скоро восстановлено, и ты будешь получать лист за листом безо всяких промедлений.

Не пишу тебе ничего о себе, ибо весь закручен водоворотом работы. Очень дорог мне твой отзыв о «Ангеле»: на днях вышлю тебе его 2-ой том².

Обнимаю тебя. Всегда твой В а л е р и й

P. S. Небезызвестная певица М. Оленина-д'Альгейм и ее муж, человек очень интересный, Pierre d'Alheim, основали в Москве «Дом песни»³. На публичных вечерах этого учреждения (в зале Консерватории) поют «песни» и поучают публику «докладами» и «беседами». В ближайшую пятницу будет «беседа» о символизме⁴. Участвуют: Андрей Белый, Эллис, Лурье (новый издатель «Русской мысли»)⁵, Г. А. Рачинский⁶ (тебе из-

вестный) и я. Я сказал, что эта «беседа» потеряет две трети своего смысла, если не будут представлены на ней твои идеи. Самое прекрасное было бы, если бы ты приехал лично. Но я понимаю всю трудность такого дела. В таком случае, не пришлешь ли ты письменного изложения своих мыслей или хотя бы *ряда страниц из своих уже напечатанных статей*, чтобы мы могли прочесть это перед слушателями от твоего имени⁷. Последнее столь просто, что грешно было бы тебе отказаться.

Твой В. Б.

Ответ на п. 69.

¹ Об очередной реформе «Весов» и ее результатах, а также о предполагаемом составе «ближайших» сотрудников см. наст. том, стр. 302—304.

² Первое издание романа «Огненный ангел» вышло в двух частях (М., «Скорпион», ч. I — 1908; ч. II — 1909).

³ О «Доме песни» и его организаторах см. наст. том, стр. 417.

⁴ Четвертый вечер «Дома песни» состоялся в Малом зале Консерватории 21 ноября 1908 г. («Голос Москвы», 1908, № 272, 23 ноября).

⁵ Семен Владимирович Лурье (1867—1927) — журналист, сотрудник «Русской мысли»; до прихода Брюсова в этот журнал заведовал его литературным отделом.

⁶ Григорий Алексеевич Рачинский (1859—1939) — литературный деятель, близкий к кругу символистов, переводчик, философ; был председателем «Общества свободной эстетики».

⁷ См. п. 71 и 72.

71. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Петербург.> 19.XI.<19>08

Дорогой Валерий,

Видишь, какой я «деятельный сотрудник». Даже прошу о немедленном помещении этой статейки¹. Затрагивает она ряд жгучих — здесь, в Петербурге, — вопросов. Спешу выслать к пятнице, желая не остаться глухим к твоему призыву: можешь, если только найдешь это уместным, прочесть статейку на вечер д'Альгейм. Это не беда, что она — апология; она содержит резюме моих взглядов на искусство — правда, с несколько специальной точки зрения. Во всяком случае, это все, чем могу лично служить тебе как покровителю вечеров. Отдельные, характерные страницы своих статей не умею выбрать, не могу выделить. С другой стороны, я ни малейшим образом не заинтересован в том, чтобы занимать своим ответом А. Белому скучающую аудиторию. Поступи, одним словом, как усмотришь сам. Но не обвиняй меня в том, что я не отозвался.

Прошу тебя убедительно — займись моим «*Cor Ardens*» и ускори дело. Ничего не получаю. Я уже писал, что «Любовь и Смерть» мне необходимо издать немедленно.

Спасибо за большое письмо. Жду обещанного другого.

Твой сердечно Вячеслав

Проню тебя, пришли на день корректуру статьи — и притом в *двойном* экземпляре и с оригиналом.

Ответ на п. 70.

¹ В статье «Эстетика и исповедание» («Весы», 1908, № 11) Иванов возражал против той интерпретации, которую дал его теоретическим построениям, в частности его концепции «грядущего хорового действия», А. Белый («Символизм и современное русское искусство». — «Весы», 1908, № 10); ст. Иванова перепечатана в сб. Иванова «По звездам» как «экскурс» к статье «Две стихии в современном символизме».

72. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

〈Москва.〉 24 ноября 1908

Дорогой Вячеслав!

Благодарю за письмо и за статью, хотя и полемическую. Спешу поместить ее в № 11, ибо есть опасение (может быть, и неосновательное), что № 12 мы не успеем напечатать до Рождества. Ты понимаешь, что мы всячески торопимся, и я умоляю тебя вернуть корректуры как можно скорее, с ближайшей почтой. Если задержим их, нам придется печатать твою статью с редакционной корректурой.

По существу ты, конечно, во многом прав в этом споре. Но ты знаешь Белого. Что с ним поделаешь! Он может дать прекрасное и интересное *только* в смеси с ненужным и, порою, с уродливым. Беру его и люблю его таким, каков он есть.

Отрывки твоей статьи я читал на вечере д'Альгейм.

Корректуры твоей книги всячески тороплю. Но, безо всякого укора будь сказано, два листа ты задерживал неделю 6, а сейчас время очень «горячее». Надеюсь, однако, что дело наладится.

Сейчас писать подробнее и менее деловито, клянусь, времени нет. От всей души тебя приветствую. Что дашь нам для 1909 г.? И не дашь ли 2—3 стихотворения для номера 1¹?

Твой сердечно В а л е р и й

Ответ на п. 71.

¹ В первом номере «Весов» на 1909 г. Иванов не участвовал; о его стихах во втором номере см. п. 69, примеч. 4.

73. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

〈Петербург.〉 17. XII. 1908

Дорогой Валерий, на этот раз только два слова о специальном деле, опуская целый ряд насущных для переписки тем: вчера Мережковский, передавая мне свою книжку «В тихом омуте», просил написать о ней рецензию, «может быть, в «Весах». Я, правда, сказал ему, что в «Весах» рецензии обычно пишутся москвичами; но, обдумав дело, нахожу, что именно в «Весах» я рад был бы высказаться об этой книге и по поводу ее. Так как книга написана, главным образом, о так называемом «мистическом анархизме» — не моем, а неведомо чьем, то может случиться, что рецензия, не мною написанная, будет опять ворошить старые счеы по тем пунктам, по которым есть, кажется, ныне между мной и «Весами» согласие, или затрагивать под общей кличкой меня — так, как я не желал бы отныне быть третируемым на страницах «Весов». Ответь, не желаешь ли предоставить мне рецензию для январского номера¹.

Твой с любовью Вячеслав

Кстати: если мнения Белого и Элліса eo ipso * мнения *журнала*, — то какой же я сотрудник? разве гастролер на час? Ибо они говорят «мы».

¹ Из статей, составивших сборник Мережковского «В тихом омуте» (СПб., 1908), только одна («Мистические хулиганы») посвящена «мистическому анархизму», однако этой теме Мережковский касается вскользь и в других статьях. По-видимому, рецензию Иванов не написал — в «Весах» она не появилась, несмотря на согласие Брюсова (см. п. 74) и напоминания редакции (письмо М. Ф. Ликиардопуло к Иванову от 4 марта 1909 г. — ГБЛ, ф. 109).

* тем самым (лат.).

74. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Москва, 23 дек<абр>я 19>08

Дорогой Вячеслав!

Не писал тебе до сих пор потому, что все еще не мог выяснить нового положения «Весов». К сожалению, и до сих пор это их новое положение, или лучше сказать их конституция, остается не выясненным. Пока что дело ведется прежним порядком и, хотя это и грустно, может быть, так и будет вестись весь год.

Всякая твоя статья, конечно, очень желанна. Непременно напиши о новой книге Мережковского и постарайся прислать заметку еще на праздниках, чтобы она вошла в № 1. Дашь ли нам стихов для одного из первых №? Стихи решили мы в 1909 г. печатать не циклами (при таком порядке поэтам приходилось слишком долго ждать очереди), но по 1—2—3 стихотворения каждого поэта из числа 3—4, соединенных в одном №.

Относительно «мы» Белого, повторю тебе то же, что говорил много раз. Идейный облик журнала, естественно, зависит от тех, кто в нем пишет. Ты последние годы совсем не радовал нас своим сотрудничеством. Пиши у нас чаще, и «Весы» станут твоим журналом.

Позволь спросить тебя, получил ли ты какой-либо гонорар за «Франческу» в театре Комиссаржевской? Мне через Театральное общество выслали небольшую сумму, но я не знаю, личный ли это мой пай или наш общий. В Московском императорском театре я получил 129 р., из которых половину, принадлежащ(ую) тебе, — высылаю. О ходе работ над твоей книгой физически не имел возможности заботиться, занятый выпуском двух последних выпусков журнала. Прости.

В феврале надеюсь быть в Петербурге.

Обнимаю тебя. Твой В а л е р и й

P. S. В какой-то газете читал я критику Георгия Чулкова моего «Огненного ангела». Между прочим, Чулков упрекает моего Мефистофелеса за то, что он «глупее», чем Мефистофель Гете¹. Считаю такое замечание также «глупым». Мой Мефистофелес жил за 300 лет до Гете и предугадывать его не мог никак. Сколько смею судить, мой Мефистофелес весьма похож на того, которого изображали и описывали в своих книгах, письмах и мемуарах писатели XVI в., — а на Мефистофеля Гете он похожим и не собирался быть. Если *исторический Мефистофель* не столь блестящ, как «бес» Гете, моя ли вина?²

Ответ на п. 73.

¹ Г. И. Чулков писал о персонажах романа Брюсова «Огненный ангел»: «Фауст Марло — «Фауст» Гете — «Фауст» Брюсова — это звучало бы недурно, если бы роковая неудача не постигла нашего современника. Мефистофелес Брюсова как-то потускнел, поглубел и стал неожиданно Мелким бесом самого малого ранга» («Фауст и Мелкий бес». — «Речь», 1908, № 301, 8 декабря).

² Мысль эту Брюсов развил в одной из заметок, предназначенных для сборника «Miscellanea» (*Избр. соч. 1955*, т. 2, стр. 555).

75. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

<Москва.> 29 янв<ар>я 1909

Дорогой Вячеслав!

Тебе передавали о несчастье, случившемся в нашей семье¹. Это разрушило все мои ближайшие планы и лишило возможности поговорить с тобой за этот твой приезд так, как мне хотелось бы. Приходится отложить это до моего приезда в Петербург (в конце февраля, думаю я теперь).

Надеюсь хоть мельком увидеть тебя на вечере «Свободной эстетики».

Он состоится в пятницу, в 9 ¹/₂—10 часов вечера, в верхнем зале Литературно-художественного кружка ². *Очень прошу тебя* заявить при входе, что ты мой «гость» (меня, как лектора) и не платить поэтому той пени, которая взимается с «черни непросвещенной». О том же прошу и Веру Константиновну ³.

Во вторник, к глубокому сожалению, ты мог лично убедиться, как был я прав, описывая общество, собирающееся на «вторники» кружка. Это не народ, не интеллигенция, даже не «публика»; это — чернь, это — подонки общества ⁴.

Всегда твой В а л е р и й

Р. S. Я принял все меры, чтобы для Белого инцидент не имел дурных последствий ⁵.

Ждал тебя вчера и сегодня в «Весах» в 3 часа дня.

¹ В январе 1909 г. И. М. Брюсова сломала руку — см. наст. том, стр. 586.

² 30 января на заседании «Общества свободной эстетики» Брюсов прочел доклад о «Медном всаднике» Пушкина.

³ В. К. Шварсалон — см. п. 64, примеч. 9.

⁴ 27 января Иванов выступил в Московском литературно-художественном кружке с рефератом «Последние течения в литературе». Ему оппонировал Белый. В ходе обсуждения произошел скандальный инцидент: беллетрист Ф. Ф. Тищенко обвинил Белого в политической и этической беспринципности, в ответ на что Белый закричал: «Вы — подлец! Я оскорблю вас действием!» («Русское слово», 1909, № 22, 28 января). Подробнее см.: *Между двух революций*, стр. 261—262.

⁵ 29 января Брюсов писал Н. И. Петровской: «Вчера дело это разбиралось в Дирекции. Я не присутствовал. Конечно, всячески защищаю Белого. Но и он хорош: лезет в эту помойную яму, называемую «вторниками», и еще не умеет презирать ее» (ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 4).

76. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ Ночью на 1 февр(аля 1)909

Столетний бор. Вечерний сумрак зелен.
Мне щеки нежит мох и мягкий дерн.
Мелькают эльфы. Гномы из расщелин
Гранита смотрят. Крадется ликорн ¹.

Зачем мой дух не волен и не хмелен?
Зачем в груди пылает ярый горн?
Кто страсть мне присудил? и кем он велен,
Суровый приговор бесстрастных Норн ²!

Свободы! Тишины! путем знакомым
Сойти в пещеру к празднующим Гномам,
Иль с дочерьми царя Лесного пасть (?!) —

Иль мирно спать с травой, со мхом, с кристаллом...
Нет! голосом бессонным и усталым
Звучит во мне, считая миги, страсть.

О Валерий! не венцами
Я твоими убираюсь:
Верный, я свести стараюсь
Лишь твои концы с концами.

Рифмы — прерванные ласки!
Рифмы — сфинксы! сбросьте маски;
Нашей дружбы, нашей сказки
Будьте тайными гонцами.

В я ч е с л а в

Открытка.

Обстоятельства, при которых написано это стихотворное послание, не совсем ясны. Сонет, составляющий его первую часть, принадлежит Брюсову и написан

ПИСЬМО ВЯЧ. ИВАНОВА
БРЮСОВУ

Открытка. Москва, ночь на
1 февраля 1909 г.

Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, Москва

Москва, на 1 февр 1909

Счастливый добрый вечерний сумрак земли
Мне чужды морять мхом и мхом беречь.
Мелкают дубки. Сомелью разосыпал
Гранит, сморщил. Крайне сморщил.

Зачем мой дух не волен и не целен?
Зачем в груди покатил серый горня?
Кто страшилит прилюдно? и кто вон
Суровый приговор безобразного Норна!

Светлой! тучи! мураш! знакомый
Соня в пещеру же прозвучившая Иволга,
Иль с дочерью Царя Лесного петь (?!)

Иль мирно спать со мхом, с землей, с гранитом...
Нет! голосом безжалостным и жестоким
Звучит во мне, считая миги, медь.

О Вязем! не ври мне
Я твой миг убираю:
Второй, и светлой формой
Лесной женой которой и женой

Рифмы-сфинксы! сбросьте маски!
Рифмы-сфинксы! сбросьте маски!
Наши друзья, маски!
Будьте радостным соней!

Вяземская

11 июля 1908 г. (дата на автографе — ГБЛ, ф. 386. 5. 6, л. 58); под заглавием «Ликорн» вошел в сб. «Все напевы» (Пути и перепутья, т. III). Однако автограф Иванова имеет несколько разночтений с текстом Брюсова, причем почти исключительно в рифмах. У Брюсова (курсивом отмечены разночтения):

стр. 5:

Зачем мой дух не волен и не целен!

стр. 11—14:

Иль с дочерью Царя Лесного петь,
Иль мирно спать со мхом, с землей, с гранитом...
Нет, голосом жестоком и несмытым
Звучит во мне, считая миги, медь.

Места этих разночтений в стихе и разъяснения, которые дает им Иванов (см. п. 78), а также его слова, обращенные к Брюсову («благодарю <...> за данную мне возможность так интимно, путем опыта, заглянуть в мистерии твоего творчества» — там же), — все это позволяет сделать вывод, что Брюсов предложил Иванову «угадать» (см. п. 78) рифмы своего сонета. Это предположение подтверждается стихотворной припиской Иванова к сонету (ср.: «Рифмы-сфинксы! сбросьте маски») и письмом 77, в котором он предлагает новую рифму. В этом же убеждает и посвященное Иванову стихотворение «Воссоздателю» (Пути и перепутья, т. III):

Ты стройность дал бессвязным грудам,
В безликом облик угадал,
И — чудотворец! — этим чудом
Мое созданье оправдал!

Смысл стихотворения «Воссоздателю» и обстоятельства его написания впервые раскрываются благодаря публикуемому письму.

¹ Ликорн — мифическое существо, единорог с телом лошади (долгое время считался реально существовавшим животным).

² Норны — в скандинавской мифологии богини судьбы.

77. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Москва. Ночь⟩ на 2.II ⟨19⟩09

Зеленой пряжи нити *прясть*
 Лесным приличествует девам.
 Прости случайную напасть:
 Не в лад магическим напевам —
 Нелепо вдруг зевнуло: «*насть*»¹.

Надеюсь твердо, что Иоанне Матвеевне лучше, что все благополучно.

Твой В.

Открытка.

¹ См. п. 76, строка 11.

78. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 3 февр⟨аля 1⟩909

Дорогой Валерий,

Ты вознаградил меня с царскою щедростью, которой к лицу превышать заслуги... Итак маленькое приключение нашей поэтической дружбы ознаменовалось обращенными ко мне великолепными стихами: горжусь ими и горячо за них тебя обнимаю!¹

Ликорн был подсказан внутренней связью стихотворения. Его присутствие сразу почувствовалось в астральности твоего леса. Лунно-фаллический символ Единорога был уместен в этом сопоставлении страстной природы человека с иным законом жизни у растений и кристаллов. Вот почему, кстати, чтение «с кристаллом» точнее и отчетливее, на мой взгляд, раскрывает мистическую и магическую основу замечательного сонета. Что касается не угаданной мной «меди», то и здесь я склонен защищать свой вариант. «Медь» — аллегория чисто внешнего восприятия времени; *в нас* же «считает миги» — кровь. «Глагол времен»² *в нас* — биения сердца. Они же — «металла звон», но не Венераиной меди, а Марсова железа. Кровь — страсть. Итак, миги считает страсть? Конечно, поскольку *наше*, земное представление о времени принадлежит сфере «страстного разума» (Кама-Манас)³, т. е. духовности, затемненной в воплощении страстью. Правда, и медь Венеры имеет отношение к страсти, но отношение *внешнего* воздействия на нашу страсть, планетарного *влияния*. *В нас* меди нет; а ты говоришь о внутренних импульсах имманентной Камы. С другой стороны, «прясть» нежнее, фантастичнее, богаче как образ, чем «петь». «*Sie wiegen und tanzen und singen dich ein*»⁴, но *с ними* петь едва ли возможно. Образ зеленой пряжи позволяет заглянуть во внутреннюю деятельность растительной жизни (как образ гномов открывает тайнодеяние горных недр) — и сравнить мирную гармонию творческой природы с внутренним разладом человека. «Так страждет страсть, единое дробя...»⁵. В заключение — чтобы кончить словом «страсть», я бы изменил выше страсть в «кровь», например: «кто кровь мне в жилы влил, или подобное.

Итак, еще благодарю как за стихи, так и за данную мне возможность так интимно, путем опыта, заглянуть в мистерии твоего творчества — и, быть может, показать тебе немного свои.

Еще увидимся. Еду, кажется, только в субботу.

Твой Вячеслав

P.S. Мне не нравится «иль мирно *спать*...» Не *спать*, а...? Быть может, «безмолвствовать...» — согласно одной формуле Друидов. В.

¹ Иванов благодарит Брюсова за стихотворение «Воссоздателю» (см. примеч. к п. 76); дату его написания позволяет установить это письмо — 2 февраля 1909 г.

² Первые слова оды Державина «На смерть князя Мещерского».

³ Термин индийской философии. Кама — тело желающее и ощущающее, животная душа, средоточие низших проявлений душевной жизни: инстинктов и страстей. Манас — ум, способность к выработке понятий, к умозаключениям. Кама-манас — низший разум, в противоположность разуму высшему.

⁴ «Они баюкают тебя, и танцуют, и поют» — из стихотворения Гете «Лесной царь».

⁵ Строка из «поэмы в советах» «Спор» (совет третий) — см. п. 69, примеч. 4.

79. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 3. I. 1910

Дорогой Валерий,

Поздравляю тебя с Новым годом, будь светел и славен. Ты очень обрадовал меня дважды приветами из Швейцарии и тронул живую памятью обо мне в местах, где я был счастлив когда-то¹. С нетерпением жду твоего приезда. Жизнь моя течет тяжело и болезненно. Отпустить «*Cor Ardens*» просто не было воли. И вовсе не потому, чтобы я его совершенствовал или пополнял по плану или, наконец, колебался обнародовать. Глубокое равнодушие оковывало меня. Но довольно писанных нелюбимых слов. Хочу тебя обнять. Благодарю тебя за «Огненного ангела» — ты знаешь, я люблю твою книгу². Пожелай счастливого Нового года Иоанне Матвеевне. «Общество ревнителей художественного слова» ждет тебя; тобою гордится как своим³. Настоящий состав Совета, который ведет «Общество», его задачи и работы: ты, Зелинский (кооптированный на место И. Ф. Анненского)⁴, Блок, Кузмин и я. Маковский — «администратор» — ведает «тело» «Общества», с своим помощником (секретарем редакции «Аполлона»). Выбирает новых членов Совет-администратор. Такова организация. Отделение от «Аполлона» полное, в смысле организации и юридическом. Я читал в этом семестре о метафоре и символе (три вечера) и потом о внутренних формах лирики, именно о «*reine Lirike*» * и гимне⁵. Анненский был прерван — преждевременной, горькой — смертью! — на начале серий: «Ритмы Пушкина и их судьба в нашей позднейшей лирике». Зелинский в этом полугодии прочтет о законе клаузулы в прозаическом периоде и о элегическом ритме (дистихи) в антике и у нас. Твоего курса ждем с огромным интересом. Любящий тебя Вячеслав.

Членов у нас мало — часто мы, кажется, преувеличиваем *осторожность* — что, впрочем, отнюдь не значит, что у нас литературная *élite*.

В.

Чуть-чуть было не уехал с Гумилевым в Африку⁶... но был болен, оцеплен делами и — беден, очень беден деньгами.

¹ Путешествуя по Западной Европе осенью 1909 г., Брюсов послал Иванову две приветственные открытки — из Бриенца (2 сентября) и из Женевы (11 сентября).

² Брюсов послал Иванову второе издание романа «Огненный ангел» (М., «Скорпион», 1909).

³ Осенью 1909 г. «Поэтическая академия» (т. е. заседания на «башне» Иванова, посвященные лекциям по теории стиха для молодых поэтов) была преобразована в «Общество ревнителей художественного слова» с официальной программой лекций и поэтических вечеров. В его «совет», состав которого Иванов перечисляет далее, входили писатели, группировавшиеся вокруг редакции журнала «Аполлон» (СПб.; первый номер вышел в октябре 1909 г.). Административные функции взяли на себя редактор «Аполлона» Сергей Константинович Маковский (1877—1962) и секретарь редакции этого журнала Евгений Александрович Зюско-Боровский (1884—1954). Брюсов один из первых получил приглашение прочесть курс лекций по теории стиха: «Кроме вас, для той же цели пока приглашены г.г. Вячеслав И. Иванов,

* чистой лирике (нем.).

Иннокентий Ф. Анненский, в числе своих слушателей вы увидите всех молодых поэтов, живущих здесь. Главным инициатором является Н. С. Гумилев (письмо Этноско-Боровского от 21 сентября 1909 г. — ГБЛ, ф. 386. 86.61). Брюсов ответил согласием (см. там же, письмо от 20 октября 1909 г.), однако с лекциями в «Обществе» не выступал. О роли Иванова в этом «Обществе» см.: Модест Гофман. Поэтическая академия («Вестник литературы», 1909, № 8).

⁴ И. Ф. Анненский скоропостижно скончался 30 ноября 1909 г. Фаддей Францевич Зелинский (1859—1944) — филолог-классик, профессор Петербургского университета; друг Иванова.

⁵ Сохранились конспекты некоторых из этих лекций, написанные рукой М. М. Замятниной (см.: ГБЛ. Записки Отдела рукописей. Вып. 34. М., 1973, стр. 258). Вероятно, задуманная им позже книга «Введение в поэтику» должна была строиться на основе этого курса, а также лекций, прочитанных в «Кружке поэзии» (ср.: «Записки высказываний В. И. Иванова на занятиях «Кружка поэзии», февраль — август 1920 г. Сост. Ф. И. Коган». — ИМЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 6). Книга не вышла, хотя была объявлена изд-вом «Альциона» («Печать и революция», 1922, кн. 2(5), стр. 402), а затем ошибочно указана в числе изданий, выпущенных в свет (там же, кн. 7, стр. 158).

⁶ Н. С. Гумилев уехал в Абиссинию в ноябре 1909 г.

80. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

⟨Москва.⟩ 18 января 1910

Дорогой Вячеслав!

Ты несказанно обрадовал меня своим письмом. Несмотря на то, что мы разделены с тобой всеми внешностями нашей жизни и, последние годы, встречаемся крайне редко, — я чувствую тебя близким и бесконечно себе дорогим. Скажу даже, что ты мне самый близкий из всех, ныне живущих существ. Не знаю, как такие слова отзываются в твоей душе, но все же хочу их тебе сказать.

Мне было очень понятно все, что ты написал мне о «крайнем равнодушии, оковывавшем тебя». Это чувство я пережил сам и отчасти еще переживаю до сих пор. Между прочим, под его влиянием бежал я за границу, где провел больше трех месяцев. За эти дни я почти ничего не делал, во всяком случае не делал, не писал ничего важного. Да и теперь, вернувшись в Москву, к своим книгам, к своим бумагам, я с явным усилием принуждаю себя жить и работать.

Этому внутреннему неустройству соответствует вполне неустройство внешнее. Я говорю о нашей, русской литературной жизни. Сколько я могу судить, в ней господствует полный распад. Былые союзы и кружки все разложились. Былые руководящие идеи изжиты, — новых нет. Но в то время, как мы, которые, так сказать, в своей груди выносили идеи недавнего прошлого, с правом говорим себе и другим: «мы хотим иного», — кругом толпа новоприбывших незнакомцев, ничего не переживших, ничего не выносивших, пляшет каннибальский танец над прежними нашими идеалами и плюет на них. И это отвратительно.

Ты знаешь, что я никогда не был врагом молодости, молодежи. Не я ли первый приветствовал Белого? и Блока? позднее Городецкого? и Гумилева? и совсем недавно графа А. Толстого? ¹ Но я хочу или иметь возможность учиться у молодежи, или чтобы она училась у меня, у нас. Третьего я не признаю. Или принеси что-то новое, или иди через нас поставленную триумфальную арку. Когда же как новое откровение предлагают мне идеи, нами пятнадцать лет тому назад отвергнутые и опровергнутые, я оставляю за собою право смеяться.

В Петербурге у вас я не вижу никаких радующих предзнаменований. Может быть, я ошибаюсь, судя издалека. Мне кажется, что союз «Аполлона» — вполне внешний. Его идея — привешена извне, а не возникла из глубины того сообщества, которое окружает журнал ². «Академия» — учреждение очень приятное, заслуживающее всякой поддержки, полезное, но ведь оно имеет смысл только при существовании истинной жизни.

Иначе ее роль — сохранять, и бессмысленно сохранять, традиции и формы, чтобы передать их более счастливым поколениям.

Еще хуже обстоит дело у нас в Москве. «Весы» умирают не только физически, — они умерли и духовно. Вокруг них нет никого, кроме шакалов, доглядывающих оставшиеся кости (разумею Ликиардопуло и кое-кого еще). «Музагет»³ себя откровенно объявляет эклектиком. Это лучшее, что он может сделать. Только самая широкая, общекультурная платформа способна сейчас еще объединить более или менее широкие силы. Впрочем, я лично в «Музагете» почти не участвую. Для такого нетрудного дела, какое он затеял, не стоит трудиться.

Я думаю, что в этой общественной дезорганизации достаточно повинны и мы, т. е. мы с тобой. Ибо больше обвинить некого, за полной духовной безответственностью Блока, за почти преступной зыбкостью Белого и за горестным падением Бальмонта⁴ (с которым я провел несколько недель в Париже⁵). Что должно делать мне, я ищущу, я стараюсь понять и надеюсь услышать от тебя. Но тебе прежде всего, усилием воли, надо стряхнуть с себя твое равнодушие. Сейчас время, когда тебе нельзя, когда ты не имеешь права — молчать. Последние годы, ушедший в совершенно не читаемое нигде и никем «Золотое руно», ты как бы не существовал в русской литературе. Единственное твое дело было — сборник «По звездам»⁶. Это очень много, это дело едва ли не великое, но для наших дней даже великого мало. Надо больше. Ты должен писать, ты должен говорить, ты должен учить. И прежде всего ты должен воскреснуть как поэт. «Сог Ardens» более чем необходимая для нас книга. Отсрочка каждого дня ее появления — есть твое преступление перед русской литературой, и следовательно, перед русским обществом, перед всей Россией.

Я очень жалею, что в моем распоряжении только перо и бумага. Мне хочется говорить с тобой и сказать все это, с бесконечными дополнениями, с развитием всех мыслей, устно. Но не знаю, когда удастся мне быть в Петербурге и у тебя. «Обстоятельства», и прежде всего работы держат меня прикованным здесь. Не смею тебя просить о письмах, но тайно хочу надеяться на них. Обнимаю тебя любовно.

Твой всегда В а л е р и й

Здесь был Сологуб. Сейчас — Сомов.

Ответ на п. 79.

¹ Об отношении Брюсова к молодым поэтам, в частности к первым выступлениям Белого, Блока, Городецкого, Гумилева и А. Толстого, см. наст. том, стр. 204, 205—209.

² Ср. программу «Аполлона»: «Давая выход всем новым росткам художественной мысли, — «Аполлон» хотел бы называть *своим* только строгое искание красоты, только свободное, стройное и ясное, только сильное и жизненное искусство за пределами болезненного распада духа и лжеинноваторства» (1909, № 1, стр. 4).

³ «Музагет» — издательство, основанное в конце 1909 г. Э. К. Метнером, Андреем Белым и Эллисом; во главу угла ставило теоретическое обоснование проблем символизма. Кроме произведений символистов, выпускало литературу по эстетике и философии, классическую и современную.

⁴ Сборники Бальмонта второй половины 1900-х годов («Злые чары», «Песни мстителя», «Жар-Птица», «Хоровод времен») получили отрицательную оценку Брюсова. В 1911 г. он сделал окончательный вывод: «...как определенный деятель нашей литературы, Бальмонт, конечно, уже сказал свое последнее слово» (*Далекие и близкие*, стр. 106).

⁵ Брюсов встречался с Бальмонтом в Париже с 7 по 19 октября 1909 г. 12 октября он писал И. М. Брюсовой о нем: «Читал очень много своих стихов — не хуже, не лучше, чем писал прежде, но много лучше, чем стихи печальной памяти «Жар-птицы». Все же я очень рад встрече с Бальмонтом» (ГБЛ, ф. 386.142.13).

⁶ В сб. «По звездам» (СПб., 1909) объединены «опыты философские, эстетические и критические» за 1904—1909 гг.

81. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

(Москва.) 21 мая 1910

Дорогой Вячеслав!

Как ты, вероятно, уже знаешь, мы, москвичи, нашли необходимым протестовать против статьи Георгия Чулкова о «Весях», напечатанной в «Аполлоне»¹. Дело в том, что «Аполлон» — единственный журнал, от которого можно и должно было ожидать серьезной оценки деятельности «Весов». Поэтому мы не могли пройти молчаливым появлением в «Аполлоне» статьи Чулкова, шутовской и оскорбительной — для «Весов» в их целом и для отдельных участников журнала. Вместо того чтобы оценивать сделанное «Весами», Чулков, по своему всегдашнему обыкновению, сводит в своей статье личные счеты и всычески старается уязвить своих неприятелей. Я посылаю тебе копию с протеста, доставленного нами в редакцию «Аполлона»². Согласно с решением, которое было принято подписавшими протест, я известил «Аполлон», что его отказ напечатать наш протест поведет к нашему выходу из числа его сотрудников³. Замечу при этом, что, на мой взгляд, протест написан очень сдержанно; если и есть в нем резкие выражения, то они оправдываются соответствующими выходками в статье Чулкова.

Протест наш исходит от «группы сотрудников» «Весов». Мы никого не хотим побуждать присоединиться к нам, но, разумеется, будем весьма рады всем, кто таким присоединением заявит о своей солидарности с нами. К тебе к первому мы обращаемся с таким предложением. Но, будь уверен, что тот или другой твой ответ, т. е. согласие или отказ подписаться под нашим протестом, ни в какой мере не повлияет на наши (и, в частности, на мои) к тебе отношения. Надеемся только, что как старый сотрудник «Весов» ты, если и не будешь сочувствовать нашему протесту, не будешь и препятствовать его появлению в печати, так как главная его цель — реабилитировать доброе имя «Весов», на которое Чулковым явно брошена темная тень.

Жду каких-либо вестей от тебя. Обнимаю тебя сердечно.

Твой В а л е р и й

¹ О содержании этой статьи Чулкова, посвященной итогам деятельности «Весов», с 1910 г. прекративших свое существование («Весы». Некролог.— «Аполлон», 1910, № 7, апрель), см. наст. том, стр. 314.

² «Протест» был адресован редактору «Аполлона» С. К. Маковскому (хранится в ГПБ, ф. 124, ед. хр. 673):

«Многоуважаемый Сергей Константинович!

Не откажите дать место на страницах вашего журнала следующему заявлению группы ближайших сотрудников «Весов».

Высоко ценя «Аполлон» как орган серьезных исканий в области художественной жизни, мы были глубоко опечалены, прочтя в № 7 журнала критическую статью, посвященную нам всем дорогим, прекратившимся «Весам». Помещенная в первом отделе журнала, сама себя именующая «некрологом», статья эта имеет все признаки, которые позволяют считать ее как бы редакционной. Между тем она подписана именем г. Георгия Чулкова, авторитет которого никак не может считаться непрерываемым в литературных кругах и беспристрастие которого в оценке «Весов» может быть заподозрено. Напомним, что за последние годы литературная деятельность г. Георгия Чулкова подвергалась на страницах «Весов» весьма суровой и даже резкой критике, подавшей повод одному органу печати заявить, будто «Весы» систематически «травят» г. Георгия Чулкова. Здесь не место обсуждать, погрешили ли «Весы» в своей критике писаний г. Георгия Чулкова против добрых литературных нравов, но достаточно ясно, что г. Георгию Чулкову выступать, при таких условиях дела, судьей «Весов» было по меньшей мере неудобно. Различные обвинения, в общем довольно тяжелые, выставленные в «некрологе» «Весов», в значительной степени теряют свою силу, так как подписаны лицом, у которого есть свои счеты с «Весами», и вся критика получает характер полемики, неуместный по отношению к изданию, которое уже не может защищаться.

Как лица, стоявшие близко к редакции «Весов», мы не считаем себя вправе писать антикригику на рассуждения г. Георгия Чулкова. Мы надеемся, что редакция «Аполлона» сочтет нужным (как она то и обещает) в другой статье вернуться к деятельности «Весов», чтобы дать ей оценку менее одностороннюю. Но пока мы не можем воздержаться, чтобы не заявить, что фактическая часть «некролога», написанного г. Георгием Чулковым, исполнена всяческих ошибок, промахов и пропусков. Характеристика, которую он делает двум периодам жизни журнала или, точнее, двум его руководителям, будто бы (что не верно) направлявшим его деятельность до 1906 и после 1906 года, может только вызвать улыбку у всех, знакомых с истинным положением дел. Нам вспоминаются стихи Пушкина:

Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в самой подлости оттенок благородства!

Если «льстецам» должно сохранять «оттенок благородства», то «хулителям» подобает сохранять «оттенок» правдоподобия. Мы боимся, что он нарушен в «некрологе» г. Георгия Чулкова.

Валерий Брюсов, Андрей Белый, М. Ликиардопуло, Борис Садовской, Эллис.

В копии, посланной Иванову (ГБЛ, ф. 109), среди подписей поставлено имя С. М. Соловьева, который подтвердил свое участие в протесте несколько позже — телеграммой в редакцию «Аполлона» и письмом Брюсову от 30 мая 1910 г. (ГБЛ, ф. 386. 103.23).

³ 19 мая 1910 г. Брюсов писал Е. А. Зноско-Боровскому: «Мы, подписавшие этот протест, обсудили в нем каждое слово, считаем его составленным в выражениях весьма сдержанных и не можем согласиться ни на какие в нем изменения. Мы просим редакцию «Аполлона» напечатать этот протест в форме «письма в редакцию» <...> Само собой разумеется, что отказ редакции «Аполлона» напечатать наше письмо повлечет за собою отказ всех, подписавшихся под письмом, от дальнейшего участия в «Аполлоне» (ГПБ, ф. 124, ед. хр. 673).

82. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Петербург.> 22 мая <1910 г.>

Дорогой Валерий,

Я держусь в этом деле нейтралитета. *Текст* вашего протеста узнал я из твоего письма; о самом *факте* протеста услышал вчера впервые от лица, приехавшего из Москвы. Статью Чулкова прочел, вероятно, одновременно с тобой, по выходе в свет последнего № «Аполлона». Я не член редакции и за ходом редакционных дел не слежу. Подписи своей к вашим я не присоединил. Мнения моего о меня не спрашивали. Дружба моя с тобой и с Андреем Белым не обязывает меня все же держать его безусловно в тайне. Оно таково: конец письма (от слов «нам вспоминаются стихи Пушкина...») содержит прямое и неоправданное фактами оскорбление чести литературного противника и косвенное оскорбление редакции. Будь я редактор, я бы, конечно, не напечатал этой несправедливой и ненужной фразы, долженствующей вызвать законный протест общественного мнения ¹.

Неизменно с любовью Вячеслав

Разве это ваше письмо достойно реабилитирует честь «Весов», чье имя мне также дорого, но, на мой взгляд, не нуждается в «реабилитации»?

Ответ на п. 81.

¹ О том же писал Брюсову Зноско-Боровский 20 мая 1910 г.: «... мне очень кажется, что, при чтении письма, приведенные строки Пушкина непосредственно относятся к редакции, которая через г. Чулкова не только «хулит» «Весы» с 1906 г., но и льстит им до этого года, точнее — вам лично»; 26 мая он уточнял: «...после указаний письма о том, что статья г. Чулкова имеет характер редакционный, — как же не к редакции относятся эти стихи?» (ГБЛ, ф. 386.86.61). Эти строки — ответ на утверждение Брюсова: «Что до стихов Пушкина, то они, на наш взгляд, никак не могут относиться к редакции «Аполлона»... Во всем письме речь идет исключительно о статье Георгия Чулкова. Во всяком случае, текст нашего письма не подлежит никаким изменениям: он был выработан сообща группою сотрудников «Весов» (п. от 22 мая 1910 г. — ГПБ, ф. 124, ед. хр. 673).

83. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

«Москва.» 26 мая 1910

Дорогой Вячеслав!

Должен представить тебе следующие возражения на твое письмо.

1) Наш протест вовсе не имеет целью «реабилитировать» «Весы», — это было бы нелепо, — а только выражает наше негодование по поводу помещения в «Аполлоне» непристойной и хулиганской статьи Чулкова.

2) Никакого оскорбления кого бы то ни было в нашем протесте я не усматриваю, потому что никто не побуждает читателя *все* слова цитируемых стихов Пушкина относить к Чулкову или кому иному.

3) В Георгии Чулкове мы никак не можем видеть «литературного противника»; он был и остается для нас «литературным хулиганом».

Повторяю, — твое личное отношение к нашему протесту и к самой статье Чулкова ни в каком отношении не может изменить нашего к тебе отношения, — моего, по крайней мере. Я знаю, что ты смотришь на Чулкова иначе, нежели я и все мы, «москвичи», но думаю, что разность мнений по отношению к отдельным лицам и отдельным вопросам не может мешать нашей близости и нашей солидарности вообще. Пишу это потому, что в последних строках твоего письма мне послышался тон какого-то раздражения. Нас мало,

...избранных...

Единого прекрасного жрецов...¹

и грустно было бы, если бы начинающиеся между нами несогласия и раздоры повели к нашему разъединению. Да не будет этого! С другой стороны, пусть за каждым из нас остается право открыто, публично высказывать свое суждение о вещах и о людях, как бы оно резко ни было.

Обнимаю тебя. Твой В а л е р и й

Ответ на п. 82.

¹ Цитата из «Моцарта и Сальери» Пушкина.

84. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

«Петербург.» 27 мая 1910

Дорогой Валерий,

Так как я, как уже сказал, в этом деле нейтрален, то спор между нами имеет характер платонический. И, тем не менее, мне не хотелось бы, чтобы мои слова в письме к тебе казались тебе неоправданными.

Меня удивило, что ты пишешь сегодня: «наш протест вовсе не имеет целью реабилитировать «Весы» — это было бы нелепо». Очевидно, ты забыл свои собственные слова в предыдущем письме: «ты, если и не будешь сочувствовать нашему протесту, не будешь и препятствовать его появлению в печати, т. к. главная его цель — реабилитировать доброе имя «Весов».

Далее, удивило меня заявление: «никакого оскорбления кого бы то ни было в нашем протесте я не усматриваю, потому что никто не побуждает читателя все слова цитируемых стихов Пушкина относить к Чулкову или кому иному». Между тем в протесте недвусмысленно предлагается читателю повторить строки Пушкина с заменой, *ad hominem* или *homines**, слов: «льстецы, льстецы» — словом «хулители» и слова «благородства» — словом «правдоподобия». Это обуславливает «состав оскорбления» по

* применительно к определенному лицу или лицам (лат.).

Г. И. ЧУЛКОВ

Рисунок Е. Е. Лансере.

Итальянский карандаш.

1 августа 1910 г. Москва, Нескучное

Литературный музей, Москва

кодексу чести, который устанавливает этот состав и в случаях, когда возможна несравненно большая растяжимость интерпретации, если желание отнести известное оскорбительное выражение к противнику очевидно.

Наконец, твои слова: «в Георгии Чулкове мы никак не можем видеть литературного противника» и т. д. — имеют чисто субъективное значение. «Литературный противник» не есть моральная квалификация, а функция, определяемая средствами борьбы, — и в глазах общественного мнения автор инкриминируемой статьи — «литературный противник» ваш, если только журнал, где напечатана статья, есть вообще орган литературы, а не хулиганства.

Таковы мои — чисто формальные — возражения на твой отвод моих возражений, имеющих целью указать тебе на — опять-таки формальную — несостоятельность вашего способа «реабилитировать», как ты выразился в первом письме, «доброе имя «Весов», не нуждающееся — повторяю — в реабилитации.

Да, я — и я не один — «смотрю иначе» на Чулкова, чем шесть лиц, подписавшихся под протестом, — несмотря на то, что с «Весами» как движением чувствую себя связанным органически; но это не должно нас разделять, как ты справедливо пишешь в последних строках твоего письма, к которым от всей души присоединяюсь — ибо никакого «раздражения» во мне нет. По отношению к «отдельным лицам» — т. е., в сущности, по отношению к тому же Чулкову, давно уже не связанному со мной в своей литературной деятельности и в своих взглядах и устремлениях, — несогласия между нами не «начинаются», как ты говоришь, но «продолжа-

ются» — и, поверь, не окончатся моим предательством. Осудить же его, как нравственную личность, я до сих пор не имею — *quand même* * — достаточных оснований. В мою личную дружбу и крепкую к тебе привязанность верь, прошу тебя, вопреки всяческой возможной агитации. Если бы мы поссорились, совершилась бы не личная только, но общая роковая неправда. Как брат-поэт, обнимаю тебя старинным, неизменным, нежным объятием.

В я ч е с л а в

Ответ на п. 83.

Вероятно, Брюсов ответил Иванову письмом от 4 июня 1910 г. (датируется по почт. шт. на конверте). Сохранилась лишь его последняя страница: «что писем «легких» ты не пишешь и что в каждое свое письмо ты влагаешь часть души. Однако обстоятельства дела кажутся мне достаточно важными, чтобы позволить себе тебя беспокоить. Дело идет, кажется мне, о единстве нашей литературной группы, которой, в случае, если инцидент не будет улажен, грозит новый и тяжкий раскол...

В заключение я должен просить тебя считать это письмо вполне конфиденциальным. Я пишу его, не посоветовавшись с другими «протестантами», и потому все, что я здесь говорю, есть исключительно мое личное мнение. Я не могу согласиться на распространение этого письма, потому что не знаю, разделяют ли мои взгляды мои сотоварищи».

Вероятно, Брюсов писал Иванову о возможности (с его точки зрения) компромиссного решения конфликта с «Аполлоном». Во всяком случае, вскоре «протестанты» приняли компромисс, который 16 июня предложил в письме к Брюсову С. К. Маковский. Разъяснив обстоятельства появления статьи Чулкова («Предполагалось посвятить «Весам» ряд статей: Кузмин — проза, Сюннерберг — идейные течения, Гумилев — стихи, бар. Врангель — художественные иллюстрации») и невозможность «с этической стороны» поместить протест против нее, Маковский писал: «Позвольте же мне думать, что, приняв во внимание мое длинное и покаянное объяснение, вы примете за «удовлетворение» со стороны «Аполлона», если в следующем № появится заметка от редакции, в которой будет еще раз подчеркнуто, что о «Весках» будет напечатан в «Аполлоне» ряд статей и что редакция, признавая выдающиеся заслуги «Весов», не хотела бы, чтобы статья Чулкова, случайно появившаяся первой, была понята как оценка «Аполлона» (ГБЛ, ф. 386.93.29). Заметка «От редакции» появилась в июньском номере «Аполлона» (№ 8); предварительно текст ее был послан Брюсову (ГБЛ, ф. 386.86.61). В следующем номере были напечатаны статьи: Гумилева — «Поэзия в «Весках» и Кузмина — «Художественная проза «Весов» (№ 9, июль-август).

85. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

<Петербург.> 13.XI.1910

Дорогой Валерий,

Пользуюсь оказией, чтобы сказать тебе привет. Приедешь ли сюда? Помнишь ли обещание? Здесь тебя нужно слышать всем в нашем «Обществе художественного слова»¹. На приезд твой надеются, тебя ждут, и жду я. С твоей полемикой я не согласен, не вижу в ней желанья понять меня и досаду на ее — как мне показалось — не вполне дружелюбный или не вполне серьезный тон; незнающие могут подумать новость что². Отвечать буду и тебе и Мережковскому, обстреливающим меня с двух противоположных сторон, — потом³. Как бы мы ни спорили, уверен, что «вражда», тобой объявленная еще за ужином после моего реферата в «Эстетике», не есть вражда личная.

Дружески обнимаю тебя. В я ч е с л а в

Иоанне Матвеевне кланяюсь.

¹ См. п. 79.

² 17 марта 1910 г. Иванов прочел в «Обществе свободной эстетики» доклад «О новых литературных группировках». Выдвинутая им религиозно-теургическая концепция поэтического творчества вызвала решительные возражения Брюсова (см.: *Дневники*, стр. 142). Диспут на заседании «Общества» положил начало полемике по во-

* вопреки всему (*франц.*).

просу о задачах символистского искусства, которую Брюсов и Иванов вели в 1910 г. в журнале «Аполлон». Упрек, высказанный Ивановым, относится к статье «О «речи рабской», в защиту поэзии» («Аполлон», 1910, № 9), направленной против статей Иванова («Заветы символизма» — там же, № 8) и Блока, выступившего на его стороне («О современном состоянии русского символизма» — там же, № 8).

³ Мережковский полемизировал с Ивановым и Блоком, утверждая, что проповедь идеи «теургического» искусства имеет антиобщественный смысл («Балаган и трагедия». — «Русское слово», 1910, № 211, 14 сентября). Возможно, что Иванов предполагал также ответить и на статью Мережковского, полемизирующую с его интерпретацией «русской идеи» («Земля во рту». — «Речь», 1909, № 314, 15 ноября; вошла в сб. Мережковского «Больная Россия». СПб., 1910). Предполагаемый ответ Брюсову и Мережковскому не был написан.

86. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

«Москва.» 28 ноября, 1910

Дорогой Вячеслав!

С большой радостью получил от тебя весть и был сердечно утешен тем, что тебе захотелось писать мне. Что идейно мы с тобой сейчас расходимся, это, я думаю, ты видишь столь же ясно, как и я. Но, подобно тебе, я верю, что это расхождение не может влиять на отношения каждого из нас к деятельности и к творчеству другого. Тебя как писателя чту неизменно и как поэта люблю по-прежнему. Верю также, что это расхождение может не нарушить наших личных давно дружеских отношений. Мне все как-то верится, что глубже наших расхождений есть между нами некоторое неизбежное и ненарушимое единство... Близкое будущее покажет, насколько правы мои надежды.

Говоря, что в моей полемике есть тон вражды, ты не вполне прав. Свою статью я писал безо всякой враждебности к тебе или к Блоку. Но, разумеется, я писал ее с решительной враждебностью к вашим идеям. С этими идеями я враждовать и бороться должен и буду. Моя полемическая статья с намеренностью написана внешне. Так как ты не захотел в своей статье сделать все выводы из своих положений, то и я предпочел говорить лишь о том, что в ней прямо сказано.

Если спор будет продолжаться, я не премину высказаться и «по существу». Пока о нашей полемике писали двое: Белый и некий Адрианов (в «Вестнике Европы») ¹; кажется, еще будет писать Франк ²; затем обещал ответ ты. Когда все эти статьи появятся, я напишу общий всем ответ, в котором уже прямо выскажу свои суждения о призвании поэта и о значении «символизма».

Как ты, конечно, знаешь, я с осени принимаю участие в редактировании «Русской мысли». Надеюсь, что я могу считать тебя в числе сотрудников журнала ³. Ты не можешь не быть желанным гостем во всех изданиях, которыми в той или иной мере руковожу я. Оставляя вопрос о степени твоего участия до получения твоего официального согласия, я все же хочу уже теперь сделать тебе одно предложение. Не захочешь ли ты написать для «Русской мысли» о книге Эллиса «Русские символисты» ⁴? Я имею в виду, конечно, простую рецензию, так как, по разным причинам, считаю неудобным в «Русской мысли» уделять этой книге много места (хотя она и может дать повод для весьма важных и интересных соображений). Мне нечего добавлять, что, делая такое предложение, я тем самым предоставляю тебе свободу в выражении своих мнений, сколько бы они ни отличались от моих. О своем согласии или несогласии на это предложение не откажись уведомить меня хотя бы буквально одним словом на открытом письме: «да» или «нет».

Всегда твой Валерий

¹ Андрей Белый. Венок или венец («Аполлон», 1910, № 11); С. Андрианов. Критические наброски («Вестник Европы», 1910, № 10). О других откликах на полемику между Ивановым и Брюсовым см.: Блок, т. 5, стр. 757—758.

² Семен Львович Франк (1877—1950) — философ-идеалист, участник сборника «Вехи». В полемике участия не принял.

³ Приступая к работе в «Русской мысли», Брюсов разослал многим видным представителям символистского лагеря письма с предложением сотрудничать в журнале (см.: «Литературный архив», вып. 5. М.—Л., 1960, стр. 260).

⁴ Эллис. Русские символисты. М., «Мусагет», 1910. В книге дан анализ творчества Бальмонта, Брюсова и Андрея Белого. Рецензия на нее в «Русской мысли» не появилась.

87. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 5 дек⟨абря⟩ 1910

Дорогой Валерий,

Конечно, я очень рад быть в составе твоих сотрудников в «Русской мысли». Фактически выразиться это сотрудничество в ближайшее время может в присылке стихов, о которых разумею, что они должны быть — в пределах возможного для их автора — не трудными для понимания; и таковыми могу тебе служить, если и когда ты захочешь¹. Что же касается рецензии о книге Эллиса, это предложение я принужден отклонить как вследствие громадного накопления разнообразных работ, не позволяющего мне теперь думать о другом, так и потому, что для отчетливости и независимости *своего* исследования о символизме я считаю целесообразным принимать в расчет чужие мнения лишь постольку, поскольку они прямо относятся к высказываемым мною утверждениям; частично соглашаться или частично спорить с *параллельными теориями* значит только затемнять собственный метод; критиковать же критику (т. е. критическую, не теоретическую часть книги) не нахожу вовсе ни привлекательным, ни уместным.

Пока — только это, деловое. Спасибо за письмо; оно меня, как всегда, обрадовало уже самим своим прибытием.

Дружески твой Вячеслав

Ответ на п. 86.

¹ В 1911 г. Иванов в «Русской мысли» стихов не публиковал.

88. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 14 февраля 1911

Дорогой Валерий,

Как больно мне видеть, что ты поныне поддерживаешь мнения, высказанные тобою когда-то о «Кормчих звездах»¹... К этой книге у меня какое-то ревнивое отношение². Помню, в 1903 г., как твоя рецензия в «Новом пути» меня обидела, — потому что под ней подписано было *твое* имя. Я преодолел досаду такими приблизительно размышлениями: «Положим, от Валерия Брюсова следует многого требовать; но все же несправедливо требовать совершенной зрячести первого, еще наполовину рассеянного (неизбежная особенность литературных обозревателей) взгляда; поживем — увидим; конечно, жаль, что, обращаясь к мнимому новичку с привычными элементарными наставлениями, он отдает себе столь смутный отчет в художественном задании, не говоря уже о том, что вовсе не слышал души; все же он — и не поняв явления — его отметил»...

Старую рецензию, конечно, можно было перепечатать: это интересно было бы исторически. Но оставлять ее основу, подкрасив поздними ин-

терноляциями, значит до сих пор ничего не понять. Отсюда и удержание красот наивно-аподиктического тона, каким свысока произносишь ты дикторальные приговоры, притязующие быть «объективными» истинами, а не «субъективными» оценками. Но уважение, какое было, например, по твоим сообщениям, между Эразмом и Агриппой³ — и каковое эстетически приличествует нашей красивой дружбе, не позволяет быть в данном случае неосторожным и утверждать что-либо (объективное) — бездоказательно. *Nihil sine documento vituperandum in collegis paribus* *. *Доныне* утверждаю, что книга сплошь *музыкально продумана*. Что признаешь ты «какофонией»? Ожидаю в рецензии примеров. Что такое «ломаная проза»? — и в каком смысле? Ужели гетевский *vers libre*? Ожидаю пояснений *примерами*⁴. Лишь такие подтверждения придали бы этим наблюдениям *объективную* ценность. Это — не подробности; а если бы и так, — ими-то я и дорожу. А в остальном провозглашай меня хоть усердным чернорабочим недающегося стиха: такие общие заявления больше объясняют наше собственное «миропостижение», нежели мир.

...Еще обнимаю, в довершение продолжившегося в душе свидания. Клянюсь Иоанне Матвеевне. Прилагаю забытое стихотворение Верховского, которое хвалил. Напиши, понадобится ли оно⁵? И по возможности вообще о судьбе его стихов. Могу написать о «Философии свободы» Бердяева — только бы журнал выслали⁶.

Дружески твой Вячеслав

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ Брюсов послал Иванову новую редакцию рецензии на сб. «Кормчие звезды» (впервые: *НП*, 1903, № 3), предназначенную в сб. *Далекие и близкие*.

² Ср. дневниковую запись Иванова от 5 июня 1906 г.: «Перечитывал «Кормчие звезды», и мне казалось, что равной им книги лирики, быть может, никогда мне не написать. И, конечно, «Сог Ардеп» не будет на высоте моей первой книги» (ГБЛ ф. 109).

³ См. об этом в статье Брюсова «Агриппа Неттесгеймский» (*РМ*, 1911, № 2).

⁴ В своей рецензии Брюсов указывал недостатки поэтической системы Иванова: «Его новые размеры не всегда ему удаются и иной раз оказываются плохой, ломаной прозой. Он злоупотребляет стечением согласных букв и сопоставлением односложных слов, думая достичь этим особого эффекта и создавая только неприятную какофонию» (*НП*, 1903, № 3, стр. 214). Согласно с желанием Иванова, Брюсов сопроводил примерами свои утверждения и при этом несколько смягчил резкость, с которой они были выражены: «...порой там, где ему хотелось бы писать Гетевским «свободным стихом» нам слышится просто раз, еленная на маленькие кусочки проза (<...> Погоня за звуковыми эффектами, дающая новую напевность в счастливых созданиях, в неудачных приводит почти к какофонии речи» (*Далекие и близкие*, стр. 123). По-видимому, под влиянием этого письма Брюсов сделал следующую оговорку в примечании к статье: «...я не нашел возможным изменять самих суждений статьи, хотя более близкое знакомство с поэзией Вячеслава Иванова и заставило меня увидеть в его первой книге много такого, что в свое время ускользнуло от моего внимания» (там же).

⁵ См. п. 89.

⁶ Рецензия Иванова на книгу Н. А. Бердяева «Философия свободы» (СПб., 1911) в «Русской мысли» не появилась.

89. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

(Москва. 11 мая 1911 г.)

Дорогой Вячеслав. Прости, что не ответил своевременно на твое письмо. Был очень занят и хворал. Сошлюсь и на то, что и мне приходилось иногда ждать твоего ответа месяца. Согласно с твоим желанием, я возвратил свою статью о «Кормчих звездах» к ее первоначальному виду — тому, в каком она была напечатана в «Новом пути», добавив лишь несколь-

* не следует порицать чего бы то ни было в обществе равных бездоказательно (*лат.*).

ко цитат, доказывающих выставленные в ней положения. О «*Cor Ardens*» я написал новую статью, которая войдет в ту же книгу, *извлечения* из нее напечатаю в «Русской мысли»¹. Очень рад, что ты, наконец, участвуешь в «Русской мысли»; статья твоя *очень* хороша². Все жду, что ты исполнишь свое обещание и пришьешь для журнала стихов. Одно стихотворение Верховского, из числа переданных тобою, напечатано³. Бородаевского стихи мне нравятся менее⁴. Участвуешь ли ты в предприятии Сабашниковых по изданию переводов классиков?⁵ и хочешь ли участвовать? Где будешь летом? Всегда твой В а л е р и й

11 мая 1911

Ответ на п. 88.

¹ Отзыв о сб. «*Cor Ardens*» (ч. I. М., «Скорпион», 1911) вошел в обзор Брюсова «Новые сборники стихов» (*РМ*, 1911, № 7); перепечатан (с незначительными исправлениями) в сб. *Далекие и близкие*.

² Статья Иванова «Достоевский и роман-трагедия» (*РМ*, 1911, № 5 и 6).

³ Стих. Ю. Н. Верховского «Завет». См.: *РМ*, 1911, № 4.

⁴ 28 мая Иванов отвечал: «Сожалею и удивляюсь, что ты не хочешь признать Бородаевского. Сила его дарования очевидна». Иванов издал со своим предисловием книгу Валериана Бородаевского «Стихотворения. Элегии. Оды. Идиллии» (СПб., «Оры», 1909). Стихи этого поэта в «Русской мысли» не печатались.

⁵ В 1911 г. изд-во М. и С. Сабашниковых предприняло выпуск серии «Памятники мировой литературы». 28 мая 1911 г. Иванов сообщил Брюсову: «У Сабашниковых я взял Эсхила, в двух томах, срочно». Издание это не было осуществлено; в изд-ве Сабашниковых в переводе Иванова вышли книги: А л к е й и С а ф о. Собрание песен и лирических отрывков <...> (1914); П е т р а р к а. Автобиография. Исповедь. Сонеты (1915). Иванов участвовал также в подготовке неосуществившегося издания антологии греческой лирики.

90. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

2-ое июня 1911 г.

Дорогой Вячеслав!

Прежде всего, прости, пожалуйста, что тебе не была доставлена «Земная ось». Не знаю, как это случилось. Я склонен думать, что книга затерялась на почте. Как только буду в Москве (я сейчас в деревне), немедленно вышлю ее и книгу Балтрушайтиса¹. Благодарю тебя за разбор моего Авсония². Ты знаешь, что мы с тобой не сходимся в теории русского гекзаметра. Я считаю, что ее нужно выводить из стихов Гнедича, Дельвига, Пушкина, а не из греческих примеров. На днях вышлю тебе «Купидона распятого», напечатанного в «Гермесе», где раньше были кое-какие другие мои переводы из древних³. Прости, что пишу мало: последние недели был болен и еще не совсем поправился.

Договор с «Шиповником» пересылаю по их адресу подписанным. Согласно с твоими письмами, пишу им, что и ты эти условия принимаешь⁴.

Сообщи, пожалуйста, свой летний адрес; мне можно писать в Москву.

Обнимаю тебя. Всегда твой В а л е р и й

Ответ на п. Иванова от 28 мая 1911 г.

¹ 28 мая Иванов просил прислать ему второе издание сборника Брюсова «Земная ось» (М., «Скорпион», 1910) и книгу Балтрушайтиса «Земные ступени» (М., «Скорпион», 1911).

² 28 мая Иванов охарактеризовал как «прекрасную работу» статью Брюсова о римском поэте Дециме Магне Авсонии «Великий ритор» (*РМ*, 1911, № 3), однако о его переводах из Авсония (там же) отозвался критически: «...гексаметры мне совсем не нравятся—здесь, как это ни странно, стихи, на мой взгляд, слабейшая часть. Как мне жаль, что мы словно разделены семью морями в общении поэтическом: хотелось бы показывать тебе свое и следить за твоим».

³ В журнале «Гермес» опубликован ряд переводов Брюсова из римских поэтов (1911, № 9, 10, 20), в том числе идиллия Авсония «Купидон подвергается муке» (1911, № 10, май).

⁴ Изд-во «Шиповник» выпускало «Собрание сочинений» Д'Аннунцио; в девятый том (СПб., 1911) вошла трагедия «Франческа да Римини» в переводе Брюсова и Иванова.

91. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 6 марта 1912

Дорогой Валерий,

Позволь мне убедительно просить тебя приехать на здепнее чествование Бальмонта (разумею торжественное заседание «Неофилологического общества» 11 марта)¹. Мне *лично* твое присутствие было бы крайне желательно и дорого, потому что, затеяв дело, я естественно желаю, чтобы его осуществление было на высоте замысла, а твое отсутствие создаст незаменимый, всеми остро ощутимый пробел. Весь наш комитет придает чрезвычайное значение твоему участию. Прибавляю, что мне *очень* хотелось бы с тобою увидеться, а в Москве этою зимой так и не удалось побывать.

Благодарю тебя за «Далеких и близких», за твои страницы обо мне², за привет моей книге в «Русской мысли», которым горжусь³.

Большой поклон Иоанне Матвеевне.

Любящий тебя Вячеслав

¹ 11 марта 1912 г. состоялось заседание «Неофилологического общества» при Петербургском университете, посвященное 25-летию поэтической деятельности Бальмонта. Иванов входил в юбилейный комитет и выступил с речью «Лиризм Бальмонта» («Речь», 1912, № 70, 12 марта). В тот же день была опубликована его статья «К. Д. Бальмонт» («Речь», 1912, № 69, 11 марта).

² В книге *Далекие и близкие* Брюсов объединил свои рецензии о всех стихотворных сборниках Иванова, к тому времени вышедших из печати.

³ См. п. 89, примеч. 1.

92. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Москва. 8 марта, 1912 г.

Мне всей душой хотелось бы присутствовать на «празднике Бальмонта», но окончательно это для меня невозможно¹. Десятки разнообразнейших дел и работ не позволяют мне выехать из Москвы — это первое. Второе то, что простое мое «присутствие» не будет иметь значения. Приготовить какую-нибудь дельную, нужную слушателям речь я не мог. Выступить же с пустыми, приветственными словами — я не хочу. В конце концов мне приходится удовлетвориться присланной телеграммой.

Благодарю за привет моей книге. После нашей беседы я боялся (именно *боялся*), что тебе будут неприятны дополнения, какие я сделал к статье о «Кормчих звездах». Но, со всей искренностью, я старался добавить именно то, что *написал бы* в 1903 году, если бы у меня тогда было больше места для статьи. Трудно это утверждать, но я уверен, что хорошо помню свои мысли и взгляды того времени, не говоря уже о том, что у меня сохранилась черновая той статьи, и я кое-что взял из нее. Если бы о «Кормчих звездах» я писал теперь, я сказал бы о книге все *совершенно другое*, совсем иначе подошел бы к ней².

Предполагается, что с осени «Русская мысль» переселится в Петербург³. Тогда я буду частым гостем «Окна в Европу», как пишут на своих изданиях наши футуристы⁴ (кстати, не лишённые таланта). Пока — нашим ближайшим свиданием буду считать тот день, когда ты получишь мой новый сборник стихов, который очень прошу тебя прочитать: я им очень дорожу⁵. «Выходит» он не далее как завтра.

Всегда твой Валерий

Ответ на п. 91.

¹ 25 февраля 1912 г. Брюсов писал С. К. Маковскому: «Мне бы очень хотелось приехать на «праздник Бальмонта», но я поистине не принадлежу себе <...> Во всяком случае, обещаю вам, что сделаю все возможное, чтобы освободиться к указанному вами дню и приехать в Петербург» (ГПБ, ф. 124, ед. хр. 676).

² См. п. 88 и 89.

³ Редакция «Русской мысли» была переведена в Петербург в августе 1912 г.; Брюсов остался в Москве.

⁴ «Окно Европы» — так обозначал место издания своих эго-футуристических поэтических прокламаций поэт Константин Олимпов (К. К. Фофанов). См. например: Константин Олимпов. Аэропланые поэмы. Нервник I. Кровь первая. Окно Европы. 1912 г. Весна.

⁵ Сборник «Зеркало теней». 28 ноября 1911 г. Брюсов писал о нем К. И. Чуковскому: «Печатаю новый сборник новых стихов, которыми очень доволен. Считаю, что это будет моя лучшая книга стихов» (Корней Чуковский. Из воспоминаний. М., 1959, стр. 458).

93. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

18, piazza del Popolo, int. 6, Roma
22/9.1.1913.

Дорогой Валерий,

Счастливого нового года! Часто думаю о тебе. Думал, например, 1 декабря, будучи уже здесь ¹. Но ты знаешь, какой я письмописец. Ты уже давно только плечами пожал на мои неисправности. Особенно мне досадно, что я не сказал вовремя своих впечатлений по прочтении твоей последней книги стихов, за присылку которой прими запоздалую благодарность ². Так ярко тогда почувствовалось, что это — лирика выздоровления. Оттого в одной части стихов эти очаровательные свежесть и простота. Люблю также многое о женщинах и от лица женщины, за верность и точность изображения. Самая мрачность некоторых мотивов внутренне преодолевается — не художеством только, но самим ощущением выздоровления. Не художеством — потому, что в других случаях, где поэтическая техника великолепна, этого преодоления нет, и зияет что-то болезненное и бессильное под блеском когда-то нас пленявших, но уже износившихся уборов. Но это — исключения, и основной тон переходной книги, ее определяющий, совсем не таков. Только не подумай, чего доброго, что я морализирую под сурдинку. О нет! Кстати, и собственными статьями я никогда не руководствуюсь в оценке творений искусства: они *post factum* вытекают из некоторых обобщений и наблюдений, больше над самим собой, и отнюдь не покрывают диапозона моих вкусов. Итак, я просто хотел бы свободы от *всяких* пут, непосредственности, силы и, кажется — присущего силе, жизнеутверждения. А истинная, последняя простота художника, — до которой нам обоим, должно быть, еще далеко, — для меня — художническая святость.

Благодарю тебя за статью о 2-м томе «*Cor Ardens*» ³, которой горжусь еще более, чем статьей о первом ⁴, — не перед людьми, а перед собой. Посылаю тебе летнюю лирическую книжечку ⁵. Мне не кажется, что она — только дополнительные страницы ко 2-му тому, а ты что скажешь? Посылаю также (через Петербург) изданную «Орами» книжку Скалдина ⁶; надеюсь, что ты согласишься со мной, что он даровит и делен; если же так, при случае литературно ему помоги. Об «Алтаре победы» ничего не говорю: еще не озираю огромного произведения ⁷. Кажется, что «Огненного ангела» люблю больше, но, быть может, это — пристрастие. В журнале очень неудобно отдать себе отчет ясный о целом; впечатление разбивается; одним словом, еще окончательно ничего не знаю, но от души люблюсь на знатока римских дел.

Обнимаю тебя с чувством старинной дружбы. Приветствую с новым годом Иоанну Матвеевну. Любящий тебя Вячеслав

В этой толпе неслетной
Что я? — лишь отзвук других.

["Зеркало Теней"]

Валерий Брюсов

Издательство "Зеркало Теней"

113

БРЮСОВ

Фотографил Д. С. Здобнова. СПб., 1900-е годы. С автографом:

«В этой толпе неслетной
Что я? — лишь отзвук других
(«Зеркало Теней»).

1913. Валерий Брюсов.
Литературный музей, Москва

Р. С. «Русскую мысль» мне перестали высылать с сентября, и поделом. Но все же... Oga pro nobis *! Пересылочные деньги я могу уплатить, а сотрудничать рад.

¹ 1 декабря н. ст. — день рождения Брюсова. Иванов обосновался в Риме в конце 1912 г. и прожил там до осени 1913 г., после чего поселился в Москве.

² Сб. «Зеркало теней» (см. п. 92, примеч. 5).

³ См. этот отзыв Брюсова в статье «Сегодняшний день русской поэзии» (РМ, 1912, № 7).

⁴ См. п. 89, примеч. 1.

⁵ «Нежная тайна. Λέπτα» (СПб., «Оры», 1912). В предисловии указано, что стихи, составившие раздел «Нежная тайна», «написаны летом 1912 года, в Савое» (стр. 5).

⁶ А. С к а л д и н. Стихотворения (1911—1912). СПб., «Оры», 1912. — Алексей Дмитриевич Скалдин (1885—1943) — поэт и прозаик; стихи его отмечены влиянием Вяч. Иванова.

⁷ Роман «Алтарь победы» печатался в «Русской мысли» (1911, № 9, 11, 12; 1912, № 1—6, 8—10).

94. БРЮСОВ — ИВАНОВУ

Майоренгоф, близ Риги,
санаторий д-ра Максимовича
20 января 1914

Дорогой Вячеслав!

Пленен, обрадован, тронут твоими стихами. Далее ты найдешь мой ответ на твое послание — вернее, на его последние строфы, — но смотри на него лишь как на письмо, хотя и в стихах, ибо соперничать с твоими они не смеют ¹.

О себе опять не пишу: трудно. Многое должно было бы раньше *сказать*, чему не суждено было быть. Кое-что узнаешь все же из стихов. Здесь живу для нас с тобой мирно, для здешних обитателей, конечно, на соблазн. Однако, временно уйдя в другой мир, чувствую себя почти хорошо, — сколько сейчас могу. Иоанна Матвеевна — в Москве; если когда с ней встретишься, она дорасскажет внешности.

Море шумит о снег; сосны шумят, отвечая. Еще никогда я не видел зимнего моря: радуюсь и пишу к нему строфы ². (Ты, конечно, не подумаешь, что это — все, что у меня сейчас в душе.) О Москве не то что стараюсь, а решаюсь не думать. Что до Москвы поэтов, — и футуристов, — то надеюсь на тебя очень. За моим отсутствием ты, вероятно, принял по праву принадлежащую тебе державу в этом царстве, как то было в Петербурге. Вернувшись (если вернусь), я первым покорно признаю твою волю, ибо надо, чтобы и москвичи испытали ее благостное ярмо. Кое-кто все же остался, кому не жалко и должно расточить от богатства твоего, все равно не оскудевающего и не могущего оскудеть. Последнему порука твои новые стихи, за которые вновь благодарю.

Обнимаю тебя. Всегда твой Валерий Б р ю с о в

Ответ на письмо Иванова от 15 января 1914 г.

¹ 15 января Иванов отвечал на записку просившего писать Брюсова (7 января 1914 г.): «Меня и тронули и обрадовали твои строки, память твоя и весть ответная на думы о тебе <...> Прилагаю стихи, написанные по получении твоего письма из Риги». Эти стихи — «Лири» (дата: «14 января 1914 г.») и «Ось» (дата: «11 января 1914 г.»); второе имеет посвящение: «Валерию Брюсову». Брюсов ответил на них посланием «Вячеславу Иванову» (дата: «20 янв. 1914»). О дальнейшей судьбе этих стихов см. п. 95.

² Вероятно, стихотворение «В лодке рыбацкой», написанное 15 января 1914 г.

* Молись о нас! (лат.).

95. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 30 янв⟨аря 1914 г.⟩

Дорогой Валерий, благодарю тебя сердечно за письмо и стихи! Радуюсь Марсу, в них поющему. Пишу эти строки, только что вернувшись из Петербурга. Предупреждаю тебя, что в отчетах о моей лекции помянуто твое имя и Бальмонта в связи, вовсе не соответствующей действительной связи моих слов¹. Я хотел было это исправить вместе с другими недочетами в передаче сказанного обращением к редакции, да рукой махнул: решительно, не стоит исправлять репортеров, тем более, что статья «О границах искусства» скоро появится в «Трудах и днях» и потом в моей книге статей². И дело идет в данном случае все же о мелочах. Так как я даю в февральский альманах «Сирина» три стихотворения, из коих одно — «Ось», то обращаюсь к тебе спешно с таким вопросом. Хотел бы надписать посвящение «Валерию Брюсову», но в этом случае, ввиду того интимного, что содержат стихи, без твоего согласия и одобрения не смею и надписываю *«другу-поэту»*. Но если бы ты был согласен на упоминание твоего имени, тогда уже печатай подряд *«Ответ»* — Вяч. Иванову. Твои стихи великолепны, и дуэт мне кажется и красивым и символически ярким³. Ответь мне *тотчас*.

Любящий тебя В я ч.

Ответ на п. 94.

¹ 22 января 1914 г. Иванов прочитал в Петербурге, в концертном зале Тенишевского училища, лекцию «О границах искусства». В отчете, напечатанном за подписью «В.» («Речь», 1914, № 23, 24 января), излагались прослеживаемые Ивановым начала духовной жизни — восхождение и нисхождение духа, и, в частности, сообщалось: «Переходя к символическому искусству, лектор находит эстетическую опасность в тяготении символистов к полюсу восхождения — тяготении, особенно сильном у Вал. Брюсова и Бальмонта. В силу особенностей лирической поэзии, символисты могли всего легче творить в этой области, и оттого у них преобладает лирика». См. также: «Биржевые ведомости», 1914, 23 января; «Россия», 1914, 28 января; «Бюллетени литературы и жизни», 1913, № 7, отд. I, стр. 421.

² Статью «О границах искусства» см.: «Труды и дни издательства «Мусагет». Тетрадь седьмая. М., 1914.

³ Четыре стихотворения («Лира» и «Ось» Брюсова; «Лира» и «Ось» Иванова) опубликованы в альманахе «Сирин» (сб. 3. СПб., 1914) под общим названием «Саргина атюебаеа», что означает «Чередующиеся песни» (*лат.*), т. е. песни, исполняемые поочередно двумя певцами или хорами. Второе стихотворение Брюсова первоначально называлось «Вячеславу Иванову» (см. п. 94, примеч. 1). Стихи Брюсова вошли в *СЦР* с посвящением Иванову и датой: «1913—1914. Эдинбург II». Стихи Иванова — в его сборник «Свет вечерний» (Оксфорд, 1962).

96. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ Zubовский б⟨ульвар⟩ 25
13 марта 1916

Дорогой Валерий,

Посылаю тебе корректуру своей речи, сказанной 5 марта и затребованной у меня «Утром России»¹, — с просьбою пробежать ее. Желанна ли тебе эта статья или нет, я лично не смею решать, но ни за что не хотел бы, чтобы она увидела свет, если она тебе не желанна. Поэтому прошу тебя убедительно сказать мне со всею откровенностью: «да, желанна», или: «нет, нежеланна». В последнем случае, я возьму ее из редакции, — причем уверяю тебя, что ровно ничем не жертвую, что появление или непоявление ее в свет в газете для меня совершенно безразлично².

Если ты разрешишь мой основной вопрос положительно, дальнейшая моя просьба к тебе такова: будь добр, отметь на полях корректуры несколькими словами или знаками частные определения, которые тебе не

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Рисунок К. Ф. Юона. Карандаш, 1920

Литературный музей, Москва

по душе в этой попытке беглой синтетической характеристики. Кое с чем ты просто не согласишься — и знать это для меня лично и любопытно и важно, но не беда, с другой стороны, если мы оба так об этом и не согласимся; практически я имею в виду другое: мне невыносима мысль, что я невзначай могу обмолвиться словом, с которым ты не просто не согласен, но которое тебе неприятно, как произнесенное во всеуслышание слово.

Если корректуру оставишь у себя, пошли с моим посланцем записку, что она в твоих руках.

Твой сердечно Вячеслав

¹ 5 марта 1916 г. в большой аудитории Политехнического музея в Москве состоялся вечер поэзии Брюсова, на котором с приветственной речью выступил Иванов. См.: Вяч. И в а н о в. О творчестве Валерия Брюсова. — «Утро России», 1916, № 77, 17 марта.

² Брюсов отвечал на эту просьбу (письмо без даты): «Какое же может быть сомнение, что мне *дорого все*, что ты найдешь нужным сказать обо мне! <...> твою статью я прочел со спокойной уверенностью, что все сказанное тобою должно быть сказано (по крайней мере в данный день)».

97. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Баку. Гос. университет. 18 июня 1922

Дорогой Валерий,

Благодарю тебя за твой дружеский зов, за твои настояния, чтобы я вернулся в Москву. Не могу! Здесь, как-никак, я все же хоть на юге. И не сердись на меня, будь великодушен: ибо вина моего молчания велика. Отозваться на твои литературные приглашения я не могу: ничего не пишу я после Москвы, ничего вовсе¹. Научное, однако, исключается: медленно печатаю книгу, перерабатываю заново прежние, никогда не видевшие света тетради. Вследствие изменения даже самой основной концепции это вполне новая работа. Заглавие: «Дионис и прадионисийство»². Факультетские лекции и семинарии — вот весь (?) круг моих интересов за эти два года³. Кроме того, что я вообще ничего, помимо указанного, не пишу, я еще и не понял — признаюсь — твоих умолчаний (ты, очевидно, предполагал, что я о деле вообще информирован); не понял, чего именно ты от меня ожидал, какого ответа на какие вопросы...

Пишу тебе сейчас буквально через силу и жестоко нарушая врачебный запрет. У меня воспаление радужной оболочки глаза, я должен лежать в темноте и отнюдь не читать и не писать. Кроме того, непрерывающийся жар, сильно меня изнуряющий. Предполагают малярию (которую я приобрел когда-то еще в Риме), потому что в крови много плазмодий. Одним словом, я и слеп и едва жив. Но пишу все же, чтобы рекомендовать твоей чуткой и строгой доброте поэтического ребенка, выходящего, однако, из ребяческого возраста, но еще не имеющего за душой иных стихов, кроме ребяческих, 15-летнюю Лелю Самойлову⁴, с которой я занимаюсь уже года 1½. Она только что блистательно кончила гимназию, намеревается быть студенткой-словесницей. Испытай ее возможности — у нее есть некоторое знание форм и большая легкость в сложении стихов, она очень умна, у нее поэтический темперамент. Как ребенок, она была мила своими простодушными и благозвучными стихами; что даст она как взрослая девушка — увидим. Во всяком случае, взгляни на нее милостиво, в Москве ей все чуждо и незнакомо; если ведешь ты какие-нибудь студийные занятия, допусти ее к участию.

Желаю тебе доброго здоровья и всего лучшего и прошу сердечно приветствовать от меня Иоанну Матвеевну.

Любящий тебя неизменно Вяч. И в а н о в

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ 1920—1924 гг. — время глубокого поэтического кризиса Иванова; известен, однако, ряд стихотворений бакинского периода, по преимуществу — посвященный и стихотворений на случай.

² Вячеслав И в а н о в. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.

³ Подробнее о пребывании Иванова в Баку см.: Н. В. Котрелев. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. — «Уч. зап. Тартуского университета», вып. 209 («Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение»). Тарту, 1968.

⁴ Леонида Ирсифовна Самойлова (1907—1945) — впоследствии сотрудник изд-ва «Московский рабочий» и редакции журнала «Литературный критик». По-видимому, со стихами в печати не выступала. Одновременно Иванов рекомендовал ее и П. Н. Сакулину (см. письма к нему от 18 июня 1922 г. и от 14 января 1923 г. — ЦГАЛИ, ф. 444, оп. 1, ед. хр. 60).

БРЮСОВ
СО СВОИМ ВОСПИТАННИКОМ
КОЛЕЙ ФИЛИПЕНКО

Фотография. Москва, 1920-е годы.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

98. ИВАНОВ — БРЮСОВУ

Баку, Гос. университет. 12.VII.1923

Дорогой Валерий,

Опять слышу твой дружеский зов — в Москву, к совместной работе. Но, милый, верный, старый друг, оставь меня и моих на юге. Дай еще погреться под субтропическим солнцем, на которое я не жалею и в пору здедного зноя. Синее Хвалынское море ¹ смягчает его ярость и утешает даже в отсутствии зелени. Я люблю Баку с его генуэзскими очертаниями, с его иерусалимскими холмами, с его выжженными высотами и врезанными в камень колеями пригородных дорог, с его скорпионами, фалангами, змеями в расселинах камней и сухими благоухающими травами по темям скал. Здесь идет живая — культурная работа, нужная для России: ведь мы в воротах Востока. Помню твоё стихотворение о Баку; оно мне тогда очень понравилось и смутно памятно ². Я занимаюсь здесь тем, чем стал бы заниматься и в Москве, окруженный учениками, среди которых есть и такие, что не жаль работы, им отданной. Кроме того, я здесь предаюсь классической филологии, у вас, в Москве, совсем, кажется, исчезнувшей с поля зрения. Сожалею, что не могу ни тебе, ни кому другому из близких мне лиц прислать свою книгу «Дионис и прадионисийство», здесь напечатанную (не думай, что это переработка прежних статей «Религия страдающего бога») и защищенную в университете ³. Не могу прислать ее, потому что Наркомпрос, с трудом ее выкупивший у Полиграфтреста (ибо печатание обошлось дорого), захватил весь небольшой завод издания. Но ты увидишь ее везде, куда ее пошлют — обязаны послать — из Наркомпроса. Работаю я (кроме лекций) еще и как председатель Художествен-

ной секции Народного комиссариата просвещения, и по художественным школам в Главпрофобре⁴. Ты очень обязал бы нас, выслав нам материал уставов и инструкций по художественным школам. Здесь меня крепко держат, да я и сам не стремлюсь покинуть Азербайджана. Разве что за границу — чтобы написать, прежде всего, свою книгу об Эсхиле и его удивительной, еще недостаточно раскрытой эпохе⁵; однако, в этом году о поездке за границу вовсе не возбуждал вопроса, зная, что в Германии, где единственно возможно было бы жить командировочный год или 1 1/2, теперь живется тревожно и тяжело. Благодарю тебя за твою память и зов. Приветствуй от меня Иоанну Матвеевну. Верь в искреннюю преданность любящего тебя Вячеслава И в.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова.

¹ Древнерусское название Каспийского моря.

² Вероятно, стихотворение «В Баку» (*РМ*, 1916, № 5); Иванов мог знать также и стихотворение «Баку» (25 января 1917 г.), напечатанное посмертно (*Избр. произв.* 1926, т. III).

³ Докторскую диссертацию Иванов защитил 22 июля 1921 г. См.: Н. В. К о т р е л е в. Указ. соч., стр. 328.

⁴ Там же, стр. 334, 337—338.

⁵ Этот замысел не был осуществлен.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

РЕЦЕНЗИЯ ИВАНОВА

«О НОВОЙ КНИГЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА: «URBI ET ORBI»

Вот правый русский стих — мужественный, свободный и неуклонный! Значит, и в области ритмики, опять есть литература — и высокий подъем ее: а недавно еще была только снова поэзия.

Кажется, что пред тобой бронзовый юноша, вроде «L'Âge d'airain» * Родена. Таков этот стих, металлически выпуклый, мужески стройный и свежий, прочный, как стих латинский.

Или еще видится бронзовый крылатый лев, — зверь-птица, возлетающий, чтобы прыгнуть на земную добычу, волшебный лев-Марк, страж и носитель земного лика вечного благовестования.

Или вспоминается еще, при этом стихе, сосредоточенном и зорком, как глаза рыси, Линкей второй части «Фауста», страж духа, уследивший с своей башни Красоту-Елену и расточающий перед ней несметные дары своего мирообъемлющего зрения.

В этой книге — начатки больших возможностей: попытка реализма в лирике. И как к лицу этот реализм нашему русскому «латинскому» стиху!

Несмотря на новизну этой поэзии, есть черты в многоликом составе поэта, сближающие его — из старых певцов — с Языковым; то же удалое буйствование, то же ликование и дерзость молодой силы, тот же восторг мышц, тот же «хмель», отмеченный в Языкове Пушкиным.

В поэте есть художник, характер и лирик. И стихия этого лиризма — дионисический озон, усиливающий жизненность до последнего избытка. Общий грех современных исканий — преследование ложного идеала романтической «красивости» — правда, ослабляет животворное влияние дионисической струи. Ницше — «филолог Ницше», по определению Вл. Соловьева, и потому классик и пластик в той же мере как музыкальный энтузиаст, — если не сумел превзойти этого идеала, — умел с ним бороться; и с ним борется в Брюсове художник.

Копия рукой М. М. Замятиной с автографической подписью Иванова. ГБЛ, ф. 386.57.10, л. 2—3.

* «Бронзовый век» (франц.).

Иванов написал эту «импрессионистскую», по его собственному определению, рецензию не позже 1/14 ноября 1903 г. и предполагал отдать ее в альманах изд-ва «Гриф» (см. п. 6). Однако рецензия не была напечатана, возможно потому, что содержание ее совпадает со стихотворным обращением Иванова к Брюсову («Твой правый стих, твой стих победный...»), вошедшим в «Прозрачность». Автограф этого стихотворения датирован: «3/16.XI.03».

ПРИЛОЖЕНИЕ II

1. ИВАНОВ — И. М. БРЮСОВОЙ

Рим, 19 окт<ября> 1924

Дорогая Иоанна Матвеевна,

Только что долетела до меня плачевная весть. Не думал я никогда, что переживу Валерия. Он пророчил себе когда-то очень долгую жизнь, и я ему поверил. Как ни хворал он за последние годы, мысль о возможности скорого конца не приходила мне в голову. Нет Блока, нет Брюсова: наша старая группа уходит из нового мира... «И, мнится, очередь за мной...»¹ В эти траурные дни русской словесности, думаю я все же не о словесности. Ведь Валерий мог бы повторить о себе слова Цезаря: «satis vixi vel vitae vel gloriae» — «довольно я жил для жизни, довольно и для славы»². Я думаю о вашем личном горе. Всю свою жизнь, каждое дыхание ее вы отдали ему, ему одному. Величайшие страдания, которые несла с собою эта жертвенная любовь, были все же пронизаны той радостью, которая составляет самую душу любви, — радостью о том, что любимый жив и с вами. Увы, мера ваших страданий еще не исполнилась, а радость близости любимого — отнялась. Вы чувствуете, конечно, что собственная жизнь ваша как бы вырвана из земли с корнем... Мужайтесь, дорогая, благородная страдальца, — и подумайте прежде всего о принятом вами на воспитание мальчике³. Он должен быть вам утешением. Прекрасна эта страница жизни Валерия и вашей. Вспоминаю, как при последнем свидании нашем в июне Валерий при мне говорил с ним и ему улыбался. Эта ласковая улыбка человека глубоко омраченного, при взгляде на любимого ребенка, эта столь несвойственная ему глубокая и стыдливо спрятанная умиленность в обращении с ним — меня тронули и вызвали во мне тихое восхищение. Думайте о нем. Думайте о том, что великое закономерно искупается великими жертвами. И о том также, что наши человеческие достижения не отделимы от наших заблуждений. Молитесь за душу Валерия... Не забывайте в горе о вашем далеком верном друге — Вячеславе И в а н о в е.

Адрес мой: Al Signor Venceslao Ivanov.
172, via Quattro Fontane 3° p. (Presso Placidi), Roma.

¹ Из стихотворения Пушкина «Чем чаще празднует лицей...»

² Это выражение, ставшее крылатым, Цицерон приписывает Юлию Цезарю (Сicero. Pro M. Marc., 8. 25).

³ Николай Николаевич Филипенко (1916—1957), племянник И. М. Брюсовой, был взят в семью Брюсовых на воспитание.

2. ИВАНОВ — И. М. БРЮСОВОЙ

〈Рим. 30 ноября 1924 г.〉

Дорогая Иоанна Матвеевна,

Благодарю вас за грустный рассказ и последние стихи. Просьбу вашу «написать, soit en prose, soit en vers *», молитву, современную молитву» — исполняю, как умею, как мне свойственно, как я должен. Молитва моя не хочет быть «современной», но кажется мне трагически своевременной. Пишите мне еще, как другу.

Неизменно преданный вам В. И.

30/XI.1924

* или в прозе, или в стихах (франц.).

Как листья ветр,— у Вечности преддверий
Срывает Смерть, что украшало нас;
И в строгий, нелицеприятный час
Я о душе твоей молюсь, Валерий,

О вечной памяти — не здесь, в молве,
На поколений столбовой дороге,—
Но в ждущей нас недвижимой синеве,
Но в искони помывшем нас боге.

Вяч. Иванов

Рим,
30 ноября 1924.

Некоторое время по приезде в Рим Иванов вел дневник (сохранился в римском архиве поэта). 1 декабря 1924 г. в него было вписано это письмо почти целиком, вместе со стихами (в третьей строке — незначительное расхождение с публикуемым текстом).